

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (49) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Конончук Д.В.** О дате рождения Конфуция.....5
- Коляда М.С.** Нравы японских воинов в «Собрании стародавних повестей».....13
- «Собрание стародавних повестей». Свиток 25 (*Перевод со старояпонского, пересказ и комментарии М.С. Коляды под редакцией Н.Н. Трубниковой и А.Н. Мещерякова*).....17

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Гельман Е.И., Омелько В.Е., Лящевская М.С., Баштанник С.В., Бондаренко О.В., Раков В.А., Еловская О.А.**
- Роль растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища.....31
- Горохов С.В.** Сравнительный анализ рецептов сплавов нательных крестов XVII–XIX вв. Сибири, Поволжья и Северо-Запада России.....39
- Хаховская Л.Н.** Советская модернизация чукотского оленеводства в 1940-е гг. 52

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Кондратенко Б.Б.** Добровольная помощь пограничным войскам на Дальнем Востоке СССР в 1939–1945 гг. 61
- Власов С.А.** Реформа жилищно-коммунального хозяйства в малых и средних городах Дальневосточного федерального округа (1992–2017 гг.).....69

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Федчук Д.А.** Покой для Бога и покой для человека в связи со средневековым пониманием природы Творца.....77
- Пчелкина С.Ю.** М.Е. Шнейдер и ЛюВэньфэй: особенности китайского понимания русской классической литературы.....85
- Кусенко О.И.** Итальянские рецензенты концепции «христианского Возрождения» Владимира Забугина.....92
- Сидорин В.В.** Новейшие исследования по философии Вл. Соловьева в Германии: М. Альтмайер.....99
- Петрова Е.В.** Наброски к когнитивному портрету человека цифровой эпохи.....105
- Лещинская В.В.** Формирование экологической культуры в условиях глобализирующегося мира: эстетический аспект.....112

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 20.09.2019. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 14,02. Уч.-изд. л. 13,72. Тираж 500 экз. Заказ
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 3 (49) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Kononchuk D.V.** On the date of Confucius' birth.....5
- Kolyada M.S.** Morals and manners of Japanese warriors in Konjaku Monogatari-shu.....13
- «Konjaku Monogatari-shu». Book 25 (*Comments and translation by Maria Kolyada, edited by Nadezhda Trubnikova and Aleksander Meshcheryakov*).....17

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Gelman E.I., Omelko V.E., Lyashchevskaya M.S., Bashtannik S.V., Bondarenko O.V., Rakov V.A., Elovskaia O.A.**
- The role of plants and animals in the livelihood of Kraskino fortress population.....31
- Gorokhov S.V.** Comparative metal alloy composition analysis of the XVIIth – XIXth century cross pendants from Siberia, Volga Region, and North-Western Russia.....39
- Khakhovskaya L.N.** The soviet modernization of deer breeding in Chukotka in the 1940s.....52

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Kondratenko B.B.** The voluntary help to the border troops in the Soviet Far East, 1939–1945.....61
- Vlasov S.A.** The reform of housing and communal services in small and medium-sized towns of the Far Eastern Federal District, 1992–2017.....69

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Fedchuk D.A.** Peace for God and peace for man in the context of medieval understanding of the Creator's nature.....77
- Pchelkina S.Yu.** Mark Schneider and Liu Wenfei: Chinese reception of Russian classical literature.....85
- Kusenko O.I.** Italian reviewers of Vladimir Zabugin's concept of «Christian Renaissance».....92
- Sidorin V.V.** The latest research on Vladimir Solovyov's philosophy in Germany: M. Altmaier.....99
- Petrova E.V.** Sketches for the cognitive portrait of the people in the digital age.....105
- Leshchinskaya V.V.** The formation of environmental culture in the globalized world: an aesthetic aspect.....112

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3/5-12

Д.В. Конончук*

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ КОНФУЦИЯ**

В статье освещается проблема датировки времени рождения Конфуция, выдающегося китайского мыслителя, педагога и политического деятеля, ставшего основателем китайской философской традиции. На примере Мо-цзы описываются типичные трудности датировок времени рождения исторических деятелей Древнего Китая. Автор анализирует основные источники по проблеме, освещает наиболее авторитетные версии датировки времени рождения Конфуция (как китайские, так и западные) и в результате приходит к выводу, что наиболее адекватным источником по проблеме является комментарий к летописи «Чуньцю» «Гулян чжуань», а наиболее убедительной версией – версия о дате рождения Конфуция 3 октября 552 г. до н. э.

Ключевые слова: китайская философия, Конфуций, Мо-цзы, датировка, «Гунъян чжуань», «Гулян чжуань», солнечное затмение

On the date of Confucius' birth. DMITRIY V. KONONCHUK (Far Eastern Federal University)

The article deals with the problem of dating the time of Confucius' birth. Taking the case of Mozi's birth as an example, the paper begins with an outline of the typical difficulties in establishing birth dates of historical figures of ancient China. The author further analyzes the main sources on the issue and highlights the most authoritative versions (both Chinese and Western) of Confucius' birth date. It is concluded that the most adequate source to clarify the issue is the commentary to «The spring and autumn annals» entitled «Gongyang Zhuan» and the most convincing version on Confucius' birth date is October 3, 552 BC.

Keywords: Chinese philosophy, Confucius, Mozi, historical dating, Gong Yang Zhuan, Gu Liang Zhuan, solar eclipse

Постановка проблемы

Одной из наиболее заметных особенностей древнекитайских хроник является, в подавляющем большинстве случаев, отсутствие фиксации времени рождения той или иной персоналии. Даже для чжоуских ванов и правителей

удельных государств эпох Чуньцю и Чжаньго мы, как правило, имеем в своем распоряжении лишь даты их восшествия на престол и смерти, но не даты их рождения. Год рождения того или иного политического деятеля, не говоря уже о конкретной дате рождения, чаще всего оста-

* КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

© Конончук Д.В., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01094.

ся скрыт во мраке неизвестности и в лучшем случае может быть намечен более или менее приблизительно по косвенным данным. Древнекитайских философов эти историко-культурные реалии коснулись самым непосредственным образом по той причине, что в условиях ритуально стратифицированного китайского общества статус человека – это в первую очередь место его службы и степень его близости ко двору правителя, поскольку последние мыслились как естественные центры социальной топологии. В результате едва ли не главными подробностями жизни того или иного китайского философа выступали место его службы и/или его встречи с властью имущими. Термин *шэн* (聖), обычно переводимый на русский язык словом «совершенномудрый» (возможен также вариант «святой»), означавший высшую степень духовно-интеллектуального развития, универсально распространялся в первую очередь на легендарных императоров древности (которые и мыслились в древности первыми китайскими мудрецами), и обозначающий этот термин иероглиф содержит в своем составе графему *ван* (王) – «царь». Лексика «мудрости» и лексика «правления» в Китае всегда имели значительное смысловое пересечение. Даже даосы при их демонстративном игнорировании государственной службы в конце концов не устояли перед социокультурным магнитом власти: книга «Дао дэ цзин», одна из главных результирующих классического даосизма, содержит многочисленные советы правителю (что заставляет сделать выводы о близком ко двору статусе ее авторов IV–III в. до н. э.), а для легендарного Лао-цзы задним числом была придумана совершенно нереальная для селянина-чужака биография хранителя архива при дворе чжоуского вана.

Вопрос о дате рождения Конфуция приобретает некоторое дополнительное значение и потому, что к ней оказались привязаны даты рождения многих других людей. Это в первую очередь все наиболее известные ученики Конфуция: в их перечнях в «Кун-цзы цзя юй» (глава 38) и «Ши цзи» (глава 67) роль даты рождения ученика играет указание, на сколько лет он был младше Учителя. Кроме того, дата рождения Конфуция имеет значение в рамках дискуссии о «проблеме Лао-цзы» и о вероятной дате рождения последнего, которую, по наиболее распространенной версии, относят на двадцатилетие раньше даты рождения Конфуция.

Дата рождения Мо-цзы как пример

Показательным примером сложности и запутанности вопроса о дате рождения конкретного мыслителя может послужить историческая судьба Мо-цзы, основателя первой альтернативной конфуцианству китайской философской школы. Если в IV в. до н. э. его учение пользовалось столь значительной популярностью, что, по признанию его оппонента Мэн-цзы, «заполонило Поднебесную» [8, 6.14], то всего лишь два века спустя, при создании своего фундаментального труда, Сыма Цянь, будучи образованнейшим человеком своего времени и крайне щепетильным к деталям историком, не сумел тем не менее выяснить даже примерное время жизни Мо-цзы: «Одни говорят, что он жил в одно время с Конфуцием, другие говорят, что после него» [9, 74.13]. Спустя целых восемь веков, уже в эпоху Тан, автор «Разысканий по затруднительным местам в “Исторических записках”» Сыма Чжэнь (司馬貞, 679–732) цитирует: «В “Бе лу” сказано: “Ныне следует опираться на то, что в книге “Мо-цзы” фигурирует Вэнь-цзы. Вэнь-цзы является учеником Цзыся¹, который обращался с вопросами к Мо-цзы. Из этого следует, что Мо-цзы жил после семидесяти учеников [Конфуция]» [10, 19.9]. Утверждение, что Мо-цзы по возрасту должен был быть ровесником учеников Конфуция во втором поколении, исходя из этих сведений, уже само по себе не вполне логично – он мог быть ровесником и самого Цзыся, т. е. первого поколения учеников. Но пикантности в ситуацию добавляет еще два темных момента. Во-первых, с годами жизни Цзыся тоже имеется проблема;

¹ Цзыся (子夏, второе имя-цзы – Бу Шан (卜商), ок. 508 или 507 г. до н.э. – ?), ученик Конфуция, родился в государстве Вэй, согласно и «Кун-цзы цзя юй» [2, 38.10], и «Ши цзи» [9, 67.51], был моложе Конфуция на 44 года. Можно предположить его происхождение из семьи, где традиции ритуала были весьма крепки, на что указывает принцип получения второго имени – по близости древних династий Ся (夏) и Шан (商). Цзыся остался в истории как знаток литературной учености, и ему приписывается создание ряда произведений. Помимо «Мао ши юй», небольшого теоретического текста о стихах (наиболее вероятная реальная датировка – эпоха Хань), с именем Цзыся связывают появление «Гуньян чжуань» и «Гулянь чжуань» – двух близких по содержанию комментариев к летописи «Чуньцю». По совпадению, оба этих текста имеют в вопросе о дате рождения Конфуция первостепенную значимость, и речь о них впереди.

поскольку дата смерти его, в отличие от многих мыслителей, нам неизвестна, а дата рождения известна лишь в форме привязки к дате рождения Конфуция – он был моложе Конфуция на 44 года. Во-вторых, Бань Гу (班固, 32–92) в примечаниях к тексту «Хань шу» указывал, что «Вэнь-цзы – ученик Лао-цзы, жил в одно время с Конфуцием» («Хань шу» 3.10.210). Но, вероятно, на эти нюансы не обращали внимания, поскольку объяснение Сыма Чжэня выглядело удовлетворительным вплоть до цинских времен, когда спустя еще двенадцать столетий после Сыма Чжэня лингвист Сунь Ижан (孫詒讓, 1848–1908) путем тонкого анализа соотношения событий в различных источниках предложил первый из существующих ныне вариантов датировки времени жизни Мо-цзы. Он установил начальную ее дату на первый год правления чжоуского Дин-вана (468 г. до н. э.), а конечную – на 26-й год чжоуского Ань-вана (376 г. до н. э.) [3, с. 87–90]. Для полноты картины стоит заметить, что дата начала правления Дин-вана ныне также оспаривается. Кроме того, имеются аргументы в пользу иных датировок жизни Мо-цзы, нежели та, что предложена Сунь Ижаном².

Дата рождения Конфуция: анализ источников

Какова же познавательная ситуация с датой рождения самого Конфуция? В «Лунь юе» Конфуция о дате его рождения сведений нет. Распространенная дата рождения Конфуция 551 г. до н. э. основывается на другом первостепенной важности источнике по истории Древнего Китая – «Исторических записках» Сыма Цяня. В своем синхронистическом списке Сыма Цянь датирует рождение Конфуция годом *гэн-сюй* (庚戌), соответствующим 21-му году правления чжоуского Лин-вана (靈王), 22-му году правления луского Сян-гуна (襄公) [9, 14.2]. Это и был 551 г. нашего современного летоисчисления. Еще раз Сыма Цянь прямо повторяет эту дату в самом начале биографии Конфуция [9, 47.1] и косвенно подтверждает там же в 47.76, где говорит, что Конфуций скончался на 16-м году правления луского Ай-гуна, когда ему было 73 года. Это 479 г. до н. э. Отсчитав 73 года, мы вновь попадаем в 551 г. до н. э.

Но созданные в конце II – начале I вв. до н. э. «Исторические записки» – не единственный источник, сообщающий дату рождения Конфу-

ция. Более близкими по времени к жизни Конфуция источниками сведений о дате его рождения являются два варианта одной записи в двух комментариях к луской летописи «Чуньцю» – «Гунъян чжуань» и «Гулянь чжуань». Встречавшиеся автору варианты их датировок укладываются в два столетия, от первой половины V до первой половины III вв. до н. э. Интересующая нас запись в варианте «Гунъян чжуань» такова: «Двадцать первый год [правления луского] Сян-гуна. В одиннадцатом месяце в день *гэн-цзы* Кун-цзы родился» (襄公二十一年...十有一月庚子孔子生) [13, 9.21.9].

Запись в «Гулянь чжуань» 9.21.6 отличается одним: в ней отсутствует указание на одиннадцатый месяц, отчего фраза «в день *гэн-цзы* Кун-цзы родился» оказывается автоматически сопряженной с событиями предыдущего, десятого месяца. Примечательно, что в самом известном из трех комментариев к «Чуньцю», «Цзо чжуани», эта строчка отсутствует. И это единственное, чем отличается событийная часть «Цзо чжуани» от «Гунъян чжуани» и «Гулянь чжуани»³. Фактически, это вставка не столько в комментарии, сколько в саму летопись.

Как упоминалось в одном из примечаний выше, по конфуцианскому преданию, ученик Конфуция Бу Цзыся преподавал текст летописи «Чуньцю» уже собственным ученикам – Гунъян Гао (公羊高) и Гулянь Чи (穀梁赤), и текст сохранился в их семьях в двух разных вариантах⁴. Ряд китайских ученых, в частности Би Баокуй, считают, что преданию можно доверять, и приписывают интерполяцию о рождении Конфуция лично Бу Цзыся [15, с. 35]. Эта версия, конечно, слишком удобна, чтобы позволить себе на ней остановиться, однако же и с ходу отвергать ее мы не имеем оснований. И хотя насколько верна версия о Бу Цзыся как об авторе интерполяции о рождении Конфуция, установить, по-видимому, уже невозможно, ее происхождение из конфуцианской среды наиболее вероятно. Не только потому, что доступ к такого рода документам имели в первую очередь конфуцианцы-жу (儒), и не только потому, что Конфуций там титуло-

³ Основные различия между ними, собственно, в комментарии.

⁴ Семейство Гунъян принадлежало к числу достаточно известных конфуцианских фамилий эпохи Чжаньго, и один из потомков Гунъян Гао Гунъян Шоу (公羊壽) был учителем великого ханьского конфуцианца Дун Чжуншу (董仲舒, ок. 192 или 179 – 104 гг. до н. э.). О Гулянь Чи известно меньше.

² Подробнее см.: [3, с. 87–90].

ван как Кун-цзы (孔子), «учитель Кун» (так наряду с Чжунни (仲尼) он именуется уже в IV в. до н. э. как в конфуцианских, так и в иных текстах, например, в ранних, «внутренних» главах «Чжуан-цзы»). Решающим аргументом здесь является то, что интерполятор считал рождение Конфуция настолько важным событием, что добавил его в каноническую летопись.

Свидетельство «Гунъян чжуани» и «Гулян чжуани» мы имеем основания считать более релевантным, нежели сведения Сыма Цяня по ряду причин. Прежде всего, оба эти источника ближе по времени к жизни Конфуция и содержат больше подробностей. Учитывая то, что Сыма Цянь сам использовал «Чуньцю» и комментарии к ней (по крайней мере «Цзо чжуань», откуда в «Ши цзи» почерпнута масса сведений), его текст является вторичным по отношению к традиции летописи «Чуньцю». Приоритет «чжуаней» над «Ши цзи» в этом вопросе отмечала и ранняя комментаторская традиция⁵. Уже упоминавшийся нами Сыма Чжэнь, комментируя соответствующий фрагмент Сыма Цяня, пишет: «[Согласно] «Гунъян чжуани», в двадцать первом году [правления] Сян-гуна, в одиннадцатом месяце в день *гэн-цзы* Кун-цзы родился. В наше время считают, что в двадцать втором году потому, что одиннадцатый месяц чжоуского календаря отнесли к следующему году, отсюда и ошибка» (公羊传襄公二十一年十一月属明年故误也) [10, 14.5].

Вне зависимости от того, верна ли гипотеза Сыма Чжэня, сам по себе факт, что цитату из комментируемого им, причем весьма авторитетного текста он считает менее достоверной, чем сведения из внешнего источника, не может не приниматься в расчет.

Существует и еще один источник, параллельно подтверждающий дату рождения Конфуция из «Гунъян чжуани» и «Гулян чжуани». Это «Лао-цзы мин» – посвященная Лао-цзы пространная инскрипция на датируемой эпохой Восточная Хань стеле. Оригинал этой надпи-

си сохранился в сунском сборнике инскрипций «Ли ши»: «Кун-цзы на двадцатом году [правления] чжоуского Лин-вана родился, когда настал десятый год [правления] Цзин-вана, [Кун-цзы] было семнадцать, [и он] учился ритуалу у Лао Даня» (孔子以周靈王廿年生, 到景王十年, 年十有七, 學禮於老聃) [4, 3.5].

Двадцатый год правления чжоуского Лин-вана соответствует двадцать первому году правления луского Сян-гуна, и это все тот же 552 г. до н. э. 10-й год Цзин-вана – это 535 г. до н. э., и действительно, Конфуцию, согласно «Лао-цзы мин», в этот год исполнилось семнадцать. Безотносительно содержания даосской легенды об учебе юного Кун Цю у Лао Даня⁶, версия «Лао-цзы мин» вполне совпадает с версией «Гунъян чжуани» и «Гулян чжуани». Характерно, что в более поздней копии «Лао-цзы мин», которая содержится в сборнике «Хунъюань шэн цзи»⁷, составленном южносунским даосом Се Шоухао (谢守灏, 1134–1212), дата «周靈王廿年» («двадцатый год [правления] чжоуского Лин-вана»), изменена на «周靈王二十一年» («двадцать первый год [правления] чжоуского Лин-вана») (Хунъюань шэн цзи» 7.32), и эта крохотная правка раскрывается для нас еще одним эпизодом долгой истории неудобного противоречия между двумя датировками.

О дне рождения Конфуция

Но загадки с датой рождения Конфуция на этом не заканчиваются, поскольку, напомним, в «Гунъян чжуани» и «Гулян чжуани» у нас имеется таковая с точностью до дня (но с разницей в месяц).

Начиная с XII–XIII вв. среди китайских ученых преобладала достаточно необычная, «компромиссная» точка зрения, что при расчете даты рождения Конфуция следует принимать и «Ши цзи», и «Гулян чжуань» одновременно⁸. Так, в цзиньскую эпоху потомок Конфуция в 51-м по-

⁵ В своем стремлении отправить Конфуция на учебу к Лао-цзы даосы были постоянны, но не согласованны: у Чжуан-цзы Конфуций отправляется к Лао Даню в 51 год [11, 14.5].

⁶ Подробнее о вариантах «Лао-цзы мин» см.: [16, с. 77–103].

⁷ Помимо нижеупомянутого Кун Юаньцо, к числу ученых, сделавших в указанный период эту точку зрения приоритетной, относятся Чжэн Цяо (鄭樵, 1104–1162), Юань Шу (袁樞, 1131–1205). Окончательно она возобладала, поддержанная авторитетом Чжу Си (朱熹, 1130–1200).

колении Кун Юаньцо (孔元措, 1182 – ок. 1252), «творчески скомпилировав» данные «Ши цзи» и «Гулян чжуань», обнаружил следующее: «Год *гэн-сюй*, двадцать первый год [правления] чжоуского Лин-вана, является двадцать вторым годом [правления] луского Сян-гуна. В двадцать втором году [правления] луского Сян-гуна, зимой в десятом месяце, в день *гэн-цзы* древний совершенномудрый родился. День *гэн-цзы* десятого месяца является ныне двадцать седьмым днем восьмого месяца» (周灵王二十一年庚戌歲即魯襄公二十二年当襄公. 二十二年冬十月庚子日先圣生十月庚子即今之八月二十七日) [3, 8.5].

Как легко заметить, датировка года здесь опирается на «Ши цзи», датировка дня – на «Гулян чжуань». Сдвиг в два месяца имеет причиной то, что чжоуский календарь *чжоу ли* (週歷), которым пользовались в эпоху Чуньцю, начинался с лунного месяца *цзы*. Во времена правления ханьского У-ди (武帝, 141–87 до н. э.) Китай перешел на так называемый «сяский» календарь *ся ли* (夏歷), который брал начало с лунного месяца *инь*, следовавшее через два месяца после начала месяца *цзы*. То есть десятый месяц чжоуской эпохи – месяц *ю* – в ханьскую эпоху оказался восьмым. Двадцать седьмой день же этого месяца был рассчитан путем отсчета от первого дня десятого месяца 551 г. до н. э. (то есть, года указанного «Ши цзи» и дня *цзя-сюй*) [17, с. 410], дня рождения Конфуция (то есть, дня, указанного в «Гулян чжуани», и дня *гэн-цзы*). *Цзя-сюй* – это 11-й день китайского 60-дневного шестидесятидневного цикла по системе «стволов и ветвей» (*ганьчжи*), а *гэн-цзы* – 37-й. Именно так традиционный день рождения Конфуция был отнесен на 27-й день восьмого месяца.

Таким образом, традиционная дата рождения Конфуция появилась путем компиляции: год, указанный более авторитетным «Ши цзи», совместили с днем, указанным менее авторитетной «Гулян чжуанью». Год, на который указывали как «Гулян чжуань», так и «Гуньян чжуань», игнорировался.

Отмечаемый ныне «официальный» день рождения Конфуция по григорианскому календарю – 28 сентября – был высчитан и установлен с опорой на эту дату. Первая привязка дня рождения Конфуция к 28 сентября относится к 1913 г. и связывается с соответствующим указом, который издал министр образования Китайской республики (в будущем – дважды ее пре-

мьер-министр) Ван Дасе (汪大燮, 1859–1929). Как полагает Би Баокуй, эта дата могла быть получена путем ошибочной проекции двадцать седьмого дня восьмого лунного месяца на таковой в 1913 г. Восьмой месяц в этом году начался 1 сентября, следовательно, двадцать седьмой его день наступил 27 сентября. Однако и в этом случае непонятно, чем объяснить ошибку в один день [15, с. 34–35]. Чжан Пэйюй же полагает, что все верно, и если мы относим день рождения Конфуция к 551 г. до н. э., то день *гэн-цзы* десятого месяца пришелся на 4 октября. Поскольку по григорианскому календарю события происходили в VI в. до н. э., мы должны отнимать от этой даты 6 дней, что как раз соответствует 28 сентября [17, с. 413].

Но все же мы должны признать, что дата 28 сентября, по сравнению с источниковым сообщением о дне *гэн-цзы*, базируется сразу на двух конвертациях дат, которые совершенно точно неверны: первая – потому что получена путем искусственной компиляции, а вторая – потому что базируется на первой, да к тому же еще и с требующим объяснения зазором в один день. Но если Конфуций родился не 28 сентября, то когда?

И здесь нам вновь следует вернуться к записям в «Гуньян чжуани» и «Гулян чжуани», поскольку день рождения Конфуция в них окружён еще целым рядом примечательных фактов.

В «Чуньцю» под 21-м годом правления Сян-гуна имеется следующая запись, автоматически попавшая в «Гуньян чжуань» и в «Гулян чжуань»: «В девятом месяце новолуние в день *гэн-сюй*, было затмение. Зимой, в десятом месяце новолуние в день *гэн-чэнь*, было затмение» (九月庚戌朔日有食之. 冬十月庚辰朔日有食之) [14, 9.21.1; 13, 9.21.5–6; 12, 9.21.4–5].

При этом, напомним, рождение Конфуция «Гуньян чжуань» датирует днем *гэн-цзы* в следующем, одиннадцатом месяце, а «Гулян чжуань» никак не отделяет рождение мудреца от десятого месяца, автоматически продолжая его. Образованные люди, например, видный позднеханьский ученый Хэ Сю (何休, 129–182), довольно быстро заметили, что хронология в версии, предложенной текстом «Гуньян чжуани», невозможна. День *гэн-чэнь*, с которого начинался десятый месяц, – это 17-й день китайского шестидесятидневного цикла по системе «стволов и ветвей», а день *гэн-цзы*, когда родился Конфуций, – это 37-й день этого цикла. Следовательно, в 11-м месяце дня *гэн-цзы* быть не могло. Он мог быть в 10-м месяце, либо в 12-м.

Именно поэтому к моменту сунско-цзиньской компиляции данных «Ши цзи» и «Гулянь чжуани» данные из «Гунъян чжуани» не рассматривались как достоверные.

Наиболее авторитетные китайские исследователи склонны так полагать и по сей день. Ведущий китайский специалист в вопросах исторических датировок по астрономическим данным Чжан Пэйюй в своей статье, посвященной датам рождения и смерти Конфуция, «проблему одиннадцатого месяца» вообще обходит молчанием. Би Баокуй из слов Хэ Сю «В одном издании [“Гунъян чжуани”] написано “в одиннадцатом месяце в день *гэн-цзы*, в другом издании нет этой фразы”» (一本作十一月庚子，又本無此句) [5, 21.60] делает позволяющий создать видимость решения «проблемы одиннадцатого месяца» вывод, что Хэ Сю видел два издания «Гунъян чжуани», одно из которых содержало «ошибку переписчиков» (11-й месяц), второе было «правильным» (10-й месяц) [15, с. 34–35]. Это вовсе не факт, так как «второе издание» могло быть и какой-то другой книгой, например, изданием той же «Гулянь чжуани».

Понятно, что подобная логическая цепочка в вопросе о дне рождения Конфуция может привести лишь к одному выводу. Сунско-цзиньская компиляция данных «Ши цзи» и «Гулянь чжуани» должна быть отложена, авторитет «Гулянь чжуани» восстановлен в полной мере, и день *гэн-цзы* десятого месяца должен рассчитываться исходя из данных 552, а не 551 г. до н. э. Согласно расчетам Чжан Пэйюя, день *гэн-чэнь*, первый день десятого месяца 552 г. до н. э., – это 19 сентября, а день *гэн-цзы*, как и полагается, отстоит от него на 20 дней, и это 9 октября 552 г. до н. э. [17, с. 410–411, 413]. Би Баокуй, опираясь на изданный в 1990 г. «Календарь астрономических явлений за три с половиной тысячи лет» Чжан Пэйюя [18], также датирует рождение Конфуция 9 октября 552 г. до н. э. [15, с. 34–38]. Применяя поправку на VI в. до н. э., Чжан Пэйюй отнимает от этой даты 6 дней и таким образом получает окончательную и актуальную для нас дату дня рождения Конфуция 3 октября 552 г. до н. э.⁹

⁹ См.: [17, с. 410–411, 413]. Тем не менее, статья Чжан Пэйюя, посвященная обоснованию правоты датировки по «Гулянь чжуани», завершается феноменальным выводом, не следующим из ее содержания: в конце оказывается, что, как выражается автор, «компромиссная» (между «Ши цзи» и «Гулянь чжуанью») датировка 28 сентября 551 г. до н. э., более

Но наряду с точкой зрения китайских специалистов имеется и еще одна, не менее, а местами и более правдоподобная версия, поскольку ее автор, в отличие от первых, не игнорирует «проблему одиннадцатого месяца». Эта версия была высказана еще в 1949 г. и по сей день актуальна в западной науке. Принадлежит она одному из корифеев западного конфуциеведения Гомеру Х. Дабсу (1892–1969).

Дабс обратил внимание на фиксируемое в «Гунъян чжуани» и «Гулянь чжуани» странное обстоятельство. В первый день девятого месяца и в первый день десятого месяца года, который оба текста дополняют информацией о рождении Конфуция, по сообщению «Чуньцю» (а следом и «чжуаней»), имело место два солнечных затмения. При этом два видимых в одном регионе солнечных затмения с интервалом в месяц невозможны [20, с. 142]. И действительно, при помощи астрономических таблиц П. Нейгебауэра Дабс обнаруживает крупное видимое в Лу затмение, которое датируется 14 августа 552 г. до н. э.¹⁰. Второе затмение Дабс не вполне убедительно объясняет ошибкой копирования, когда данные за девятый месяц были ошибочно продублированы и в десятом, при этом знак *суй* (戊) был записан как знак *чэнь* (辰) [20, с. 143]. Но главное, Дабс находит остроумное решение «проблемы одиннадцатого месяца». Он пишет: «Авторы “Гунъян чжуань”, помимо прочего, знали, что Конфуций родился в месяце, *следующем* за тем, что начался в день солнечного затмения, поэтому ошибочно отнесли его рождение к одиннадцатому месяцу, несмотря на то, что тем самым внесли нонсенс, расположив день *гэн-цзы* в месяце, в котором его не могло быть» [20, с. 144]. И в этом Дабс видит дополнительное доказательство того, что Конфуций действительно родился в десятом месяце двадцать первого года правления луского Сянь-гуна.

верна. Такой вывод трудно объяснить иначе, чем влиянием вненаучных факторов.

¹⁰ При этом следует заметить, что существует целый ряд датировок солнечных затмений, и они могут несколько отличаться друг от друга. В данном случае мы следуем за Г. Дабсом, опирающимся на датировку П. Нейгебауэра, однако метод не исключает возможность иных датировок затмений. Тем не менее, более современные, независимые друг от друга подсчеты Ф. Вербелена [23] и Ф. Эспернака [21; 22], различаясь друг с другом лишь в часах, подтверждают дату затмения 20 августа – 551 г. (т. е. 552 г. до н. э.), что, с поправкой на VI в. до н. э. (минус шесть дней), соответствует 14 августа.

Таким образом, Дабс, прибавив к дате затмения 14 августа необходимые пятьдесят дней от дня *гэн-сюй* (47-й день шестидесятидневного цикла) до дня *гэн-цзы* (37-й день шестидесятидневного цикла)¹¹, получает дату 3 октября 552 г. до н. э.¹². Напомним, эту же дату, но иным способом позже получит и Чжан Пэйюй, который, судя по материалам его статьи, не был знаком с работой Дабса.

К сказанному нам остается добавить три замечания. Во-первых, предположение Дабса об ошибочном копировании знаков *сюй* и *чэнь* в наименованиях месяцев представляется нам избыточным. Десятый месяц двадцать первого года правления луского Сянь-гуна действительно мог начаться со дня *гэн-чэнь*. Это был 17-й день шестидесятидневного цикла, и наступил он как раз через тридцать дней после ознаменованного солнечным затмением дня *гэн-сюй*, который, в свою очередь, признается первым днем девятого месяца. Опираясь на этот факт как на истинный, Чжан Пэйюй также назовет в качестве даты рождения Конфуция 3 октября 552 г. до н. э.

Во-вторых, следует заметить, что в конечном счете исходным для датировки событием для нас является солнечное затмение в день *гэн-сюй*. При наличии иных датировок данного затмения, нежели 14 августа 552 г. до н. э., будет сдвигаться и дата рождения Конфуция.

В-третьих, несмотря на спасительную для историков философии привязку дня рождения Конфуция к крупному солнечному затмению, мы не должны исключать, что этот путь датировки может оказаться ложным, поскольку ложной может быть сама эта привязка: день рождения великого человека могли искусственно разместить под небесным знаменем (случившимся, к тому же, в первый день месяца, что тоже не может не вызвать сомнений). Хотя тот факт, что между этими событиями присутствует значительный интервал в 50 дней, позволяет нам надеяться, что это все же не так и сведения, сообщаемые нам «Гулян чжуанью», правдивы.

¹¹ Саму эту операцию он не артикулирует, но специалисту она представляется очевидной.

¹² Как известно, Сыма Цянь в «Ши цзи» 47.76 сообщает о возрасте Конфуция в 73 года. Дабс утверждает, что это не противоречит его расчетам, поскольку Конфуций действительно скончался на 73-м году своей жизни: к моменту его смерти 4 марта 479 г. до н. э. ему было полных 72 года, 5 месяцев и 1 день [20, с. 145].

Выводы

Таким образом, наиболее адекватной версией даты рождения Конфуция является дата, которая сообщается в тексте комментария к летописи «Чуньцю» «Гулян чжуанью» 9.21.6, относящего рождение первого китайского философа к дню *гэн-цзы* одиннадцатого месяца двадцать первого года правления луского Сян-гуна, что, согласно двум независимым друг от друга исследованиям, соответствует 3 октября 552 г. до н. э. Прежняя версия, которая относит дату рождения Конфуция к 28 сентября 551 г. до н. э., опирается на методологически несостоятельную компиляцию данных из «Ши цзи» и «Гулян чжуани». В свою очередь, корреляция сообщения «Гулян чжуани» с солнечным затмением 14 августа 552 г. до н. э., позволяет нам предполагать, что сообщаемые сведения с высокой степенью вероятности являются истинными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бань Гу. Хань шу (Книги [истории династии] Хань). Т. 1–4. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012.
2. Кун-цзы цзя юй (Беседы Кун-цзы в школе). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.
3. Кун Юаньцо. Кун ши цзутин гуан цзи (Обширные записи дома предков семейства Кунов). Цзинань: Шаньдун юй, 1990.
4. Ли ши (Разъяснения к [письменам] лишу) // Ли ши. Ли сюй. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986.
5. Лу Дэмин. Цзин дянь ши вэнь (Разъяснения к классическим текстам). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.
6. Лунь юй (Избранные беседы) // Лунь юй. Да сюэ. Чжун юн. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2013.
7. Мо-цзы. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015.
8. Мэн-цзы. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2017.
9. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Т. 1–4. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008.
10. Сыма Чжэнь. Ши цзи со инь (Разыскания по затруднительным местам в «Исторических записках»). Сиань: Шэньси шида, 2018.
11. Чжуан-цзы. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015.
12. Чуньцю Гулян чжуанью (Комментарий Гуляна к «Веснам и осеням»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016.
13. Чуньцю Гунъян чжуанью (Комментарий Гунъяна к «Веснам и осеням»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016.
14. Чуньцю Цзо чжуанью (Комментарий Цзо к «Веснам и осеням»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016.

15. Би Баокуй. Кун-цзы шэннянь, шэнжи сянкао (Подробные разыскания о годе и дне рождения Кун-цзы) // Ляонин дасюэ сюэбао. 2011. № 3. С. 34–38.

16. Лю И. Лунь «Лао-цзы мин» чжун дэ Лао-цзы юй даи (К вопросу о Лао-цзы как верховном божестве в «Лао-цзы мин») // Ханьсюэ яньцзю. 2003. № 6. С. 77–103.

17. Чжан Пэйюй. Кун-цзы дэ шэн цзу чжунли хэ гунли жици (Датировки рождения и смерти Кун-цзы по китайскому и западному календарям) // Тяньвэнь сюэбао. 1989. № 12. С. 409–414.

18. Чжан Пэйюй. Сань цянь у бай нянь ли жи тяньсян (Календарь астрономических явлений за три с половиной тысячи лет). Чжэнчжоу: Дасян, 1997.

19. Чэнь Яо. Мо-цзы шэн цзу нянь ши бянь (Оценка критериев датировки жизни Мо-цзы) // Гуцзи чжэнли яньцзю сюэкань. 2015. № 11. С. 87–90.

20. Dubs, H.H., 1949. The date of Confucius' birth. *Asia Major*, Vol. 1, part 2, pp. 139–146.

21. Espernak, F., 2006. Six millennium catalog of solar eclipses. – 0599 to – 0500 (600 BCE to 501 BCE). URL: <http://www.eclipsewise.com/solar/SEcatalog/SE-0599--0500.html>

22. Espernak, F., 2006. Solar eclipse prime page. Annular solar eclipse of – 0551 Aug 20 (0552 Aug 20 BCE). URL: <http://www.eclipsewise.com/solar/SEprime/-0599--0500/SE-0551Aug20Aprime.html>

23. Verbelen, F., 2001. Solar eclipses. Investigation from – 1000 to 2500. List of all solar eclipses visible somewhere on Earth. URL: <http://users.skynet.be/felixverbelen/catzeute.txt>

REFERENCES

1. 班固. 汉书 [Books of Han dynasty history]. Vol. 1–4. 北京: 中华书局, 2012. (in Chinese)

2. 孔子家语 [Confucius talks in the school]. 北京: 中华书局, 2011. (in Chinese)

3. 孔元措, 1990. 孔氏祖庭广记 [Extensive records of the home of Kong family ancestors]. 济南: 山东友谊. (in Chinese)

4. 隶释 [Explanations to the Lishu]. In: 隶释. 隶续. 北京: 中华书局, 1986. (in Chinese)

5. 陆德明, 2006. 经典释文 [Explanations to the classical texts]. 北京: 中华书局. (in Chinese)

6. 论语 [The Analects]. In: 论语. 大学. 中庸. 北京: 中华书局, 2013. (in Chinese)

7. 墨子 [Mozi]. 北京: 中华书局, 2015. (in Chinese)

8. 孟子 [Mengzi]. 北京: 中华书局, 2017. (in Chinese)

9. 司马迁, 2008. 史记 [Records of the grand historian]. Vol. 1–4. 北京: 中华书局. (in Chinese)

10. 司马贞, 2018. 史记索隐 [Search for difficult places of the «Records of the grand historian»]. 西安: 陕西师大. (in Chinese)

11. 庄子 [Zhuangzi]. 北京: 中华书局, 2015. (in Chinese)

12. 春秋穀梁传 [The Guliang tradition]. 北京: 中华书局, 2016. (in Chinese)

13. 春秋公羊传 [The Gongyang tradition]. 北京: 中华书局, 2016. (in Chinese)

14. 春秋左传 [The Zuo Tradition]. 北京: 中华书局, 2016. (in Chinese)

15. 毕宝魁, 2011. 孔子生年生日详考 [Detailed researches on the year and day of Confucius' birth], 辽宁大学学报, no. 3, pp. 34–38. (in Chinese)

16. 劉屹, 2003. 論《老子銘》中的老子與太一 [On the issue of Laozi as supreme deity in «Laozi Ming»], 漢學研究, no. 6, pp. 77–103. (in Chinese)

17. 张培瑜, 1989. 孔子生卒的中历和公历日期 [Dates of Confucius' birth and death in Chinese and Western calendars], 天文学报, no. 12, pp. 409–414. (in Chinese)

18. 张培瑜, 1997. 三千五百年历日天象 [Calendar of astronomical phenomena for three and a half thousand years]. 郑州: 大象. (in Chinese)

19. 陈瑶, 2015. 墨子生卒年试辨 [Assessment of the criteria for dating the life of Mozi], 古籍整理研究学刊, no. 11, pp. 87–90. (in Chinese)

20. Dubs, H.H., 1949. The date of Confucius' birth. *Asia Major*, Vol. 1, part 2, pp. 139–146.

21. Espernak, F., 2006. Six millennium catalog of solar eclipses. – 0599 to – 0500 (600 BCE to 501 BCE). URL: <http://www.eclipsewise.com/solar/SEcatalog/SE-0599--0500.html>

22. Espernak, F., 2006. Solar eclipse prime page. Annular solar eclipse of – 0551 Aug 20 (0552 Aug 20 BCE). URL: <http://www.eclipsewise.com/solar/SEprime/-0599--0500/SE-0551Aug20Aprime.html>

23. Verbelen, F., 2001. Solar eclipses. Investigation from – 1000 to 2500. List of all solar eclipses visible somewhere on Earth. URL: <http://users.skynet.be/felixverbelen/catzeute.txt>

М.С. Коляда*

НРАВЫ ЯПОНСКИХ ВОИНОВ
В «СОБРАНИИ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»

«Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», XII в.) – крупнейший японский сборник поучительных рассказов *сэцува*, содержащий более тысячи рассказов. В сборник вошли рассказы как «буддийские», так и «светские», тематика их разнообразна. 25-ый свиток «Собрания» целиком отведен рассказам о воинах: в свиток входили четырнадцать рассказов, текст двух из которых отсутствует. В приложении к статье публикуется перевод семи рассказов из свитка и пересказ остальных с целью дать читателю представление о 25-ом свитке «*Кондзяку моногатари сю:*» как об источнике данных о нравах японского воинского сословия и образе идеального воина XII в.

Ключевые слова: сэцува, японская литература, японские воины, *Кондзяку моногатари*

Morals and manners of Japanese warriors in *Konjaku Monogatari-shu*.
MARIA S. KOLYADA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

«*Konjaku Monogatari-shu*» (Anthology of tales from the past) of the XIIth century is the largest Japanese collection of didactic tales *setsuwa*. It contains more than one thousand stories, including «Buddhist» and «mundane» tales on various topics. Its 25th book is entirely devoted to warriors and consists of fourteen stories, the text of two of which is now missing. The annex to this article presents the translation of seven stories into Russian with retelling of the rest in order to give the readers an idea of the 25th book of «*Konjaku Monogatari-shu*» as a source of information on the morals and manners of the Japanese military class and the image of an ideal warrior in the XIIth century.

Keywords: *setsuwa* tales, Japanese literature, Japanese warriors, *Konjaku Monogatari-shu*

Сэцува – жанр пограничный. Корни его – в проповеднической традиции, он многое вобрал в себя от фольклора и мифов, но не только. Поскольку средневековые сборники создавались высокообразованными людьми, имеющими огромный культурный багаж, среди источников

рассказов *сэцува* есть и китайские труды, и военные повести, и даже, в определенном смысле, поэтические антологии (см.: [11]), а некоторые сборники не только обладают сложной и продуманной структурой, но и носят отчетливо авторский характер. В *сэцува* сплетаются черты

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: warrormary@yandex.ru

© Коляда М.С., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00558.

литературы, нацеленной на неподготовленного читателя, на читателя-реципиента, и литературы, которая ориентируется на читателя-сотворца, способного, оперируя собственным знанием книжной традиции, уловить тонкие намеки и воспринять смысл, вынесенный за пределы конкретного текста (см.: [15, р. 124, 135]). Литература *сэцува* находится как раз на той грани, где религиозные догмы, философские принципы и теоретические рассуждения входят в соприкосновение с действительностью, потому для культуролога этот жанр представляет особый интерес. Здесь можно увидеть, каким образом рассказчик поясняет определенные идеи примерами «из жизни», а затем, увидев сборник как единое целое, – попытаться угадать, какой замысел стоял за этими примерами или, скорее, над ними. Помимо этого, сборники *сэцува* не чуждаются разных тем и разных героев – в выборе персонажей этот жанр совершенно не стеснен.

«*Кондзяку моногатари сю:*» в полной мере свойственно это многообразие. В сборник, который содержит в себе более тысячи рассказов, входят истории о событиях, происходящих в разных странах – в Индии, в Китае и в Японии, рассказы и религиозные и «мирские», многообразные по тематике. Герои-воины появляются в разных разделах «*Кондзяку*», но 25-й свиток, один из посвященных «мирским нравам», отведен им целиком. Образ воина характеризуется здесь с разных сторон – человек, наследственным занятием которого является военное дело, чей жизненный путь связан с луком и конем, еще не «феодалный лорд», но уже человек, встроженный в систему многоступенчатых вассальных связей. Историк может увидеть в рассказах «*Кондзяку*» характерные черты военной структуры эпохи Хэйан, в которой наряду с единой государственной системой призыва существовала и система личного подчинения одних воинов другим [14, р. 179]. Видно, как сочетались эти системы и как при случае знатный воин, которому правительство поручает справиться с каким-либо мятежом, использует ресурсы из обоих источников. За подавление мятежа такой полководец в качестве награды получал продвижение в рангах и выгодные должности.

Но больше информации рассказы предоставляют об этике воинов. Здесь можно видеть уже черты идеала, который будет развиваться в дальнейшем и расцветет во всей своей полноте в эпоху Камакура, когда воинская тематика и

свойственные воинам ценности прочно войдут во все сферы культурного творчества. В «*Кондзяку*» еще нет в такой степени явного конструирования образа идеального воина по потребностям времени. Но сам выбор сюжетов и их героев, выбор качеств, приписываемых персонажам, говорит о многом. Воин «Стародавних повестей» – не просто внушающая страх своей жестокостью личность, а личность, скорее, пугающая своим величием, почти нечеловеческими масштабами. Так, в рассказе 25–7 разбойник, столкнувшийся с одним из величайших воинов своего времени, пораженный его силой духа и самообладанием, самой аурой, окружающей его, сомневается – а не бога ли, не демона ли повстречал? Воин «Стародавних повестей» – человек, удел которого – «Путь лука и стрелы». Это выражение обозначало саму профессию воина, но в то же время, вероятно, уже тогда заключало в себе некоторые этические смыслы. И «*Кондзяку*» рассказывает, какими были воины: храбрыми и жестокими, но жестокими лишь настолько, насколько обязывает их Путь лука и стрелы, предписывающий добиваться успеха и разрешающий ради него пойти на многое. Людьюми с презрением к смерти, с пониманием своего долга, с чуткими сердцами. Особенно в этом смысле прекрасен рассказ 25–12, демонстрирующий настолько высокий уровень взаимопонимания между двумя великими воинами, что им не требуется слов. В «*Кондзяку*» как черты, присущие настоящему воину, изображаются милосердие в мирной жизни, предусмотрительность, чуткость, верность сыновнему долгу.

Источников большинства рассказов 25-го свитка исследователи пока не установили. Некоторые сюжеты заимствовались затем в позднейшие сборники *сэцува* – для этого жанра вообще характерны многочисленные пересечения: иногда сложно сказать, какой из сборников послужил источником, иногда – определить, что считать одним и тем же рассказом. Кроме того, в контексте разных сборников один и тот же рассказ может приобретать различные оттенки смысла. Источники для рассказов 25–1, 25–13 и, вероятно, 25–14, отсутствующего, ясны – это воинские повести, *гунки моногатари*. Первый рассказ основан на «Записях о Масакадо» («*Сё:монки*»), тринадцатый – на «Сказании о земле Муцу» («*Муцуваки*»). В «*Кондзяку*» дается краткий пересказ этих произведений, местами не лишенный драматичности, хотя оценка событий может отличаться от таковой в пове-

сти. Вообще, сюжеты эти появляются и в позднейших сборниках *сэцува* (например, событиям войны в Муцу посвящен рассказ 6–17 в «*Дзюкинсё*:»). Мятеж Масакадо в 939–940 гг., война в Муцу (Девятилетняя война, 1051–1062 гг.) и мятеж Сумитомо, о котором речь идет во втором рассказе 25-го свитка, случившийся в те же годы, что и бунт Масакадо, – события, глубоко потрясшие японское сознание; в дальнейшем не в одном тексте можно увидеть упоминания о них. Так, в самом начале «Повести о доме Тайра» перечисляются мятежники в Китае и в Японии: «А в пору не очень давнюю у нас, в родной стране, был Масакадо в годы Сёхё, был Сумитомо в годы Тэнгё <...> и множество великое других... Каждый на свой лад гордыней отличался и жестокостью» [6, с. 28]. Стоит отметить, что оценка событиям, столь сильно отпечатавшимся в памяти культуры, дается разная: если в «*Сё:монки*» Масакадо – воин, отмеченный многими доблестями, скорее трагический персонаж, чем злодей, то в «*Кондзяку*» рассказчик относится к нему куда суровее, специально подчеркивая и гиперболизируя его отрицательные черты.

Известному историческому событию посвящен еще один рассказ (25–9): речь о мятеже Тайра-но Тадацунэ (1028–1031 гг.). Другие же рассказы описывают более частные стычки или иные интересные случаи. Однако основные герои почти все – лица не просто исторические, а хорошо узнаваемые: знаменитые воины, слава которых не ограничивалась только их временем, а сюжеты о них появлялись в сборниках поучительных рассказов снова и снова. В одном свитке «*Кондзяку*» разворачивается целая семейная история – здесь есть истории о трех братьях-Минамото – Ёримицу, Ёритике и Ёринобу, о сыне Ёринобу Ёриёси – сначала в юности, затем – во времена войны в Муцу, тут же упоминаются сыновья Ёриёси – Ёсиэ и Ёсицуна, а последний рассказ свитка, как следует из заглавия, должен был быть посвящен уже войне Ёсиэ с потомками соратников отца. Немало героев принадлежат к другой воинской семье, одной из ветвей рода Тайра. Причем любопытно, что свиток открывается рассказом о мятеже Масакадо, в подавлении которого участвовали родоначальники обеих семей. Но вне зависимости от наличия исторической подоплеки, рассказы в свитке подобраны очень яркие, хорошо демонстрирующие нравы воинов. Может быть, именно поэтому 25-ый свиток одним из первых

стал объектом изучения европейских ученых: посвященное ему исследование в 1878 г. опубликовал на итальянском Лодовико Ночентини, в то время, когда Европа еще только начинала по-настоящему прикасаться к японской культуре, а японоведение еще только зарождалось.

Принято считать, что структурно «*Кондзяку*» устроено по аналогии с *рэнга*, поэзией «сцепленных строф»¹, то есть каждые два рассказа, соседствующие друг с другом, объединены некой общей темой (эту концепцию создал японский исследователь Кунисаки Фумимаро [4]). Помимо этого, в некоторых рассказах есть вывод повествователя, «мораль», приписанная к сюжету, которая подчас может показаться странной на взгляд современного читателя. Однако каждый рассказ можно прочесть и в иной перспективе. Г.Г. Свиридов предлагает рассматривать структуру «*Кондзяку*» согласно эстетическому принципу «общее-особенное-единичное», где «общее» – буддийская идея и многообразие жизни, «особенное» – воплощение этой идеи на уровне отдельных сфер жизни, а «единичное» – на уровне конкретного рассказа [8, с. 109–110].

Как могла быть воплощена эта схема в случае с 25-ым, «мирским» свитком, в котором религиозная подоплека представлена, казалось бы, слабо?

Как нам кажется, «мирской» свиток все же имеет и религиозное значение – в этом можно согласиться с Г.Г. Свиридовым. Многообразие сюжетов «*Кондзяку*» могло определяться и целями создания сборника: если он был создан ради того, чтобы рассказать государю как можно больше в том числе и о его стране², это естественно. Впрочем, будь «*Кондзяку*» хрестоматией для проповедников – и тогда богатство сюжетов объяснимо. Предполагая существование религиозной подоплеки у рассказов на светские темы, нужно учитывать особенности аудитории: в XII в. читатель воспринимал даже «мирские» рассказы через призму определенных буддийских установок, он знал, что в целом, оперируя иными «аргументами», основанными на здравом смысле, эти рассказы ведут к тому же, к чему и проповеди, и нацелены на то, чтобы помочь человеку прожить его жизнь

¹ В таких стихотворениях, сочиняемых несколькими поэтами, каждая строфа читается с предыдущей или следующей строфой, образуя два разных пятистишия-*танка*.

² Об этой гипотезе, как и о других теориях относительно обстоятельств создания сборника, см: [9].

лучше [15, р. 129]. При этом для рассказчика не было необходимости проговаривать полностью все сопутствующие поучительные смыслы: слушатель или читатель мог достроить их сам, опираясь на собственное знакомство с другими текстами и с традицией проповедей. Рискнем предложить нашу интерпретацию соотношения «общего» и «частного», религиозного и мирского в случае 25-го свитка.

Буддийская парадигма определяет взгляд на существующее положение вещей как на обусловленное действием закона воздаяния. В этом дискурсе воин рожден воином, поскольку такая его карма; кармой же определяются и другие обстоятельства человеческого существования. Может быть, поэтому в тоне рассказчика в «Кондзяку», как правило, нет осуждения воинской профессии (так было и в иных сборниках *сэцува*; исключение – печальное утверждение о том, что все, кто сражался, перерождаются в мире асуров). Заповедь ненасилия и воинский долг, обязующий убивать, существуют в разных кругах долга, словно параллельно, почти не пересекаясь (оправдание тому будет прямо сформулировано в «Дзиккинсё:», 10–75 (см.: [10, с. 81]). Для воинов существуют свои добродетели, которые делают воина человеком «достойным», «имеющим стыд», то есть честь. В XIII в. Ходзё Сигэтоки, составляя один из первых воинских этических компендиумов, будет много говорить о милосердии и нежелательности излишнего насилия, но это никак не соотносится в его рассуждениях с битвами. О сражениях он вообще скажет крайне мало, а ведь они были...

Воины в «Кондзяку» сражаются много, и при этом проявляют самые разные человеческие качества. Верность долгу, смекалка, чуткость, хитрость – и деяния подчас, на наш взгляд, страшные, которые не встречают никакого осуждения. Вероятно, осуждение проявляется тогда, когда в оценке ситуации главенствует не буддийская этика. Так, резко осуждается Масакадо – потому, что он пошел против небесного и земного порядка, восстав против власти государя. Здесь, возможно, играет роль и японское представление о природе государевой власти и единой династии. Но описывается это в том числе и в терминах китайской политической философии («кара Неба», «против воли Неба» и др.).

Общий буддийский смысл 25-го свитка, как нам кажется, можно прочесть следующим образом. Мир текуч, изменчив и многообразен. Этот

принцип иллюстрирует сама структура «Кондзяку», в которой нашлось место для историй о самых разных случаях, о самых разных проявлениях бытия. Мир многолик и пестр, и войны – часть этой пестроты. Путь война – один из путей, которым сущее реализуется в этом иллюзорном мире, один из способов для закона воздаяния проявить свои закономерности. В то же время мир очень хрупок и нестоек, все в нем временно и мнимо – и слава, и сила, и радость, и горе. Лишь закон воздаяния здесь постоянен и неизбежен, одинаково властный над всеми, будь ты придворный, воин, монах или даже сам государь.

Мы уже писали о воинских рассказах в «Кондзяку», пытаюсь показать развитие воинской тематики в традиции средневековых сборников *сэцува* [10]. Здесь же представляем перевод избранных рассказов из 25-го свитка с пересказом остальных³.

³ Переводы свитка на английский язык см.: [13; 16].

Собрание стародавних повестей Свиток 25¹

*Перевод со старояпонского, пересказ и комментарии М.С. Коляды
под редакцией Н.Н. Трубниковой и А.Н. Мещерякова*

25–1. Рассказ о том, как Тайра-но Масакадо затеял мятеж и был за то казнен

[Пересказ воинского сказания «Записи о Масакадо» («Сё:монки», см.: [12, с. 29–86]). Воин Тайра-но Масакадо, потомок государя Камму, правившего с 781 по 806 гг., рассорился со своим родичем и живет, непрерывно воюя. Затем, вмешавшись в один из чужих конфликтов, Масакадо со своими воинами захватывает власть в одной из земель и, осознавая, что уже совершил тяжкий грех, решает идти до конца и захватить прочие восточные земли, объявив себя новым государем (в то время как он, даже будучи государевым родом, не имел права наследовать престол). Некий пророк, говоря от лица божества Хатиман, подтверждает право Масакадо на трон. Масакадо одерживает несколько побед и пытается на востоке воссоздать столицу и государственные структуры. В 940 г. Тайра-но Садамори и Фудзивара-но Хидэсато, застав Масакадо в то время, когда большая часть его воинов была не при нем, наконец наносят мятежнику поражение и убивают его. Рассказчик сообщает, что посмертие Масакадо тяжкое – он терпит страшные муки.

В этом рассказе особенно примечательно, что на предупреждения брата о том, что престол государю даруется по воле Неба, Масакадо отвечает: «Для меня достаточно Пути лука и стрел. В нынешнем мире господином становится тот, кто одержит победу». Таким образом, он противопоставляет путь воина – Путь лука и стрел – пути Неба, и, кроме того, фактически утверждает возможность человека самому влиять на свою судьбу, своими силами изменяя свою жизнь. Любопытно также, что на самом деле японский престол отнюдь не всегда наследовался мирным путем: так, государь Тэмму (правивший в 673–686 гг.) пришел к власти с помощью войска].

25–2. Рассказ о том, как Фудзивара-но Сумитомо казнили за пиратство

[В краю Иё буйствует пират Фудзивара-но Сумитомо. Правительство отрядило на борьбу с ним Татибана-но Тооясу, который наносит Сумитомо поражение, пирата вместе с его сыном казнят, а головы их выставляют в столице. Государь тоже хочет взглянуть на головы и потому посылает художника из столичных воинов, Камори-но Ариками, тайком их нарисовать. Что тот и выполняет с большим талантом.

Пиратство во Внутреннем море было проблемой старой и распространенной – часто оно было связано с неурожайными годами. Сумитомо отличался тем, что ему удалось собрать очень большой флот и организовать крупную сеть подчиненных ему воинов. В 936 и 939 гг. правительству удалось договориться с Сумитомо, и он прекратил свои нападения (хотя в 939 г., когда он разорил несколько провинций, правительству приходилось еще и воевать с Масакадо). В 940 и 941 гг. двор продолжал войну с Сумитомо, пока в шестом месяце пират не был побежден и захвачен в плен, при участии Фудзивара-но Тадафуми с войском, набранным в провинциях Оми, Мино и Исэ и вассалами Тайра-но Садамори (см.: [14, р. 124–149]).

Этот мятеж был не менее громким событием, чем мятеж Масакадо. Причина, по которой государь не мог взглянуть на головы поверженных пиратов была, очевидно, в том, что монарх должен был соблюдать ритуальную чистоту, а смерть и все с нею связанное несло скверну].

25–3. Рассказ о том, как бились Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми

В стародавние времена в Восточных землях жили два воина, звали их Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми². У Мицуру было прозви-

¹ Перевод и пересказ выполнен по изданию [3], с использованием [2].

² Он был сыном принца Такамоти, ребенка государя Камму.

ще Мита-но Гэндзи, а у Ёсифуми – Мураока-но Горо.

Будучи воинами, они считали друг друга соперниками и враждовали³. Их вассалы⁴ судачили между собой о том, что эти двое говорят друг о друге, слушали и пересказывали:

– Мицуру о Ёсифуми вот что сказал: «Этот почтенный разве может соперничать со мною! Да если до дела дойдет, что он против меня может? Что за нелепица!» Вот как он говорил!

Ёсифуми это передали.

– Как он смеет так говорить обо мне! И о хваленой крепости его руки, и о большом его уме и достоинстве знают все. Так что если уж ему действительно так хочется, то почему бы нам не встретиться на подходящем поле?

Мицуру это передали, и тот, хотя и был воином с мудрым сердцем и сильным духом, разгневался на эти сплетни, и только больше разжег злобу, сказав:

– Тут уже одними разговорами, верно, ничего не решишь! В таком случае, назначим день и выйдем в подходящее широкое поле, и там ответим друг другу!

Эти его слова передали Ёсифуми, и тот ответил: назначим такой-то день, выйдем в поле. И после этого каждый приготовил войско, чтобы сразиться.

Вскоре настал назначенный день, и оба войска отправились на оговоренное поле, построившись там в час Змеи [с 9 до 11 часов утра]. Каждое из них насчитывало пять-шесть сотен человек. Все были воодушевлены, не думали о

³ Японский комментатор считает, что здесь речь идет о том, что они мерялись отвагой и воинским искусством [2, с. 495], то есть их вражда происходила не из какой-то стратегической необходимости, земельного спора, политики и т. п.

⁴ В X–XII вв. в стране сосуществовали две военные системы. Одна из них соответствовала системе кодекса *Тайхо:рё* и предполагала войска центрального подчинения (с механизмом «всеобщего» призыва). Другую представляло воинское сословие: это была система личного подчинения. Воины собирались в отряды, подчиняясь более знатному (и обычно известному своей доблестью и щедростью) воину, затем в свою очередь этот воин мог привести «своих» людей в подчинение к воину рангом выше и т. д. Таким образом выдающиеся представители воинского сословия могли распоряжаться значительной военной силой, но это еще не были феодальные отношения господина и вассала в полном смысле этого слова. Хотя часть аристократов уже имела потомственных «вассалов».

себе и жизни не жалели. На расстоянии около одного *тё* [109 м] друг от друга они поставили на землю свои щиты. Каждая сторона отправила воина, чтобы тот доставил письмо с вызовом. Когда эти воины возвращались, как было установлено, все принялись осыпать их стрелами. Но гонцы не стали торопить лошадей, а торжественно оглянувшись на врагов, спокойно вернулись назад – они были отважными воинами.

После этого два войска составили щиты как стену и приготовились стрелять друг в друга, но со стороны Ёсифуми в сторону Мицуру донеслись такие слова:

– Если в сегодняшней битве два наших войска будут просто перестреливаться, в этом не будет никакого интереса. Давай мы вдвоем, ты да я, испытаем искусство друг друга. Раз так, давай оба прикажем нашим войскам не стрелять, съедемся только лишь вдвоем и проверим, насколько мы хороши в стрельбе. Что об этом думаешь?

Мицуру, услышав это, сказал:

– Я согласен. Быстро прекратить!

Опустив щит, Мицуру в одиночку выехал вперед, наложив на тетиву «гусиную стрелу». Ёсифуми, услышав его ответ, обрадовался и тоже велел своим вассалам опустить луки и ждать.

– Я поеду один, чтобы выяснить, насколько я хорош в стрельбе. Уважаемые, просто доверьтесь мне и смотрите. А если меня застрелят, тогда заберите тело и похороните, – так он сказал и выехал один из-за щитов.

Наложив «гусиные стрелы» на тетиву, воины поскакали друг на друга. Выпустили по первой стреле. О следующей стреле каждый думал: в этот раз наверняка попаду! Каждый натянул лук и выстрелил на полном скаку. Проскакали мимо друг друга, развернули своих коней, снова натянули луки, но стрелу выпускать не стали, пронеслись галопом друг мимо друга, снова развернули лошадей. Снова натянули свои луки и прицелились.

Ёсифуми выстрелил, целясь Мицуру в живот. Но Мицуру будто бы свалился с лошади, стрела пролетела мимо и попала в ножны его длинного меча. Мицуру, снова развернувшись, выстрелил, целясь в живот Ёсифуми, но Ёсифуми уклонился, и стрела воткнулась в кожаную перевязь для меча у него на поясе.

Быстро развернув лошадей, они снова поскакали друг на друга, и Ёсифуми сказал Мицуру:

– Мы оба выпустили множество стрел, но без толку. Хотя все эти стрелы летели точно в цель. Раз так, наше искусство видели все. Каждый проявил себя достойно. При этом наша вражда – не из тех, что передаются из давних времен. Может, остановимся на этом? Мы решили наш спор. И, думается, нет необходимости убивать друг друга.

Мицуру, услышав это, сказал:

– И я так думаю. И в самом деле, мы оба показали свое искусство. Хорошо бы на этом остановиться. Раз так, отступим и возвращаемся.

И оба войска отступили и ушли.

Вассалы же их обоих, видя, как господа мчатся друг на друга, все извелись, думая: сейчас застрелит, сейчас застрелит! – так беспокоились, выживет ли, умрет ли их командир, когда сражающиеся схлестнутся. Так страшно, сил нет терпеть! – так они думали. Когда же те постреляли и вернулись, все подумали: удивительно! Но, услышав, как господа договорились, все обрадовались.

Такие воины были в старину. После этого Мицуру и Ёсифуми хорошо поладили, ни капли вражды не было между ними, и делились они друг с другом своими мыслями, – так передают этот рассказ.

25–4. Рассказ о том, как был убит вассал Тайра-но Корэмоти

В стародавние времена наместником края Кадзуса был человек по имени Тайра-но Канэтада⁵. Он был сыном Сигэмоти, младшего брата воина, которого звали Тайра-но Садамори.

В те времена, когда этот Канэтада был наместником в Кадзуса и пребывал в том краю, его сын Корэмоти по прозвищу Полководец-Пятнадцатый-Сын, Ёго-сёгун⁶, жил в земле

⁵ Канэтада служил в разных местах. В том числе был наместником в Дэва. Сигэмоти – сын Тайра-но Куника, который упоминается в рассказе 25–1 и «Записях о Масакадо»: он погиб в одном из конфликтов, в котором участвовал и Масакадо, поэтому Садамори и имел вражду к Масакадо. Сигэмоти вместе с Садамори участвовал в подавлении мятежа Масакадо, но его заслуги отмечены не были.

⁶ «Ёго» означает «Пятнадцатый ребенок». Корэмоти получил такое прозвище потому, что был усыновлен Тайра-но Садамори и стал тому пятнадцатым ребенком: «Он был старшим сыном наместника земли Кадзуса, Канэтады, который доводился сыном человеку по имени Сигэнари [Сигэмоти], временному наместнику земли Мусаси, а тот был младшим братом воина по имени Тайра-но Садамори, наместни-

Муцу и оттуда отцу своему Канэтаде, жившему в Кадзуса, передал: «Давно не имел счастья вас видеть, и коль скоро вы стали наместником и прибыли из Столицы в Кадзуса, я хочу с радостью вас посетить».

Канэтада тоже обрадовался, приготовился и стал ждать, восклицая: когда же?! И вот, слуги в его усадьбе подняли шум, сообщая: гости прибыли к господину! Но Канэтада тогда был простужен, не стал выходить наружу, а лежал за бамбуковыми занавесями, и молодой слуга разминал ему поясницу. Тут-то и явился Корэмоти.

Покуда он, разместившись во внешней комнате⁷, рассказывал обо всем, что произошло за долгие годы, старшие из его вассалов, пятеро или шестеро, вооруженные луком и стрелами, расположились в ряд во дворе перед домом.

Первым среди них сидел человек по прозвищу Таро-но Сукэ. Это был мужчина лет пятидесяти с лишним, рослый и толстый, щеголявший длинными усами, грозный на вид. И при взгляде на него кто угодно сказал бы – и правда хороший воин! Канэтада, его увидев, спросил у человека, разминавшего ему поясницу:

– А вот его знаешь?

Тот ответил, что не знает. Канэтада сказал:

– Он тот, кто некогда убил твоего отца! Ты тогда был еще мал, так что, верно, откуда тебе знать.

Человек же сказал:

– Хотя и шла молва, что отец был убит, кто убил – я до сих пор не знал, теперь же знаю, и вижу его лицо!

На глаза его навернулись слезы, он встал и ушел.

Корэмоти поел и, когда стемнело, отправился в отведенное ему место отдыхать. Таро-но Сукэ, проводив господина, тоже отправился поживать. Там слуги занимались своими делами и перекрикивались, поднося всяческую еду, сласти, сакэ, фураж, сено и прочие разности.

На дворе было темно, как и бывает в последнюю ночь девятого месяца, но там и сям горели факелы. Таро-но Сукэ, покончив с едой, уснул на высоком изголовье. Свой изогнутый

ка в Тамба. Итак, двоюродный дедушка, Садамори, вместе с остальными племянниками и детьми племянников усыновил и его, и этот Корэмоти, поскольку он среди племянников был одним из младших, стал пятнадцатым приемным сыном наместника и получил прозвище Ёго-но кими – Господин Пятнадцатый сын» (рассказ 25–5). Еще о Ёго см.: [5].

⁷ Комната под навесом-хиробисаси.

длинный меч он поставил у изголовья. Сбоку лежали лук, колчан⁸, доспех и панцирь. Во дворе его вассалы с луками и стрелами то и дело вставали и прохаживались вокруг, охраняя господина. Место, где лежал Сукэ, было окружено плотным пологом в два слоя для защиты от стрел. От огня факелов во дворе было светло, как днем. Вассалы беспрестанно ходили вокруг, и можно было ничегошеньки не бояться. Сукэ проделал долгий путь, очень устал, да еще выпил много сакэ, и теперь беспечно уснул, едва сняв доспех.

Когда тот слуга услышал сообщение наместника – «Этот человек убил твоего отца» – и со слезами на глазах покинул его, наместник подумал: он, верно, просто ушел. А он между тем отправился на кухню, хорошенько наточил лезвие своего короткого меча, сунул его за пазуху, и когда стемнело, отправился туда, где ночевал этот Таро-но Сукэ. Он прислушался: там сновали шумные слуги, разносящие еду и прочие вещи. И этот человек, как ни в чем не бывало, взял поднос, чтобы выгладеть, будто слуга с кухни; так вошел в покои и прижался к раздвижной перегородке. В сердце своем он думал: покарать отцовского врага – дело, которое Путь Неба всякому позволяет. То, что я задумал нынче ночью, я сделаю во исполнение сыновнего долга, так прошу, пусть мой замысел не сорвется! – так он взмолился, и не было человека, который бы догадывался о том, что он там прячется.

Постепенно совсем стемнело, настала глубокая ночь. Человек, которому было известно, где лежит Сукэ, потихоньку к нему приблизился и перерезал ему горло, и вышел торопливо, смешавшись с темнотой, и никто ничего не заметил.

Утром Сукэ не появился, и потому один из вассалов отправился к нему, чтобы позвать его завтракать. Войдя, он увидел, что Сукэ мертвый лежит в луже крови. Вассал, увидев это, поднял шум, причитая «Как же так?!» И другие вассалы засуетились: кто стрелу накладывал на тетиву, кто бегал, вытащив длинный меч, но что уж толку?

Никто не знал, кто совершил убийство, и, поскольку помимо вассалов не было того, кто бы убитого близко знал, решили: искомый человек – один из вассалов. Но, хотя они и подозревали друг друга, пользы от того никакой не было.

– Что за странная смерть постигла нашего господина! Даже звука он не издал, и не мог-

ли мы подумать, что такой жалкой смертью ему придется почтить! А ведь много лет мы были рядом с ним и старались услужить! Даже если иссякла его судьба⁹ – что за злополучная смерть!

Так причитали они, распростершись ниц, и не было конца их плачу.

Корэмоти, услышав это, очень удивился и встревожился.

– Позор мне! Разве мог бы совершить убийство человек, который меня боится?¹⁰ А этот в сердце не имел ни малейшей робости, раз такое совершил! А здесь еще и время странное. Если бы это случилось в моих владениях! А поскольку это было сделано, когда мы прибыли в незнакомую землю, то странно здесь было бы кому-то нас ненавидеть. Впрочем, в свое время этот Сукэ убил одного человека. А сын того убитого – слуга при господине наместнике. Возможно, этот человек и есть убийца!

Так он сказал и отправился в покои отца.

Представ пред наместником, Корэмоти рассказал:

– Человек, который у меня служил, этой ночью кем-то был убит. Поскольку это случилось, когда мы прибыли сюда, то для меня, Корэмоти, это великий позор. Это не преступление чужака. Сукэ когда-то застрелил из лука одного мужчину, который не спешил с коня и не оказал почтения Сукэ. Его юный сын теперь служит у вас. Наверняка это он совершил преступление. Я хотел бы получить дозволение его вызвать и расспросить.

Наместник, выслушав это, сказал:

– Не знаю всех обстоятельств, думаю, может, тот человек это и совершил. Вчера, когда мы были здесь с тобою, а твой вассал был во дворе, у меня болела поясница, и тому юному воину было приказано разминать мне ее, и я спросил его: знаешь вон того человека? Он ответил, что не знает, вот я и сказал: «Он тот, кто убил твоего отца. Узнать такого человека в лицо – удача. Хотя он вряд ли помнит о тебе, и все же это тягостно». Тогда он опустил глаза, тихо удалился и с тех пор не показывался. На-

⁹ Т. е. пришло время ему умирать.

¹⁰ Для воина внушать страх и уважение – не дурное качество, скорее, наоборот. Здесь и в рассказах далее видно, что страх и восхищение идут бок о бок в восприятии обществом воина. Корэмоти воспринимает убийство человека из его свиты как оскорбление его чести. Возможно, наместник думал что-то подобное об отце юноши-убийцы, потому и спровоцировал его на месть.

⁸ *Короку (янагуи)* – разновидность колчана.

счет его отсутствия: он – слуга, который обычно прислуживал мне день и ночь, а со вчерашнего вечера его не видно. Странное дело! А еще вот что подозрительно: прошлой ночью на кухне он старательно точил свой меч. Нынче утром мои люди рассказывали мне о том, что подозревают его. Но для начала скажи: если мы вызовем его и расспросим, и окажется, что преступление действительно совершил он, – хочешь ли ты убить его? Я хочу это услышать, я ведь должен его призвать. Я, Канэтада, хоть и ничтожен, а вы мудры, – я все-таки ваш отец. К тому же, если бы кто-то убил Канэтаду, и был бы убийца из ваших, пусть бы Канэтада и имел перед ним какую-то вину, – не думаю, что ты бы сам обрадовался. Покарать врага отца – разве Путь Неба не позволяет такого дела? Поскольку ты – безупречный воин, человек, который соберется убить меня, Канэтаду, подумает: не будет мне покоя. Если же ты укоряешь Канэтаду за этого человека, который покарал врага своего отца, то ради меня, Канэтады, видимо, никто не надеет траурные одежды!

Так он говорил громким голосом, а потом встал, и Корэмоти подумал: зря я завел этот разговор, – устрасился и тихо ушел.

Бесполезно, – решил он и вернулся к себе в край Муцу. А что до этого Таро-но Сукэ, его вассалы сделали все, что нужно¹¹.

После этого человек, который убил Таро-но Сукэ, появился лишь через три дня, облаченный в черные траурные одежды. Он предстал перед заместителем тихо и смиренно, и потому все, кто видел, – от самого заместителя и до товарищей по службе, – все были тронуты до слез.

После этого тот юноша прослыл человеком нелюдимым¹², но когда он вскоре заболел и умер, заместитель думал, что это очень печально.

Тем не менее, месть врагу отца, даже если он весьма умелый воин, – дело благородное. Больше того: этот человек в одиночку сумел, следуя своему замыслу, покарать человека, которого беспрепятственно охраняли его домочадцы, и поистине, это удалось потому, что Путь Неба допускает это. А люди его хвалили – так передают этот рассказ.

25–5. Рассказ о том, как Тайра-но Корэмоти покарал Фудзивара-но Моротоо

[Как и в предыдущем рассказе, в этом главный герой – Тайра-но Корэмоти. Также переходит из четвертого рассказа тема отмщения и

воинской доблести. Со следующим рассказом, на наш взгляд, данный связывает, помимо того, что оба повествуют о выдающихся воинах, тема воинской предусмотрительности, которую в пятом рассказе проявляют сразу несколько персонажей.

Корэмоти повздорил с воином по имени Фудзивара-но Моротоо (он же Савамата-но Сиро, внук Хидэсато, врага Масакадо, упомянутого в первом рассказе. Есть несколько исторических лиц, которые могли бы иметься в виду). Когда дошло до войны, Савамата, у которого войско было меньше, предпочел не принимать сражения и скрылся. Однако затем, когда воины Корэмоти уже разошлись по домам, Савамата напал на его имение и сжег его. Самого Ёго враги посчитали убитым и отправились прочь, по пути остановившись у некоего Великого господина, который, услышав о том, что Савамата разорил дом Ёго, но не захватил его головы, не пустил победителя в свое имение, но дал его воинам еды и сакэ.

Тем временем оказалось, что Ёго выжил, спасся в женской одежде и прятался до прибытия своих вассалов. Вместе с ними он пошел по следу Саваматы, настиг его ничего не подозревающих, уставших и пьяных людей и всех перебил, а затем сжег их дома. Жену Саваматы Ёго вернул ее брату, Великому господину].

25–6. Рассказ о том, как Минамото-но Ёримичу Асон, служивший при наследном принце, подстрелил лисицу

В стародавние времена, когда государь Сандзё-ин был еще наследным принцем [986–1011 гг.] и жил в усадьбе Хигасисандзё, он как-то раз изволил прогуливаться с южной стороны от своих покоев, по западной галерее, и его сопровождали придворные, два-три человека.

В это время на западной стрехе молельни, расположенной на юго-востоке, показалась лисица: лежала там, свернувшись калачиком. Наследному принцу в то время служил Минамото-но Ёримичу Асон¹³. Из-за того, что он, сын вступившего на Путь Тада-но Мандзю¹⁴, был отменным воином, он и служил на этой должно-

¹³ Минамото-но Ёримичу, он же Райко, был известным воином, поэтом и стратегом, служил в том числе в качестве заместителя Мино и Иё и в Управлении дворца наследного принца. Умер Ёримичу в 1021 г.

¹⁴ Тада-но Мандзю, он же – Минамото-но Мицунана, сын Минамото-но Цунэмото.

¹¹ Все, связанное с похоронами.

¹² И грозным, пугающим.

сти при господине, и в свете прослыл грозным воином. В тот день он находился возле принца, который велел подать ему свой лук и стрелу-репу¹⁵ и приказал: эту лисицу на юго-востоке, на крыше, подстрели-ка! Ёримицу же ответил:

– Не стану я стрелять. Если бы кто другой выстрелил – ничего дурного бы не вышло. Но что до меня, Ёримицу, если я выстрелю и промахнусь, стыду не будет границ. А в такую цель я едва ли попаду. В молодые годы, повстречавшись случайно с оленем, я, хоть и не был ловким, бывало, мог его подстрелить. Теперь же я ничем подобным вам услужить не могу, что до цели, подобной этой, сейчас я даже не знаю, куда упадет стрела.

Так он говорил, а сам думал: пока я это говорю, может, она убежит. Но, к несчастью, лисичка, повернувшись мордой к западу, заснула и убежать не собиралась.

Но принц понукал Ёримицу: стреляй, как сумеешь! – и воину было сложно что-то возразить, и потому он взял лук принца, наложил на тетиву стрелу-репу и сказал еще:

– Была бы у меня сила, я бы смог сослужить такую службу. Но для такой далекой цели стрела-репа слишком тяжела. Боевой стрелой, может, и попал бы. Стрела-репа же ни за что не попадет. А стрела, которая упала посреди пути, – еще большая нелепица, чем просто промах. Как же я должен это исполнить?

Так он сказал, но подтянул рукава верхней одежды, подвязав шнурками, и, немного опустив головку лука, наложил стрелу на тетиву, натянул лук до предела, и, выпустив стрелу, сам даже не стал смотреть, куда она полетела. А она поразила лисицу в самую грудь. Лисица подняла голову, перевернулась и вверх ногами упала в пруд. С таким слабым луком, да стреляя такой тяжелой стрелой-репой, даже очень сильный лучник не попадет в цель, стрела наверняка упадет посередине пути. Да и вообще, сбить лисицу выстрелом – редкостное дело! – так думали и принц, и все придворные. Лисица же, упавши в воду, сдохла, и тогда люди ее вытащили и выбросили.

После этого принц, очень впечатленный, немедленно послал за лошадей из государевой конюшни и подарил ее Ёримицу¹⁶. Ёримицу

¹⁵ *Хикимэ* – сигнальная стрела с закругленным наконечником.

¹⁶ Лошадь и сбруя к ней вообще нередко выступали наградой воинам за службу.

тогда спустился в сад, принял эту лошадь и поклонился. А потом сказал:

– Этот выстрел не мой, не Ёримицу. Чтобы моим предкам не было стыдно, охраняющие меня боги¹⁷ помогли мне выстрелить.

Так он сказал и удалился.

После этого Ёримицу своим близким, братьям и родственникам, бывало, говорил:

– Не может быть, чтобы я пустил ту стрелу. Это, должно быть, они, боги.

Люди в свете, услышав об этом, очень хвалили Ёримицу. Так передают этот рассказ.

25–7. Рассказ о том, как Фудзивара-но Ясумаса Асон оценил вора Хакамадарэ¹⁸

В стародавние времена жил на свете человек по прозвищу Хакамадарэ, старший воевода среди воров¹⁹. Он обладал храбрым сердцем, большой силой, быстрыми ногами, был искусен и хитроумен, и не было в мире человека, равного ему. Он промышлял тем, что при всяком подходящем случае грабил всех подряд.

И вот где-то в десятом месяце, поскольку ему нужна была одежда, он решил разжиться одежкой. Он бродил в поисках поживы, и вот, примерно в полночь, когда все люди окончательно затихли во сне, под зыбким лунным светом на большой дороге вдруг появился разодетый господин²⁰. Его высоко подвязанные штаны ха-

¹⁷ Не очень понятно, какие именно боги (или бог) имеются здесь в виду. Это может быть родовое божество (*удзигами*), тем более, что речь идет о сохранении чести предков. Может быть – покровитель воинов Хатиман, которому впоследствии поклонялись Минамото как своему родовому божеству. В «*Дзиккинсё*:» (10-56; тот же сюжет и в «Повести о доме Тайра») есть рассказ о том, как Минамото-но Ёримаса был вынужден стрелять в чудище-нуэ, и точно так же, как Ёримицу, не будучи уверенным в том, что сможет попасть, Ёримаса молился Хатиману (перевод рассказа см.: [7, р. 101–102]). Возможно, и здесь в роли божественного помощника для воина-лучника выступает Хатиман.

¹⁸ Вариант этого рассказа входит в «*Удзи сю:и моногатари*» (№28).

¹⁹ Атаман. Хакамадарэ (袴垂, буквально – «Сдирающий штаны», «Штанодёр»). Также фигурирует в рассказе 29–19. Уилсон также отмечает, что младший брат Ясумасы был известен как разбойник, хотя в этом рассказе и нет намеков на какое-либо родство между героями (см.: [16, р. 211]). Сомнительно, что речь действительно могла бы идти о родственных отношениях между ними, и в таком случае рассказ принимает совсем иной оттенок.

²⁰ Буквально – «во множестве одежд».

кама были, похоже, фасона *сасинуки*, а сверху, кажется, на нем был надет изящный охотничий кафтан-*каригину*²¹. Он беззаботно шествовал по дороге в одиночестве, играя на флейте.

Хакамадарэ, это увидав, подумал: «Аварэ! Похоже, вот идет человек, который может снабдить меня одеждой!» Обрадовался и решил: быстро подбегу, повалю его наземь и отниму одежду! Но – странное дело! – этот человек чем-то пугал его, и потому Хакамадарэ прошел за ним два или три *тё* [около 220 м], однако этот человек выглядел так, будто и не заметил, что некто следует за ним. Он шел, все тише играя на флейте, и Хакамадарэ решил опять попытаться – побежал к нему, уже громче топоча. Человек, однако, выглядел так, будто не заметил никакого шума; играя на флейте, он не озирался, так что Хакамадарэ не осмелился напасть и отбежал назад. Он проделал это еще множество раз, и так и этак, но, поскольку человек выглядел так, будто несколько шума не слышит, разбойник подумал: редкостный человек! – и прошел вслед за ним больше десяти *тё* [больше 1 км].

«И все же не оставлю это так!» – подумал Хакамадарэ, и, выхватив меч, подбежал к человеку, а тот наконец-то остановился, обернулся, прекратив играть на флейте, и спросил:

– Ты кто таков?

«Да будь он хоть демон, хоть бог – он совсем один, и гнаться за ним вот так не должно быть настолько страшно, но отчего-то я, – думал разбойник, – растерял все мужество и отвагу и напуган до смерти, и дело не во мне, я сокрушен».

– Кто таков? – еще раз спросил человек

Разбойник решил: «Даже если сейчас попытаюсь бежать, этот человек наверняка меня не отпустит». И ответил:

– Я отнимаю одежду. Имя мое – Хакамадарэ, господин.

А путник сказал:

– Мне приходилось слышать, что есть на свете человек, который так зовется. На редкость опасный парень! Пойдем со мной!

И пошел дальше, как и прежде, снова играя на флейте.

Глядя на то, как держится этот человек, разбойник все больше страшился: это не просто

²¹ Охотничье платье с длинными рукавами, в это время было официальной одеждой при дворе. Носилось со штанами *сасинуки*, которые требовалось подвязывать по причине того, что они были весьма длинны.

человек! «Уж не бог, не демон ли забрал меня?» Не зная, что и думать, он шел с этим человеком, а тот вошел в ворота большого дома. И, поскольку человек взошел на крыльцо, не снимая обувь, разбойник понял, что он – хозяин этого дома. Он вошел внутрь, потом вернулся и подзвал Хакамадарэ. Пожаловав ему плотную хлопковую одежду, господин сказал:

– Отныне, если тебе что-нибудь понадобится, приходи и говори. Отнимая у человека не понимающего, ты можешь совершить ошибку, – и ушел в дом.

Позже разбойник узнал, что дом этот принадлежит человеку по имени Ясумаса²², прежнему наместнику края Сэццу. Когда Хакамадарэ понял, что это был за человек, то он испытал такое чувство, будто заживо умер. Потом, когда разбойника поймали, он говорил:

– Что за удивительный, необузданный, страшный человек!

Этот Ясумаса Асон не принадлежал к воинскому роду. Он был сыном человека по имени [?]²³. Тем не менее, он ни капли не уступал потомственным воинам, имел храброе сердце, был искусен и обладал большой силой, его суждения отличались тонкостью, и потому даже государь ни разу не имел ни малейшего повода упрекнуть этого человека за его службу на пути воина. Однако в свете он всех пугал и озадачивал, этому не было конца.

Но вот потомков у него не случилось, и люди говорили, что причина всему в том, что он не был из воинской семьи, по стопам предков не пошел, – так передают этот рассказ.

25–8. Рассказ о том, как Минамото-но Ёритика Асон покарал Киёвара-но [?]

[Текст рассказа отсутствует. В дневнике регента Фудзивара-но Митинага есть следующий эпизод, относящийся к 1017 г.: на человека по имени Киёвара-но Мунэнобу напал отряд из

²² Фудзивара-но Ясумаса (958–1036) – муж Идзуми Сикибу, служил наместником в Хидзэн, Ямато, Танго, Сэццу. В одном из рассказов «Дзиккинсё:» (3-11) он упомянут как мудрый человек, способный с первого взгляда понять, что перед ним другой могучий воин. В этом рассказе он называется в числе четырех величайших воинов эпохи Хэйан, вместе с Минамото-но Ёринобу, Тайра-но Корэхирой и Тайра-но Мунэри.

²³ Фудзивара-но Мунэтада – в тексте его имени нет. Уилсон пишет, что оно известно из других источников.

нескольких всадников и нескольких пехотинцев, и Мунэнобу был убит. Митинага пишет: расспросы показали, что преступление – дело рук Минамото-но Ёритика, который вообще в таких делах хорош и не в первый раз подобное совершает. Причиной поступка Ёритики (лично он участвовал в убийстве или же только приказал его осуществить) было желание отомстить за убитого человека Ёритики. Воина наказали за это убийство, однако Фаррис замечает, что он мог в это время состоять на службе у самого Митинаги, и еще работал на Фудзивара-но Санэсуке [14, р. 175]. Ёритика был младшим братом Ёримицу, героя шестого рассказа, и старшим – Ёринобу из следующих].

25–9. Рассказ о том, как Минамото-но Ёринобу Асон призвал к ответу Тайра-но Тадацунэ

[Этот рассказ есть в «Удзи сю:и моногатари» (№ 128). Минамото-но Ёринобу (он же Райсин, 968–1048 (61) гг.) – знаменитый воин, служил в Хитати, Ивами, Мино, Каи. Отец Ёриёси и дед Ёсиэ. Родоначальник линии Минамото из Кавати, ветви рода Минамото, к которой принадлежали первый сёгун Минамото-но Ёритомо и его брат, знаменитый герой Ёсицунэ (анализ образа Ёринобу в «Кондзяку» см. в: [1]).

В 1028 г. в краю Симоса поднял бунт могущественный воин Тайра-но Тадацунэ. Ёринобу было поручено его усмирить. Укрепление Тадацунэ от войск наместника Ёринобу и его союзников отделял залив. Когда Тадацунэ отказался сдаться, перед наместником возникла трудность: нужно было либо обходить залив (что было бы долго и дало бы Тадацунэ возможность улизнуть), либо переправляться по воде, но Тадацунэ предусмотрительно позаботился о том, чтобы враги не сумели достать судов, необходимых для этого. Воины Ёринобу предложили ему идти в обход, однако наместник вспомнил, что слышал от родных, будто в этой местности, лично ему не знакомой, есть где-то мелкая переправа. Среди его подчиненных после этого нашлись люди, вспомнившие о ней, войско переправилось, и Тадацунэ был вынужден сдаться.

Рассказ завершается на этом, но на самом деле некоторое время спустя Тадацунэ снова принялся причинять двору неприятности: в этот раз усмирять его назначили воинов Тайра-но Наоката и Накахары-но Наримити. Но именно Ёринобу, спустя много лет после его

первой победы над Тадацунэ, привез в столицу голову мятежника].

25–10. Рассказ о том, как Тайра-но Садамити убил человека по слову Ёринобу

В стародавние времена в доме Минамото-но Ёримицу Асон собралось много гостей, они пили *сакэ* и веселились. Младший брат хозяина, Ёринобу Асон, тоже был там. А среди вассалов Ёримицу Асона был воин по имени Тайра-но Садамити²⁴.

В тот день Садамити, прихватив глиняный кувшинчик *сакэ*, уже собирался уходить, когда Ёринобу Асон громким голосом окликнул его, так что все гости слышали:

– В краю Суруга есть человек, зовут так-то и так-то. Он был очень непочтителен ко мне, Ёринобу. Попадется тебе на глаза – постарайся срубить ему голову!

Садамити, услышав это, подумал: «Я служу здешнему господину. А это – его почтенный младший брат, то есть, на самом деле, можно сказать, тоже хозяин в этой семье, но я до сих пор ничем ему не услужил. Правда, о таких вещах ему стоило бы говорить с человеком, кому он доверяет и может поручить подобное. Потом, поскольку я служу здешнему господину, и, как говорят, с ними дружен, я должен услужить ему, но почему было бы не позвать меня и не сказать об этом тайком, почему нужно было перед столькими людьми говорить мне, чтобы я отрубил человеку голову? Что за чепуху он сказал!»

Так Садамити думал, но ничегошеньки так и не ответил.

Прошло три или четыре месяца, Садамити по делам поехал в Восточные земли. О том деле, что говорил ему исполнить Ёринобу Асон, он в тот день подумал: чушь! Потом об этом даже не вспоминал, и в конце концов позабыл.

И вот, когда Садамити был в дороге, он повстречал того мужчину, о котором говорил ему Ёринобу Асон. Придержав лошадей, они мирно беседовали, а что касается приказа, к тому времени этому мужчине самому было о нем извест-

²⁴ Фигурирует в рассказе 29-19. В некоторых источниках упоминается как Тадамити. Тадамити приходился вторым сыном Тайра-но Ёсифуми и был одним из четырех вассалов Минамото-но Ёримицу, которых называли «Четырьмя небесными царями» (Ситэнно:), в честь почитаемых еще в эпоху Нара божественных воинов, защитников буддийского закона и верующих.

но, потому что приказ не был отдан скрытно и само собой все дошло до него. И этот мужчина сказал: было ведь тебе сказано о том-то.

Тут Садамити об этом вспомнил и ответил:

– Ох! Было такое. Хотя я и состою на службе у господина – старшего брата, младшему господину еще не было случая услужить. Но поскольку он велел мне сделать такое дело перед множеством людей и без причины, я подумал, что это шутка, и ничего делать не стал. Кто бы задумал такое? Странное дело!

Так Садамити посмеялся, а тот мужчина сказал:

– Когда я получил сообщение об этом от человека из столицы, я решил: так я и думал! И до нынешнего дня мое сердце билось так быстро. Когда же оказалось, что ты считаешь это чушью, я подумал, что мне повезло! И рад безмерно. Однако, даже если, скажем, тебе показалось бы тяжело послушаться приказа этого господина, и ты решил бы его исполнить, неужели ты мог бы запросто справиться с человеком вроде меня?

Он сказал это с улыбкой, а Садамити стал думать: «Если бы он сказал, что никогда об этом и не думал, или что-нибудь такое, я бы, наверное, никогда не сделал того, что могло бы оказаться ошибкой. А он сказал, что был напуган, поскольку узнал, что попал в немилость, а теперь успокоился и очень рад; когда он должен бы говорить искренние слова, что за негодай может нести такое! Что так, что этак – мне все одно, застрелю насмерть этого типа, срублю ему голову, да и преподнесу господину Кавати²⁵».

Так он подумал, и, приняв решение, стал немногословным, сказал только: «Может быть и так». И проехал мимо.

Немногим после, скрывшись от глаз, Садамити посвятил в свой замысел вассалов, подтянул у лошади подпругу, привел в порядок колчан и все остальное, развернулся и пустился в погоню. Он гнался за тем человеком по равнинам и побережью, чтобы напасть. И вот он пересек лесистую долину, выехал на довольно широкое поле и с громким криком напал. А тот глупец развернулся и говорит:

– Так я и думал!

А на самом деле он решил, что Садамити сказал ему правду, что ни о чем подобном он не помышляет; ехал на сменной лошади²⁶, ослабившись, и потому был застрелен первой же стрелой и полетел с лошади вверх тормашками,

сбитый выстрелом. Когда хозяин был застрелен, его вассалы побежали со всех ног под обстрелом: они бегут, по ним стреляют, всех перебили.

Итак, Садамити отрубил тому мужчине голову, привез ее в столицу и преподнес Ёринобу Асон. Ёринобу обрадовался и выдал Садамити в награду хорошую лошадь под седлом.

После этого Садамити, встречаясь с людьми, говорил:

– Ему просто нужно было проехать мимо спокойно, а он говорил чепуху, потому и был застрелен, а господин Кавати имел основания так о нем думать. Ах, какво величие человека, умеющего отблагодарить!

Люди, услышав это, еще больше боялись. Так передают этот рассказ.

25–11. Рассказ о том, как грабитель захватил сына Фудзивара-но Тикатака в заложники, но был отпущен по слову Ёринобу

В стародавние времена, когда наместник Кавати Минамото-но Ёринобу Асон был наместником Кодзукэ²⁷ и пребывал в том краю, был человек, его молочный брат, которого звали Фудзивара-но Тикатака, младший офицер дворцовой гвардии.

Он был тоже незаурядным воином, и однажды, когда он вместе с Ёринобу жил в том краю, в доме Тикатаки схватили грабителя и заперли, но он каким-то образом освободился от пут и попытался бежать. Однако сбежать никакой возможности не было, а потому этот грабитель взял в заложники сына Тикатаки, ребенка лет пяти или шести, мальчика миловидной наружности, который бегал поблизости. Ворвавшись в кладовую, он бросил ребенка наземь, и, вытащив меч, сидел там, приставив оружие к животу ребенка.

Тем временем, когда Тикатака вернулся в усадьбу, к нему подбежали люди и сообщили:

– Молодого господина взял в заложники грабитель!

Тикатака, перепугавшись, всполошился, побежал туда и увидел, что и в самом деле грабитель находится в кладовой и приставил меч к животу ребенка. Когда он увидел это, у него потемнело в глазах, и он подумал, что ничего невозможно сделать. «Подобраться бы только ближе, я бы отобрал меч!» – думал он. Но

²⁵ Имеется в виду Ёринобу.

²⁶ На запасной, без защитной сбруи лошади.

²⁷ Ёринобу занимал эту должность с 999 г. (см.: [2, с. 523]).

грабитель обнажил большой и ярко блестящий меч, приставив к животу ребенка, и говорил:

– Не приближайтесь! Если только приблизитесь, я его зарежу!

И потому Тикатака думал: «Когда бы он правда зарезал, как и сказал, даже если я потом этого негодяя покрошу на сотню тысяч кусочков, что мне уже с того будет толку?» Поэтому он велел своим вассалам:

– Смотрите, не приближайтесь к нему! Просто сторожите на расстоянии!

Решил: «Пойду доложу наместнику!» И убежал.

Наместник находился неподалеку, и когда Тикатака в страхе и растерянности прибежал к нему, тот удивился и спросил: «Что случилось?» Тикатака же сказал, плача:

– Мое единственное дитя грабитель взял в заложники.

Наместник же усмехнулся:

– Пусть так, но разве стоит из-за этого так плакать? Соберись с духом, как если бы имел дело с демоном или богом. Глупо хныкать, словно малое дитя. Всего-то один маленький ребенок – ну и пускай его зарежут! Хорошим воином становится тот, чье сердце таково. Если думать о собственной жизни или о жене и детях – это принесет лишь дурные плоды. Кто не думает о собственной жизни, не думает о жене и детях, – вот кого зовут бесстрашным. Однако я взгляну, что там делается.

И прихватив только длинный меч, наместник направился к жилищу Тикатаки.

Он встал в дверях той кладовой, где был грабитель, и заглянул туда. Грабитель же, увидев, что это наместник, не стал так горячиться, как с Тикатакой, опустил глаза и крепче прижал меч к ребенку, с таким видом, будто готов пронзить дитя, если кто еще приблизится к нему. Ребенок тогда зарыдал в голос. Наместник, обращаясь к грабителю, молвил:

– Ты взял это дитя в заложники, потому что думал, что так сможешь спасти свою жизнь? Или ты хотел убить дитя? Подумай об этом серьезно и скажи, негодяй.

Грабитель печальным голосом ответил:

– Как я могу думать о том, чтобы убить ребенка? Мне просто было жаль своей жизни, я подумал, что так смогу спастись, лишь потому я схватил молодого господина.

Наместник же сказал:

– О, раз так – бросай меч! Если уж я, Ёринобу, приказываю тебе, ты не можешь не пови-

новаться. Я не стану просто смотреть, как ты собираешься зарезать дитя! О том, каков мой нрав, ты, небось, слышал. Без шуток, бросай меч, негодяй!

Грабитель, немного посмотрев и подумав, сказал:

– Ваша милость, как же я могу ослушаться вашего приказа? Я брошу меч, – и далеко отбросил меч.

Что до ребенка, его он поставил на ноги и отпустил, и тот убежал, припустив со всех ног.

Наместник тогда отошел недалеко, позвал своих вассалов и велел, чтобы этого грабителя привели к нему. Вассалы приблизились, схватили мужчину за воротник, вытащили на передний двор и оставили там. Хотя Тикатака думал зарубить грабителя и выбросить труп, наместник сказал:

– Этот парень проявил милосердие и отпустил заложника. Из-за бедности он стал воровать, и, рассчитывая спасти свою жизнь, взял заложника. Не за что ненавидеть его. Кроме того, когда я велел ему отпустить ребенка, он послушался и отпустил его. Этот парень – человек понятливый. Отпустите его немедленно. А ты, разбойник, если что-то надобно, скажи.

Но, хотя наместник так распорядился, грабитель, заливаясь слезами, ничего не сказал в ответ.

Наместник велел:

– Дайте ему немного еды. Да, раз он уже ступил на кривую дорожку, в конце концов он кого-нибудь убьет. В конюшне среди рабочих лошадей выберите сильную лошадь, положите на нее простое седло и приведите сюда.

И все это ему доставили. Потом наместник еще велел принести простой лук и колчан-ко року. Когда все это собрали, он дал грабителю колчан²⁸, посадил его на лошадь перед домом, положил в мешок и привязал ему на пояс сушеного риса на десять примерно дней и сказал: «Скорее скачи отсюда прочь». Послушавшись наместника, грабитель ускакал и скрылся.

Даже и грабитель, устранившись единственным словом Ёринобу, отпустил заложника. Когда об этом подумаешь, достоинства Ёринобу как воина не имели ни малейшего изъяна.

А этот ребенок, которого взяли в заложники, позднее, когда стал взрослым, стал монахом на Златоверхих горах²⁹, а в конце концов сделался

²⁸ Позабывшись тем самым о том, чтобы грабителя не убили.

²⁹ Кимпусэн.

учителем таинств³⁰. Имя его было Мёсю. Так передают этот рассказ.

25–12. Рассказ о том, как Ёриёси, сын Минамото-но Ёринобу Асона, застрелил конокрада

В стародавние времена жил воин по имени Минамото-но Ёринобу Асон, бывший правитель Кавати. Прослышав о том, что на Востоке есть человек, имеющий хорошую лошадь, этот Ёринобу Асон послал к нему с просьбой, а хозяину лошади было трудно ему отказать, и эту лошадь отправили к Ёринобу. А по дороге попался конокрад, который увидел эту лошадь и ужасно захотел заполучить ее себе. Он решил ее украсть, тайком последовал за нею, но, поскольку воины, сопровождающие эту лошадь, бдительности не теряли, конокрад не сумел похитить ее по дороге, и так и проехал за ними до самой столицы. Когда лошадь была доставлена, ее поставили в конюшню Ёринобу Асона.

Когда сыну Ёринобу асона, Ёриёси³¹, люди сообщили, что к его отцу сегодня доставлена с Востока хорошая лошадь, Ёриёси подумал: «Эту лошадь попросит какой-нибудь человек, который того не достоин, ему и отдадут. Пока этого не случилось, пойду взгляну сам, и если эта лошадь в самом деле так хороша, – выпрошу себе». И отправился в родительский дом. Хотя шел очень сильный дождь, эта лошадь так заинтересовала Ёриёси, что и дождь ему не помешал. И вот, когда он вечером пришел к отцу, тот спросил сына:

– Отчего тебя давно не было видно?

А потом подумал, что сын, должно быть, услышал о лошади, и пришел ее попросить. И потому Ёриёси еще не успел ничего ответить, а отец и говорит:

– Слышал я, что лошадь с Востока уже была, но сам я еще ее не видел. Человек, который ее послал, говорил, что эта лошадь хороша. Сейчас уже ночь, стемнело и ничего не разглядишь. С утра взгляни на нее, и если придется по сердцу – тут же и забирай.

Ёриёси, которому предложили взять коня еще прежде, чем он успел попросить, обрадовался и сказал:

– Раз так, этой ночью я буду нести у вас ночную стражу, а утром посмотрим, – и остался.

³⁰ *Адзари*, санскр. ачарья.

³¹ Ёриёси, позже – Вступивший на Путь Иё, умер в 1075 г. или 1082 г., служил в Иё, Кавати, и других местах. Один из сыновей Ёриёси – Хатиман-таро Ёсииэ.

Весь вечер они с отцом вели беседы, а когда совсем стемнело, отец отправился в опочивальню и лег спать. Ёриёси тоже улегся неподалеку.

Шумел дождь, что лил, не переставая, и где-то в полночь, под прикрытием дождя, в дом проник конокрад. Он забрал лошадь, вывел ее наружу и направился прочь. В это время со стороны конюшни слуга закричал громким голосом:

– Вор захватил лошадь господина, которая прибыла прошлой ночью, и ушел!

Ёринобу, смутно расслышавший этот голос³², не пошел туда, где спал Ёриёси, сообщать, что слышал такие вещи, а, раз уж он проснулся, подвернул полы своих одежд, схватил колчан, отправился в конюшню...³³ и поскакал к горам на границе³⁴, в одиночку пустившись в погоню за преступником³⁵. Отец думал: «Мой сын, несомненно, отправится в погоню». А сын думал: «Мой отец, несомненно, изволил отправиться в погоню впереди меня». Не останусь позади, решил он, поторапливая коня. Когда они миновали Кавара, пологий берег реки Камо, дождь прекратился, а небо стало ясным, и они гнались за преступником, все больше поторапливая коней, пока не достигли гор на границе.

А вор тот, оседлав украденную лошадь, думал, что теперь-то сможет убежать. Рядом с горой на границе было место, затопленное водой, и, вместо того, чтобы скакать что есть мочи, вор ехал там неспешно, шлепая по воде. Ёри-

³² Голос слышался слабо: конюшня, видимо, была в отдалении от спальных комнат, так что звук доносился издалека.

³³ Лакуна в тексте. По изданию [2]: «...побежал в конюшню, сам вывел лошадь, положил на нее простое седло и в одиночку на ней поскакал к горам на границе, пустившись в погоню». Кроме того, дальше рассказывается о том, как Ёринобу понял, где искать преступника: воин догадался, что конокрад – человек с Востока, который увидел лошадь по пути и решил украсть, а это подсказало Ёринобу, какую дорогу он бы выбрал [2, с. 528].

³⁴ Граница с Восточными землями.

³⁵ В издании [2] здесь следующий фрагмент: «А Ёриёси тоже услышал тот голос из конюшни и подумал так же, как и его отец, тоже не стал его звать. Он задремал, не снимая дневной одежды, и, проснувшись, как и его отец, схватил колчан и <здесь лакуна, но по тексту очевидно, что Ёриёси сделал то же, что и отец: побежал в конюшню, оседлал лошадь и отправился на ней> к горам на границе, в одиночку пустившись в погоню за преступником» [2, с. 528].

нобу это услышал, и, хотя из-за темноты он не знал, здесь Ёриёси или нет, он прокричал, как если бы они с самого начала договорились обо всем:

– Стреляй, это он! – и прежде, чем он договорил эти слова, раздалось пение тетивы.

И вместо ответа, как и ожидал, он услышал, как убегает лошадь. Судя по звуку, человека в стремених не было, и Ёринобу, услышав это, снова закричал:

– Конокрада ты уже застрелил. Поторопись, скачи, забери лошадь и возвращайся.

И не дожидаясь, пока сын заберет лошадь и приедет, вернулся домой. А Ёриёси поскакал, забрал лошадь, и когда он вернулся, вассалы, которые слышали о происходящем, по одному или по двое встречали его на дороге. Когда они прибыли в столичный дом, два или три десятка человек уже набралось.

Ёринобу, вернувшись домой и ничего еще не зная о том, как все обернулось, поскольку еще не рассвело, опять отправился спать, словно и не уходил совсем. Ёриёси, вернувшись, передал лошадь вассалам и тоже лег спать.

После этого, когда рассвело, Ёринобу вышел и призвал Ёриёси, и не стал говорить ничего вроде «Чудом не украли лошадь. Хороший выстрел!», а приказал, чтобы вывели эту лошадь, и ее вывели. Ёриёси посмотрел на нее, а лошадь и в самом деле была хороша. Так что он сказал:

– Раз так, возьму, пожалуй, – и забрал ее.

При этом, хотя прошлым вечером о том речи не было, Ёриёси получил хорошее седло. Наверное, отец решил так наградить его за то, что застрелил ночью конокрада.

Вот чуткость удивительных людей! Воины обладают такой чуткостью – так передают этот рассказ.

25–13 Рассказ о том, как Минамото-но Ёриёси Асон покарал Абэ-но Садатоо

[Рассказ основан на «Сказании о земле Муцу», посвящен событиям Девятилетней войны (1051–1062) (см.: [12, с. 89–138]).

В Муцу жил могущественный воин Абэ-но Ёриёси, который проявлял неповиновение двору, и Минамото-но Ёриёси с сыновьями Ёсиизэ и Ёсицуной отрядили усмирить его. Абэ попал под амнистию, сменил имя на Ёритоки и некоторое время жил мирно, но затем снова пошел против наместника Ёриёси из-за сына, Садатоо. Абэ Ёритоки умер, но война затягивалась, что

для Ёриёси было невыгодно – его воины страдали от голода и лишений, и, как говорится в рассказе, многие умерли или разбежались. Сжато пересказаны различные яркие эпизоды этой войны, в том числе битва, после которой Ёсиизэ прозвали Хатиман-Таро – Сын бога Хатимана, бога-покровителя воинов. Среди пересказанных эпизодов есть истории, посвященные твердой верности вассалов Ёриёси.

Затем Ёриёси уговорил присоединиться к нему местных воинов из рода Киёхара (в том числе Киёхара-но Такэнори), и тем самым ему удалось добиться успеха. Абэ-но Садатоо и его союзники были повержены, и тот факт, что случившееся угодно божественной воле, подчеркивается эпизодами со знаменем Хатимана].

25–14 Рассказ о том, как Минамото-но Ёсиизэ асон покарал Киёвара-но Такэхира и других

[Текст рассказа отсутствует. Он был посвящен Второй трехлетней войне 1083–1087; Такэхира – сын Такэнори из предыдущего рассказа. О событиях Второй трехлетней войны см. «Записи о трехлетней войне в краю Осю» [12, с. 141–170]. В этой войне Ёсиизэ одержал победу, но благоволения двора ему это не принесло. Когда вспыхивал мятеж, двор выпускал соответствующий приказ и назначал ответственного за подавление военачальника, затем с этим указом военачальник мог набирать войско, опираясь на ресурсы государства, а не собственные. Затем, если удалось покарать мятежников, можно было получить награду и повышение в рангах. Не имея же соответствующего приказа, развязывать войну было опасно и чревато санкциями со стороны двора. Так случилось с Ёсиизэ, которого двор обвинил в личной мести Киёхара (потому что, будто бы, Ёриёси во время Девятилетней войны принес им вассальную клятву), и воина не только не наградили, но даже наказали и заставили возместить все налоги, удержанные им на войну (см.: [14]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодама Масаюки. Кондзяку моногатари-ни миэру цувамоно-но кокоробаз: Минамото Ёринобу но бааи (Нравы воинов в «Кондзяку моногатари»: случай Минамото Ёринобу) // Журнал эзотерического буддизма. 1993. № 183. С. 66–83.
2. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Син Нихон котэн бунгаку

тайкэй. Т. 36. Под ред. Коминэ Кадзуаки, Ямагути Акио. Токио: Иванами, 1994.

3. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисутокэнсяку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html

4. Кунисаки Фумимаро. Кондзяку моногатари-сю сэйрицу-ко: (Размышления о происхождении «Собрания стародавних повестей»). Токио: Васэда дайгаку, 1962.

5. Мори Кимиюки. Ёго сёгун Тайра Корэмоти-но кисэки (Жизненный путь полководца Ёго, Тайра Корэмоти) // Бюллетень университета Тоё. 2017. № 54. С. 307–328.

6. Повесть о доме Тайра. М.: Художественная литература, 1982.

7. Сборник наставлений в десяти разделах. Рассказы о воинах // Историко-философский ежегодник 2017. М., 2017. С. 94–102.

8. Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.

9. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Собрание стародавних повестей в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. М., 2018. С. 162–202.

10. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Воинский взгляд на мир в сборниках поучительных рассказов XIII в. // Историко-философский ежегодник 2017. М., 2017. С. 70–93.

11. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов VIII–XI вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 35–45.

12. Японские сказания о войнах и мятежах. СПб.: Гиперион, 2012.

13. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku Monogatari-shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

14. Farris, W.W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500–1300. Cambridge: Harvard University Press.

15. Konishi Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle Ages. Princeton: Princeton University Press.

16. Wilson, W.R., 1973. The way of the bow and arrow. The Japanese warrior in Konjaku Monogatari. Monumenta Nipponica, Vol. 28, no. 2, pp. 177–233.

REFERENCES

1. 児玉正幸, 1993. 『今昔物語集』に見える「兵ノ心バへ」:源頼信の場合 [The Medieval Japanese warrior's ethics as exemplified by Yorinobu Minamoto in Konjaku Monogatari-shū], 掲載誌 密教文化, no. 183, pp. 66–83. (in Japanese)

2. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 新日本古典文学大系. Vol. 36. 東京: 岩波書店, 1994. (in Japanese)

3. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

4. 国東文麿, 1962. 今昔物語集成立考 [On the origins of Konjaku Monogatari-shū]. 東京: 早稲田大学. (in Japanese)

5. 森公章, 2017. 余五將軍平維茂の軌跡 [The life of the General Taira no Koremochi, the 15th son (son-in-law) of Taira no Sadamori], 東洋大学大学院紀要, no. 54, pp. 328–307. (in Japanese)

6. Povest' o dome Taira [The tale of the Heike]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. (in Russ.)

7. Sbornik nastavlenii v desyati razdelakh. Rasskazy o voynakh [«Jikkinshō». Warrior eales]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2017. Moskva, 2017, pp. 94–102. (in Russ.)

8. Sviridov, G.G., 1981. Yaponskaya srednevekovaya proza setsuwa. Struktura i obraz [Japanese Medieval setsuwa prose: structure and image]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2018. «Sobranie starodavnikh povestei» v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [Konjaku Monogatari-shū in the research: main issues and problems]. In: Ezhegodnik Yaponiya. 2018. Vol. 47. Moskva, 2018, pp. 162–202. (in Russ.)

10. Trubnikova, N.N. and Kolyada, M.S., 2017. Voinskii vzglyad na mir v sbornikakh pouchitel'nykh rasskazov XIII v. [Warrior's world view in Kamakura setsuwa collections]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2017. Moskva, 2017, pp. 70–93. (in Russ.)

11. Trubnikova, N.N. and Kolyada, M.S., 2018. «Sobranie starodavnikh povestei» v traditsii yaponskikh pouchitel'nykh rasskazov VIII–XI vv. [Konjaku Monogatari-shu in the Japanese didactic tales tradition of VIIIth – XIth centuries], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 35–45. (in Russ.)

12. Yaponskie skazaniya o voynakh i myatezhakh [Japanese tales about wars and rebellions]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2012. (in Russ.)

13. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the *Konjaku Monogatari-shū* by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

14. Farris, W.W., 1995. *Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500–1300*. Cambridge: Harvard University Press.

15. Konishi Jin'ichi, 1991. *A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.

16. Wilson, W.R., 1973. The way of the bow and arrow. The Japanese warrior in *Konjaku Monogatari*. *Monumenta Nipponica*, Vol. 28, no. 2, pp. 177–233.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902:33(571.63)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3/31-38

Е.И. Гельман, В.Е. Омелько, М.С. Лящевская, С.В. Баштанник,
О.В. Бондаренко, В.А. Раков, О.А. Еловская*

РОЛЬ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

В статье представлены обобщенные результаты комплексных исследований археологических материалов с целью выявления роли растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища. Памятник являлся центром столичного округа Яньчжоу в государстве Бохай (698–926 гг.). Для реконструкции детальной палеогеографической ситуации в период существования населения памятника использовался споропыльцевой анализ. На основании изучения экофактов установлены виды растений и животных, которые составляли основу хозяйственной деятельности жителей средневекового города-порта.

Ключевые слова: государство Бохай, Краскинское городище, система жизнеобеспечения, растения, животные

---

* ГЕЛЬМАН Евгения Ивановна, кандидат исторических наук, заведующая сектором раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: gelman59@mail.ru

ОМЕЛЬКО Валерия Евгеньевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории териологии Федерального научного центра биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: valeriya.omelko@biosoil.ru

ЛЯЩЕВСКАЯ Марина Сергеевна, кандидат географических наук, ученый секретарь Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: lyshevskay@mail.ru

БАШТАННИК Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН.

E-mail: abai@yandex.ru

БОНДАРЕНКО Олеся Владимировна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоботаники Федерального научного центра биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: laricioxylon@gmail.com

РАКОВ Владимир Александрович, доктор биологических наук, главный научный сотрудник лаборатории морской экотоксикологии Тихоокеанского океанологического института им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: vladimir.rakov@mail.ru

ЕЛОВСКАЯ Олеся Александровна, младший научный сотрудник лаборатории морской экотоксикологии Тихоокеанского океанологического института им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: olesya-sharova@mail.ru

© Гельман Е.И., Омелько В.Е., Лящевская М.С., Баштанник С.В., Бондаренко О.В., Раков В.А., Еловская О.А., 2019

The role of plants and animals in the livelihood of Kraskino fortress population. EVGENIYA I. GELMAN (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), VALERIYA E. OMELKO, OLESYA V. BONDARENKO (Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), MARINA S. LYASHCHEVSKAYA (Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), SERGEY V. BASHTANNIK (Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), VLADIMIR A. RAKOV, OLESYA A. ELOVSKAYA (V.I. Il'ichev Pacific Oceanological Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article presents an overview of the most important results obtained during a comprehensive study of archaeological materials of Kraskino fortress with the primary goal to clarify the exact role of particular plants and animals in the livelihood of its population. The site was the center of Yanzhou capital district in Balhae State (698–926). To reconstruct in detail the paleogeographic environment that surrounded local people at that time the authors employed pollen-and-spore analysis. It was revealed that the medieval town endured interminable microclimatic fluctuations and stresses which significantly affected the livelihood of its population. Despite hardships, however, the Balhae people managed to grow at least nine cultured plants, raised up to five species of domestic animals, and practiced poultry. Hunting and fishing, whaling, gathering marine mollusks or wild plants never ceased to be practiced here yet retained secondary importance for the population of Kraskino fortress.

Keywords: Balhae (698–926), Kraskino fortress, livelihood, plants, animals

Введение

Краскинское городище находится в Хасанском районе Приморского края и представляет собой остатки города, который являлся центром округа Яньчжоу (Соляной) и входил в столичную область Восточной столицы государства Бохай (698–926 гг.). Он также выполнял функцию порта, куда вела сухопутная дорога из столицы, от него начинался морской путь в Японию. Упоминания об этом средневековом городе сохранились в письменных источниках [4; 6, с. 58]. Местоположение Краскинского городища на берегу бухты Экспедиции залива Посьета Японского моря обусловило его близость к основным жизнеобеспечивающим ресурсам. Поймы рек и примыкающие к ним увалы были пригодны для земледелия и животноводства с разной степенью рискованности в зависимости от климатических условий. Облесенная часть поймы и возвышенности, луга обеспечивали занятия охотой и собирательством. Море и реки были богаты рыбой, моллюсками, морскими водорослями.

Отдельные аспекты хозяйственной деятельности населения Краскинского городища неоднократно освещались в разных исследованиях, но недостаток в археологических данных

длительное время не позволял приступить к решению проблемы реконструкции системы жизнеобеспечения [3; 7; 9; 10; 11; 12]. Систематическое использование метода водной флотации и сепарации для получения ботанических и других макроостатков, их систематическое изучение, проведение зооархеологических и палинологических исследований позволили получить комплекс экофактов, необходимых для первичной реконструкции некоторых аспектов системы жизнеобеспечения населения Краскинского городища и условий его адаптации. Постепенно сформировался массив данных, достаточный для выяснения роли растений и животных в жизни обитателей средневекового города-порта.

Палеогеографическая реконструкция

Для выяснения палеогеографической обстановки на территории Краскинского городища и в его окрестностях были проведены палинологические исследования. Отбор проб для споро-пыльцевого анализа осуществлялся как на территории памятника [8], так и за его пределами [2]. Исследования показали, что городище было основано на местности с сырым лугом с

ольхой на лугово-болотных почвах и прилегающих склонах, покрытых дубняками. Климат в период существования памятника на протяжении более двухсот лет можно разделить на три периода по типу увлажнения: первый – относительно сухой, второй – более влажный и третий – снова относительно сухой.

Присутствие в пробах пыльцы культурных растений (предположительно проса, пшеницы, ячменя, гречихи и крестоцветных) служит подтверждением существования земледелия. Наличие пыльцы облепихи указывает на предполагаемое культивирование облепихи. Найденная пыльца сорных растений характеризует активную хозяйственную деятельность человека: строительство фортификационных сооружений, дорог, жилых и хозяйственных построек, разбивку полей под посевы и огороды и проч.

Количество пыльцы древесной растительности уменьшается в верхней части культурного слоя (до 3%), что указывает на существенное сокращение площадей, занятых лесной растительностью. Это, возможно, произошло в результате систематических рубок и пожаров. Об активной эксплуатации дубняков населением Краскинского городища свидетельствуют находки фрагментов карбонизированной древесины. Исследование десятков образцов из всех пяти выявленных строительных горизонтов памятника показало, что для подавляющего большинства деревянных конструкций жилищ, хозяйственных построек, колодца, множества других сооружений городища, а также частично для топлива (в основном для этих целей применялся каменный уголь) жители использовали дуб.

На тот момент, когда Краскинское городище перестало существовать, окружающие его ландшафты представляли собой луга и разреженные долинские леса, в которых доминировала ольха на прибрежной низменной равнине; склоны мелкогогорья были покрыты дубово-широколиственными лесами.

Культурные и дикие съедобные растения

Хотя агроклиматические ресурсы в долине реки Цукановки (Яньчихэ) можно оценивать как средние, они в полной мере могли обеспечить население городища. Карбонизированные ботанические остатки, полученные в процессе раскопок, указывают на существование у жителей Краскинского городища поликультурного земледелия, как и у населения других бохайских

городищ и поселений [5]. Население города выращивало разнообразные виды культурных растений, среди которых – просовые, зерновые (в том числе крупяные), бобовые, масличные и технические культуры.

К настоящему времени идентифицированы карбонизированные семена девяти видов культурных растений (определения Е.А. Сергушевой и С.В. Баштанника), найденные на Краскинском городище [1; 12]: просо японское (*Echinochloa utilis*), просо итальянское (*Setaria italica*), просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*), ячмень голозерный (*Hordeum vulgare*), ячмень пленчатый (*H.vulgare var.nudum*), пшеница мягкая (*Triticum aestivum*), пшеница карликовая (*Triticum compactum*), фасоль угловая (адзуки) (*Phaseolus angularis*), соя культурная (*Glycine max*), а также окультуренные растения вики (горошка – *Vicia*), люцерны посевной обыкновенной (*Medicago sativa*) и технической культуры – конопли посевной.

Вместе с тем, количество полученного материала пока не позволяет окончательно судить о роли каждого из представленных видов растений в диете населения. По аналогии с другими бохайскими памятниками можно лишь говорить о том, что просовые культурные растения доминируют по сравнению с зерновыми культурами. Однако на Краскинском городище зерновки проса чаще встречаются в виде запеченной каши, что затрудняет их видовое определение. По количеству найденных на памятнике семян (несколько сотен) пока преобладает соя. Судя по остаткам древесины яблони и груши, обнаруженных в процессе раскопок колодца на территории храмового комплекса, жители городища также занимались садоводством.

На территории южной части Приморья при наличии благоприятных природных условий эффективным оставалось собирательство съедобных и полезных дикорастущих растений. Среди карбонизированных ботанических остатков съедобных диких и мусорных растений выявлены семена семейства горчицы (cf. *Brassica* sp.), мари городской (*Chenopodium urbicum*), водного перца (*Polygonum hydropiper*), плодов черемухи (*Prunus padus*), скорлупы сосны корейской (*Pinus koraiensis*) и ореха лещины (*Corylus*).

Наверняка важную роль в питании играли и дикие съедобные клубневые растения-многолетники, которые и в настоящее время произрастают в окрестностях Краскинского городища. К ним относятся представители семейства

колокольчиковых – бубенчик трехконечный (*Adenophora tricuspidata*), колокольчик головковый (*Campanula cephalotes*), а также семейства лилиевых – лилия Буша (*Lilium Bushianum*), лилия даурская (пенсильванская) (*Lilium pensylvanicum*), лилия ложнопятнистая (*Lilium pseudotigrinum*), рябчик уссурийский (*fritillaria ussuriensis*) и другие. Эти растения и в наши дни используются коренными малочисленными народами Дальнего Востока, а также корейцами и китайцами.

Домашние и дикие животные

Основные черты адаптивной стратегии населения городища, связанные с эксплуатацией животных ресурсов, включают использование домашних и диких животных, морских млекопитающих и моллюсков, ихтиофауны.

Домашние животные. К настоящему моменту изучено около 1500 костей животных, из которых до вида удалось определить только третью часть. Домашним животным принадлежит 93%, диким – 7%, найдена одна кость человека. Относительное количество костных остатков домашних животных на Краскинском городище выше, чем на других бохайских памятниках, где оно составляет 66–81%.

На Краскинском городище корова оказалась самым многочисленным видом по относительному количеству костных остатков (47% от костей домашних животных). Костные остатки коров были обнаружены почти на всех изучаемых участках памятника и представлены зубами, костями черепа, трубчатыми костями конечностей, фалангами и др.

На втором месте по количеству костных остатков оказалась свинья (27%). Ее остатки найдены также почти на всех изучаемых участках памятника. Остатки в основном представлены зубами, фрагментами челюсти, и трубчатыми костями. Кости домашней свиньи из Краскинского городища было легко отличить от костей дикого кабана из-за их некрупных размеров даже у взрослых особей.

Третье место по встречаемости костей принадлежит лошади (14,5%), остатки костей найдены также на большинстве раскопов, как в жилищах, так и в составе дорожного покрытия.

Четвертое место по количеству костных остатков принадлежит собаке (10,8%), большинство фрагментов найдены в отложениях, связанных с остатками дорог. Чаще всего встречались позвонки, зубы и фаланги.

Три кости из раскопа с остатками жилищ были идентифицированы как мелкий рогатый скот. Кости коз и овец очень похожи между собой, что затрудняет их диагностику. Учитывая плохую сохранность костей на Краскинском городище, различить эти виды было особенно сложно.

И, наконец, впервые на бохайском памятнике, обнаружена кость двугорбого верблюда, представленная первой фалангой. Муссонный климат, а в частности влажная зима в Приморье, неблагоприятны для верблюдов, в связи с чем их никогда здесь не разводили. По всей видимости, этот верблюд попал сюда с транспортными потоками из других (континентальных) регионов, где было развито верблюдоводство, как и сейчас в континентальных районах Азии. Верблюды в то время, как и сейчас, использовались как вьючные и тягловые животные, а также как источник молока, мяса, шерсти и кожи.

В Краскинском городище обнаружено восемь костей птиц, из которых удалось определить пять костей от трех видов: курица, фазан и представитель семейства утиных.

Все виды домашних животных могли употребляться в пищу, но, вместе с тем, такие как корова и лошадь в первую очередь использовались как тягловые и ездовые животные. И лишь после того, как они по каким-либо причинам не могли выполнять эти функции, их использовали в пищу.

Дикие животные. Находки костей диких животных, собранных на памятнике, свидетельствуют о том, что охота занимала важное место в системе жизнеобеспечения. Найдены кости косули, пятнистого и благородного оленя, кабана, зайца, лисицы, барсука. Количества найденных костей диких животных пока недостаточно для серьезных выводов. Тем не менее, стоит уточнить, что большинство костей принадлежало косуле и пятнистому оленю. Кроме того, в жилище нижнего горизонта был найден целый позвонок кита, еще один позвонок был обнаружен на участке с остатками дороги. Пока говорить о китобойном промысле бохайцев преждевременно, но киты определенно могли стать случайной добычей бохайцев, оказавшись на мелководье в бухте Экспедиции.

Анализ сохранности костей из Краскинского городища был проведен с учетом наиболее ярко выраженных типов повреждений: погрызы хищников и грызунов, кальцинирование костей в результате обжига, разрушение (включая сре-

зы, поверхностные порезы) и обработка человеком. Такой анализ позволяет уточнить, как использовались животные и как формировались костные отложения на памятнике.

Небольшое общее количество костных остатков, обработанных и идентифицированных на данный момент, не позволяет комплексно сравнить Краскинское городище с другими памятниками, хотя, по всей видимости, в укладе жителей городища имелись особенности, отличающие их от других памятников. Высокая доля остатков крупного рогатого скота по сравнению с другими бохайскими памятниками, видимо, связана с транспортной функцией города, которая обеспечивалась тягловыми животными.

Водные биоресурсы. Проживая на морском побережье и рядом с реками и озерами, население Краскинского городища имело доступ к многочисленным и характерным для этого региона объектам промысла, включающим многочисленные виды рыб, беспозвоночных животных, водорослей и морских трав, реже – морских птиц и млекопитающих.

Кости рыб сохраняются редко в кислой влажной почве, тем не менее к настоящему моменту определены кости пиленгаса, горбуши, сельди, рыбы-собаки (фугу) и других видов рыб, обитавших в заливе Посъета и бухте Экспедиции (определения М.В. Назаркина). В настоящее время значительная часть костей рыб из Краскинского городища остается еще не идентифицированной.

На основании изучения остатков раковин моллюсков определены семь основных промысловых видов двустворчатых (мидия Грея (*Crenomytilus grayanus*), устрица тихоокеанская (*Crassostrea gigas*), спизула сахалинская (*Spisula sachalinensis*), гребешок Свифта (*Swiftopecten swifti*) глицимериса *Glycymeris yessonsis*) и два вида брюхоногих (рапана (*Rapana venosa*), нептунья луковичная (*Neptunea bulbacea*)). Доминирующим видом по частоте встречаемости на некоторых участках городища является спизула сахалинская – крупный закапывающийся в песок двустворчатый моллюск. Судя по кольцам роста на створках, практически все спизулы выловлены в летний период и подвергались термической обработке в кипящей воде.

В собранном материале добытые спизулы имеют длину раковины от 41,2 до 96,1 мм и возраст от 4 до 11–14 лет. Наиболее часто представлены моллюски, имеющие длину в пределах 70–90 мм и возраст 7–12 лет. Количество

левых створок немного преобладает над числом правых. Спизулы такого же размера и возраста обычно представлены в современных промысловых скоплениях залива Посъета, которые находятся в б. Рейд Паллада вдоль песчаной косы Назимова на глубине от 4 до 7 м. Спизула встречается также у косы Назимова со стороны б. Экспедиции и у мыса Шелеха на оконечности Новгородского полуострова. Большое количество добывавшихся спизул, по сравнению с другими промысловыми видами моллюсков, свидетельствует о том, что эти моллюски имели особое значение в питании населения Краскинского городища.

Относительно многочисленным видом была мидия Грея, которая на Краскинском городище образует целые слои в культурных отложениях. Здесь мидия отличалась также очень крупными размерами, достигающими 180–200 мм, а также часто парными створками. Это свидетельствует о том, что отборные особи мидий для вскрытия, скорее всего, обрабатывали паром или варили в воде.

В заливе Посъета мидия Грея обитает плотными скоплениями вблизи скалистых мысов и участков открытого побережья на глубине от 1 до 15 м и более, где они могут существовать в виде небольших друз на отдельных камнях и раковинах среди илов. Судя по размерам и форме раковин, мидии из Краскинского городища получены с относительно больших глубин, где их, скорее всего, промышляли с помощью небольших драг или «кошек» (в форме небольшого якоря с зубьями по периметру конца штока). Ближайшее от городища место промысла находится у входа в б. Экспедиции или в б. Рейд Паллада.

Из них два вида – устрица *Crassostrea gigas* и рапана *Rapana venosa* – живут в бухте Экспедиции и встречаются примерно в 2–3 км от городища, тогда как остальные виды характерны для более открытых районов залива (бухта Рейд Паллада) и в бухте Экспедиции могут быть найдены только вблизи входа в бухту или на расстоянии приблизительно 5–7 км от городища. Скорее всего, для их добычи применялись небольшие лодки, так как расстояние по суше до ближайших мест скопления этих моллюсков было в 2–3 раза больше (от п. Краскино до п. Посъет – 12–14 км). Раковины брюхоногого моллюска рапаны *Rapana venosa*, несомненно, добывались вместе с устрицей, так как этот хищник живет только на устричниках или вблизи них на глубине 1–3 м.

Судя по размерам фрагментов раковин, бохайцы вылавливали относительно крупных или взрослых моллюсков. В отличие от устриц и рапан, глицимериса могли находить только вблизи входа в б. Экспедиции, где этот моллюск образует промысловые скопления на смешанных песчано-гравийно-галечных грунтах на глубине 1,5–5 м. Их небольшое количество на городище свидетельствует о том, что этот вид был, скорее всего, случайным объектом промысла или его собирали не для еды. Раковины глицимериса часто использовались для изготовления небольших ложек, а также применялись в качестве подвесок и нашивок на одежду. Для этого у створок глицимериса протирались макушка до образования отверстия нужного размера. К сожалению, отсутствие таких или целых створок на городище не позволяет утверждать это, однако известны аналогичные находки на других бохайских городищах.

На всех бохайских городищах обнаружены раковины приморского гребешка, который широко распространен вдоль всего побережья Приморья. В настоящее время приморский гребешок образует промысловые скопления в б. Рейд Паллада и у входа в бухты Экспедиции и Новгородская на глубине 2–15 м и более. Во время сильных штормов, гребешка часто выбрасывает на песчаный берег косы Назимова и других открытых бухт залива. Добывать их могли разными способами – от ручного сбора со дна при нырянии до применения небольших зубчатых драг. Относительно небольшое количество раковин гребешка на территории городища, возможно, объясняется тем, что этого моллюска легко вскрывать в живом виде с помощью ножа, и его первичная обработка могла осуществляться в местах вылова.

Моллюски найдены во всех отложениях и в разных объектах, относящихся ко всем строительным горизонтам, но часто в относительно небольшом количестве (часто единичные находки), что не позволяет выявить стратиграфические закономерности в их распределении. Обнаруживается лишь тенденция приуроченности остатков к жилищам, где относительно большее число видов и их численность.

Заключение

Систематические естественнонаучные исследования Краскинского городища и археологических данных демонстрируют сложные палеоэкологические условия существования населения

средневекового города. Бохайцы вынуждены были постоянно адаптироваться к климатическим изменениям. Многочисленные экофакты из раскопок свидетельствуют об успешной хозяйственной деятельности жителей и сложившейся системе их жизнеобеспечения.

Они выращивали не менее девяти видов культурных растений, среди которых – просовые, зерновые, бобовые, масличные и технические культуры, а также разводили фруктовые сады и ягодные кустарники. Население активно занималось собирательством съедобных и полезных диких растений. Не менее важным для их питания и выживания в целом являлась эксплуатация домашних и диких животных и птиц. Среди них были такие экзотические виды как верблюды, редкие – мелкий рогатый скот, морские млекопитающие – китообразные. Стоит подчеркнуть, что состав млекопитающих и их процентное соотношение на Краскинском городище специфично и отличается от других изученных бохайских памятников.

Жители Краскинского городища, имея доступ к богатейшим водным биоресурсам, успешно вели их промысел. Использование морских и речных ресурсов позволяло существенно разнообразить кухню (питание) в сочетании с основными традиционными видами пищи. Многочисленные виды кухонной посуды, найденной на городище, дают представление о разнообразных способах приготовления еды, а также ее хранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баштанник С.В. Археоботанические исследования на Краскинском городище по результатам раскопок 2015 г. // Гельман Е.И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Санафеев А.Ю. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае в 2015 году. Сеул, 2018. С. 255–261.
2. Верховская Н.Б. Результаты палинологического изучения голоценовых отложений в районе раскопок Краскинского курганов в устье р. Цукановка // Гельман Е.И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок, Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2013 году. Сеул, 2014. С. 184–191.
3. Винокурова М.А., Омелько В.Е., Гасилин В.В., Гельман Е.И. Млекопитающие (Mammalia) Краскинского городища (Бохай, VIII–X вв.), Приморский край // Териофауна России и со-

предельных территорий (X съезд Териологического общества при РАН). Материалы международного совещания. 1–5 февраля 2016 г. М., 2016. С. 72.

4. Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 60–72.

5. Гельман Е.И. Сельское хозяйство и промыслы в экономике Бохая // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 20. Археология. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 168–176.

6. Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994.

7. Лещенко Н.В., Раков В.А., Болдин В.И. Морское собирательство и рыболовство (по материалам археологических исследований Краскинского городища) // Россия и АТР. 2002. № 1. С. 45–49.

8. Ляцевская М.С., Ганзей Л.А. Палинологические исследования культурного слоя Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Владивосток, 2017. С. 86–93.

9. Омелько В.Е., Винокурова М.А. Анализ костей животных Краскинского городища (по результатам исследований в 2009 г.) // Гельман Е.И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок, Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2013 году. Сеул, 2014. С. 73–78.

10. Панасенко В.Е. Анализ костей животных Краскинского городища (по результатам исследований в 2012 году) // Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Болдин В.И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2012 году. Сеул, 2013. С. 213–215.

11. Раков В.А., Шарова О.А., Гельман Е.И. Промысел и торговля морскими водными биоресурсами в период средневековья на территории Приморья // Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище): Международная научная конференция. Владивосток, 4–9 сентября 2010. Владивосток, 2010. С. 41–44.

12. Сергушева Е.А., Гельман Е.И. Предварительные результаты изучения семян и плодов растений, полученных из раскопок Краскинского городища в районе Восточных ворот //

Мультидисциплинарные методы исследования в археологии. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 128–141.

REFERENCES

1. Bashtannik, S.V., 2018. Arkheobotanicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishche po rezul'tatam raskopok 2015 g. [Archaeobotanical research of Kraskino fortress based on the results of excavations in 2015]. In: Gelman, E.I., Kim Eun-Kuk, Jung Suk-Bae, Astashenkova, E.V., Piskareva, Ya.E. and Sanafeev, A.Yu., 2018. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae v 2015 godu. Seoul, pp. 255–261. (in Russ.)

2. Verkhovskaya, N.B., 2014. Rezul'taty palinologicheskogo izucheniya golotsenovykh otlozhenii v raione raskopok Kraskinskikh kurganov v ust'e r. Cukanovka [The results of the palynological study of Holocene deposits in the area of the excavations of Kraskinsky kurgans in the mouth of the river Tsukanovka]. In: Gelman, E.I., Kim Eun-Kuk, Jung Suk-Bae, Kim Eun-Ok, Astashenkova, E.V. and Piskareva, Ya.E., 2014. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2013 godu. Seoul, pp. 184–191. (in Russ.)

3. Vinokurova, M.A., Omelko, V.E., Gasilin, V.V. and Gelman, E.I., 2016. Mlekopitayushchie (Mammalia) Kraskinskogo gorodishcha (Bohai, VIII–X vv.), Primorskii krai [Mammals (Mammalia) of Kraskino fortress (Balhae, 8th–10th century), Primorsky Territory]. In: Teriofauna Rossii i sopedelnykh territorii (X s'ezd Teriologicheskogo obshchestva pri RAN). Materialy mezhdunarodnogo soveshchaniya. 1–5 fevralya 2016 g. Moskva, 2016, p. 72. (in Russ.)

4. Gelman, E.I., 2018. Bokhaiskii gorod v rossiiskoi istorii: ot arkhimandrita Palladiya do nashikh dnei [Balhae city in Russian history: from archimandrite Palladium to the present], Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya, no. 1, pp. 60–72. (in Russ.)

5. Gelman, E.I., 2018. Sel'skoe khozyaistvo i promysly v ekonomike Bokhaya [Agriculture and crafts in the economy of Balhae]. In: Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. T. 20. Arkheologiya. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018, pp. 168–176. (in Russ.)

6. Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dalnego Vostoka Rossii [Balhae State (698–926) and tribes of the Russian Far East]. Moskva: Nauka, 1994. (in Russ.)

7. Leshchenko, N.V., Rakov, V.A. and Boldin, V.I., 2002. Morskoe sobiratelstvo i rybolovstvo (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy Kraskinskogo gorodishcha) [Marine gathering and fishing (based on archaeological research of Kraskino fortress)], *Rossiya i ATR*, no. 1, pp. 45–49. (in Russ.)

8. Lyashchevskaya, M.S. and Ganzei, L.A., 2017. Palinologicheskie issledovaniya kulturnogo sloya Kraskinskogo gorodishcha [Palynological studies of Kraskino fortress cultural layer]. In: *Multidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*. Vyp. 3. Vladivostok, 2017, pp. 86–93. (in Russ.)

9. Omelko, V.E. and Vinokurova, M.A., 2014. Analiz kostei zhyvotnykh Kraskinskogo gorodishcha (po rezul'tatam issledovaniy v 2009 g.) [Animal bones analysis on the site of Kraskino fortress (based on the research of 2009)]. In: Gelman, E.I., Kim Eun-Kuk, Jung Suk-Bae, Kim Eun-Ok, Astashenkova, E.V. and Piskareva, Ya.E., 2014. *Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2013 godu*. Seoul, pp. 73–78. (in Russ.)

10. Panasenko, V.E., 2013. Analiz kostei zhyvotnykh Kraskinskogo gorodishcha (po rezul'tatam issledovaniy v 2012 godu) [Animal bones analysis on the site of Kraskino fortress

(based on the research of 2012)]. In: Gelman, E.I., Astashenkova, E.V., Piskareva, Ya.E., Boldin, V.I., Kim Eun-Kuk, Jung Suk-Bae and Kim Eun-Ok, 2013. *Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2012 godu*. Seoul, pp. 213–215. (in Russ.)

11. Rakov, V.A., Sharova, O.A. and Gelman, E.I., 2010. Promysel i trgovlya morskimi vodnymi bioresursami v period srednevekova na territorii Primorya [Harvesting of and trade in aquatic bioresources during the Middle Ages on the territory of Primorye]. In: *Bokhai: istoriya i arkheologiya (v oznamenovanie 30-letiya s nachala arkheologicheskikh raskopok na Kraskinskom gorodishche): Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Vladivostok, 4–9 sentyabrya 2010. Vladivostok, 2010, pp. 41–44. (in Russ.)

12. Sergusheva, E.A. and Gelman, E.I., 2014. Predvaritelnye rezul'taty izucheniya semyan i plodov rasteniy, poluchennykh iz raskopok Kraskinskogo gorodishcha v raione Vostochnykh vorot [Preliminary results of the study of seeds and fruits of plants from the excavations in the East Gate area of Kraskino fortress]. In: *Multidistsiplinarnye metody issledovaniya v arkheologii*. Vladivostok: Dal'nauka, 2014, pp. 128–141. (in Russ.)

С.В. Горохов*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЦЕПТУР СПЛАВОВ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ XVII–XIX вв. СИБИРИ, ПОВОЛЖЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ**

В настоящей статье представлены результаты сравнительного изучения составов сплавов нательных крестов, происходящих из различных памятников на территории России. Источниковая база представлена нательными крестами XVII–XIX вв. из меди, цинка, свинца и олова в различных пропорциях. Всего 453 изделия, происходящие из Пскова и его окрестностей, с Гольянского кладбища в Республике Удмуртия, из памятников Изюк-I и Ананьино-I в Омской области, из некрополя Умревинского и Илимского острогов. Установлено, что 64% всех крестов изготовлено из трех (из 28 выделенных) сплавов. При этом лишь один из этих сплавов (Cu+Zn+Pb) является общим для всех рассматриваемых коллекций крестов (37,7% от всех крестов). Выявлено, что распределение долей компонентов в рамках этого сплава является индивидуальным для большей части коллекций. Собрания крестов из Умревинского острога и из памятников Омской области продемонстрировали идентичное распределение компонентов в сплавах крестов, что позволило сделать вывод о том, что участки некрополей, из которых происходят кресты из идентичных сплавов, формировались одновременно, а захороненные на этих участках обладали крестами, произведенными в одном центре в один период времени (не ранее середины 1780-х гг. – XIX в.).

Ключевые слова: ставрография, нательный крест, состав металла, рецептура сплава, некрополь

Comparative metal alloy composition analysis of the XVIIth – XIXth century cross pendants from Siberia, Volga Region, and North-Western Russia. SERGEY V. GOROKHOV (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

The article presents the results of the comparative metal alloy composition analysis of cross pendants originating from various archeological sites in the territory of Russia (Pskov, Republic of Udmurtia, and Siberia). As a source for comparison, the author uses 453 cross pendants dated XVIIth to XIXth century and made of copper, zinc, lead, and tin in different proportions. It is determined that 64% of all cross pendants are made of three (out of 28 identified) alloys. However, only one of these alloys (Cu+Zn+Pb) is common for all collections of cross pendants under consideration (37.7% of all cross pendants). It is identified that the distribution of component shares within the framework of this alloy mostly correlates with the particular type of collection. The collections from Fort Umrevinsky and the sites of Omsk region demonstrate an identical type of

* ГОРОХОВ Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

© Горохов С.В., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-09-00150.

components' distribution in the alloys of cross pendants, which allows concluding that the parts of cemeteries, from which the cross pendants of identical alloys originate, were formed simultaneously, and the cross pendants themselves were produced in one center during the same period of time (not earlier than the middle of the 1780s – XIXth century).

Keywords: staurography, cross pendant, metal alloy composition, necropolis

Одной из самых сложных проблем современной археологии периода русского освоения Сибири и Дальнего Востока с конца XVI по XIX вв. является проблема хронологической недифференцированности «русского» предметного комплекса (см., напр.: [1, с. 93, 99; 2; 18, с. 172; 19; 20]). Этот факт вынуждает исследователей при датировании археологических памятников и отдельных археологических объектов в их составе опираться практически исключительно на письменные источники. Такой подход имеет ряд существенных недостатков.

Письменные источники фиксируют положение дел на определенный момент времени. Но при изучении культурного слоя памятника исследователь имеет дело с остатками сразу всего исторического процесса. Далеко не всегда удается однозначно соотнести тот или иной слой или участок памятника с письменным свидетельством, а когда это удается, такое соотнесение носит предположительный характер. Согласно сложившейся практике, наиболее ценными сведениями, которые археолог может почерпнуть из письменных источников, является информация о времени основания того или иного объекта (зимовья, острога, города, слободы, села, деревни, посада и т. п.). Когда бывает раскопан такой памятник, для которого по письменным источникам известен год основания, исследователь часто определяет нижнюю хронологическую границу полученных артефактов равной году основания, то есть старается максимально удревнить выявленный объект или артефакт. Однако неприемлемость такого подхода для частично исследованных объектов очевидна. Некий объект, будучи основан в определенном месте, имеет тенденцию к увеличению площади на протяжении периода своего существования. Исследователь часто не знает, когда сформировалась та часть памятника, которую он изучает. Для разных типов памятников эта проблема может иметь разную степень остроты. Для объектов, имеющих четкие границы в виде защитных стен (зимовья, острога, го-

рода, укрепленная часть слобод), эта проблема стоит менее остро, так как границы памятника могут быть относительно легко и точно выявлены. Но ситуация может осложняться многочисленными перестройками различных объектов. Такие памятники, как посады, села, деревни, незащищенные части слобод, а также некрополи, возникали и расширялись произвольно, поэтому датировать тот или иной участок такого памятника чрезвычайно трудно.

Для датирования предметов материальной культуры, полученных в результате проведения археологических раскопок в Сибири и на Дальнем Востоке, исследователи часто прибегают к поиску аналогий предметного комплекса из европейской части России. Однако такой подход не решает проблемы, так как оказывается, что аналоги сибирских артефактов появлялись в европейской части России начиная с XI в. При этом верхняя граница их бытования часто отстоит от XVII в. на одно или несколько столетий. При датировании артефактов XVII–XIX вв. в европейской части страны исследователи сталкиваются с той же проблемой, что и сибирские археологи – отсутствие хронологической дифференциации археологических артефактов по их типам.

Сложившаяся ситуация подталкивает сибирских исследователей к разработке самостоятельной хронологии отдельных категорий предметов. Наиболее продуктивно эта задача, по нашему мнению, может быть решена на базе таких артефактов, как монеты и нательные кресты, так как их находки весьма многочисленны и разнообразны. Настоящая статья посвящена частному случаю разработки хронологии нательных крестов в Сибири на основе рецептуры их сплавов.

Подробный разбор литературы, посвященной анализу состава металла, представлен в специальной публикации [5]. Проанализированы работы А.И. Бобровой, Д.И. Волкова с соавторами, С.В. Горохова и А.П. Бородавского, С.А. Перевозчиковой и С.Е. Перевозинова,

В.Н. Перетца, Л.Н. Савиной, И.В. Сальниковой, Л.В. Татауровой и М.С. Шемаханской [3; 4; 7; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 21; 22; 23]. За рамками этого обзора остались статьи Ю.В. Колпаковой, посвященные анализу состава металла нательных крестов Пскова XVI–XVIII вв., и работа автора настоящей публикации, посвященная хронологическому-планиграфическому анализу состава сплавов нательных крестов Илимского острога, поэтому остановимся на этих работах подробно.

В последней статье разработана относительная хронология сплавов нательных крестов. Источниковая база исследования представлена 190 экземплярами нательных крестов Илимского острога [11], для которых И.В. Сальниковой было выполнено определение состава металла [17]. Выработаны подходы к выделению сплавов нательных крестов, разработаны и применены методы определения компактных разновременных участков некрополя и метод хронологического-планиграфического анализа. Выделено семь этапов формирования некрополя, которые последовательно сменяли друг друга. Установлено, что исследованный участок кладбища развивался из южной, юго-восточной и восточной части на запад, северо-запад и север. Определено, что старые участки некрополя характеризуются хаотическим расположением захоронений. Изучено распределение крестов из определенных сплавов в составе ярусных захоронений. Установлено, что общая закономерность состоит в отсутствии крестов в погребениях нижних ярусов, наличии крестов из редких сплавов в средних ярусах и присутствии крестов из массовых сплавов в верхних ярусах [6].

Ю.В. Колпакова ведет изучение состава сплавов нательных крестов из Пскова и его окрестностей с целью «систематизации однородных в иконографическом плане нательных крестов, выяснения датирующего потенциала определения состава сплавов и поиска пути выявления литейных серий и производственных центров крестечного дела». Было исследовано 145 крестов различных типов, полученных при проведении археологических раскопок поселенческих памятников и некрополей, а также при сборах с поверхности. Исследования проводились при помощи РФА-анализатора ХМЕТ-5100 Центра коллективного пользования научным оборудованием Московского физико-технологического института. С каждой вещи, в зависимости от ее размера, делалось 3–5 проб в точках по вертикальной оси от ушка до средокрестия и нижней

лопасти. Всего было сделано 443 измерения. Выявлено 15 видов и разновидностей сплавов. Автор попыталась установить связь между морфологическим и иконографическим типом изделия и составом сплава и через это определить конкретные производственные традиции. Полученные результаты Ю.В. Колпакова позиционирует как гипотезу, требующую дальнейшей верификации путем расширения источниковой базы [9; 10].

В настоящей статье представлены результаты исследования, цель которого состояла в определении степени сходства между рецептурами сплавов отдельных коллекций нательных крестов и оценке информационного потенциала полученных результатов для реконструкции исторической действительности. Для достижения поставленной цели был решен ряд задач: сформирована репрезентативная источниковая база; полученные разными исследователями результаты измерений приведены к единому виду, обеспечившему сопоставимость результатов измерения состава сплавов; выработаны критерии классификации сплавов; выявлены закономерности в распределении нательных крестов по сплавам; предложена интерпретация обнаруженных закономерностей и реконструированы факты и явления исторической действительности, нашедшие отражение в выявленных закономерностях.

Источниковая база представлена только нательными крестами из меди, цинка, свинца и олова в различных пропорциях. Прочие рецептуры исключены из исследования в силу их малочисленности. Значения долей компонентов менее 1% обращены в 0, так как, вероятнее всего, это случайные примеси [8, с. 128]. Изделия, рецептура сплавов которых включает компоненты кроме меди, цинка, свинца и олова в количестве, превышающем 1%, также исключались из выборки. Всего учтены данные по 453 нательным крестам (Рис. 1; табл. 1):

- 145 изделий предположительно XVII–XVIII вв. из Пскова и его окрестностей [9, с. 73–78; 10, с. 50–55];
- 36 нательных крестов с Гольянского кладбища (Республика Удмуртия) предположительно XVII–XVIII вв. [12, с. 90; 13, с. 47];
- 44 предмета с памятников Изюк-I и Ананьино-I XVII–XVIII вв., для большинства из которых проведено несколько измерений. Если проведено два измерения одного предмета, результаты которых сильно разнятся, то данные

Количественное распределение нательных крестов по сплавам в разрезе по отдельным коллекциям

Сплав	Псков	Гольянокское кладбище	Изюк-I и Ананьино-I	Умревинский острог	Илимский острог	Итого
Cu+0+0+0	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Cu+Pb+0+0	-	2 (5,56%)	-	2 (3,77%)	-	4 (0,88%)
Cu+Pb+Sn+0	3 (2,07%)	1 (2,78%)	3 (6,82%)	3 (5,66%)	6 (3,43%)	16 (3,53%)
Cu+Pb+Sn+Zn	3 (2,07%)	-	2 (4,55%)	1 (1,89%)	2 (1,14%)	8 (1,77%)
Cu+Pb+Zn+0	1 (0,69%)	2 (5,56%)	4 (9,09%)	-	1 (0,57%)	8 (1,77%)
Cu+Pb+Zn+Sn	5 (3,45%)	-	1 (2,27%)	-	-	6 (1,32%)
Cu+Sn+0+0	-	-	-	-	6 (3,43%)	6 (1,32%)
Cu+Sn+Pb+0	5 (3,45%)	4 (11,11%)	2 (4,55%)	2 (3,77%)	18 (10,29%)	31 (6,84%)
Cu+Sn+Pb+Zn	5 (3,45%)	-	1 (2,27%)	-	8 (4,57%)	14 (3,09%)
Cu+Sn+Zn+0	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Cu+Sn+Zn+Pb	4 (2,76%)	-	-	-	3 (1,71%)	7 (1,55%)
Cu+Zn+0+0	14 (9,66%)	2 (5,56%)	1 (2,27%)	2 (3,77%)	58 (33,14%)	77 (17%)
Cu+Zn+Pb+0	47 (32,41%)	22 (61,11%)	26 (59,09%)	39 (73,59%)	29 (16,57%)	163 (35,98%)
Cu+Zn+Pb+Sn	31 (21,38%)	1 (2,78%)	4 (9,09%)	3 (5,66%)	2 (1,14%)	41 (9,05%)
Cu+Zn+Sn+0	-	-	-	-	11 (6,29%)	11 (2,43%)
Cu+Zn+Sn+Pb	10 (6,9%)	1 (2,78%)	-	-	7 (4%)	18 (3,97%)
Pb+0+0+0	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Pb+Sn+0+0	2 (1,38%)	1 (2,78%)	-	-	-	3 (0,66%)
Pb+Sn+Cu+0	1 (0,69%)	-	-	-	2 (1,14%)	3 (0,66%)
Sn+0+0+0	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Sn+Cu+0+0	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Sn+Cu+Pb+0	1 (0,69%)	-	-	-	1 (0,57%)	2 (0,44%)
Sn+Cu+Pb+Zn	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Sn+Cu+Zn+Pb	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
Sn+Pb+0+0	1 (0,69%)	-	-	1 (1,89%)	7 (4%)	9 (1,99%)
Sn+Pb+Cu+0	3 (2,07%)	-	-	-	6 (3,43%)	9 (1,99%)
Zn+Cu+Pb+0	9 (6,21%)	-	-	-	-	9 (1,99%)
Zn+Cu+Sn+Pb	-	-	-	-	1 (0,57%)	1 (0,22%)
кол-во крестов	145	36	44	53	175	453
кол-во сплавов	17	9	9	8	24	28

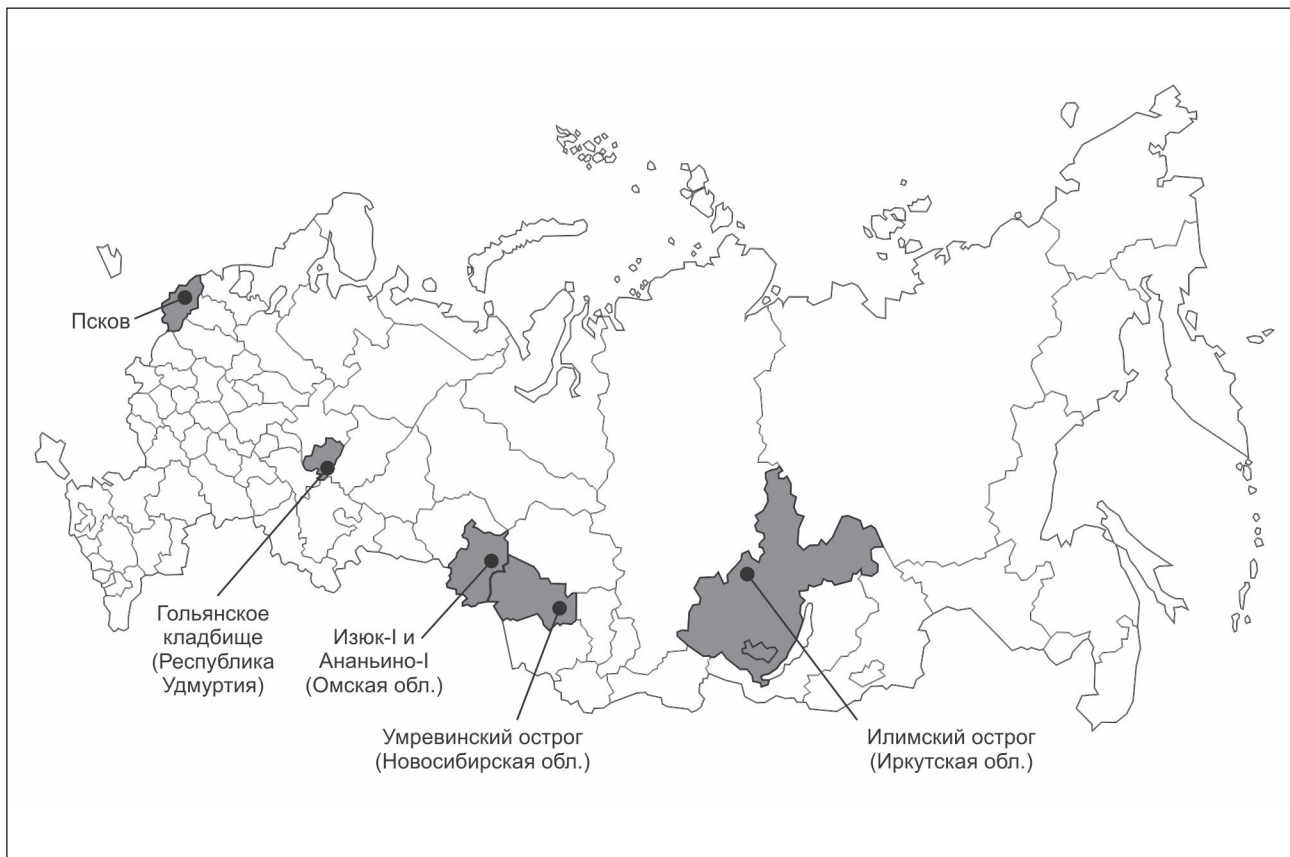

Рис. 1. Карта происхождения исследуемых коллекций нательных крестов

по такому нательному кресту не учитывались. Если результаты сходны, то данные по ним усреднялись. Если было выполнено три измерения, одно из которых существенно отличается от двух других, то результаты такого измерения не учитывались, а по оставшимся измерениям проводилось усреднение [21, с. 223, 224];

– 53 нательных креста из некрополя Умревинского острога (Новосибирская область) конца XVIII–XIX вв. [7, с. 100, 101];

– 175 крестов из некрополя Илимского острога (Иркутская область) предположительно XVII–XVIII вв. [17, с. 59–65].

Для обеспечения сопоставимости результатов анализа состава металла нательных крестов на первом этапе каждое изделие было отнесено к одной из групп по рецептуре сплава. Группы формировались следующим образом: определялось, какой компонент сплава имеет максимальную долю, затем компонент, который имеет вторую по величине долю и так далее. В результате для каждого креста была получена запись вида $Cu+Zn+Pb+Sn$, которая означает, что в рецептуре сплава данного изделия самую большую долю занимает медь, доля цинка меньше, чем доля меди, но больше, чем доля свинца и оло-

ва, и так далее. В случае, когда какой-либо компонент отсутствует в сплаве, он записывается с помощью знака «0». Например, запись вида $Cu+Zn+Sn+0$ означает, что в сплаве отсутствует свинец (табл. 1).

Анализ распределения крестов из определенных сплавов по исследуемым памятникам позволяет зафиксировать некоторые факты. Всего выделено 28 сплавов. Подавляющее большинство нательных крестов изготовлены из сплавов с преобладанием меди (16 сплавов, 412 экз., 91%). Основную массу крестов на основе меди составляют изделия из четырех сплавов: $Cu+Zn+Pb+0$ (163 экз., 36%), $Cu+Zn+0+0$ (77 экз., 17%), $Cu+Zn+Pb+Sn$ (41 экз., 9,1%) и $Cu+Sn+Pb+0$ (31 экз., 6,9%). Три самых массовых сплава из четырех имеют в своей основе медь и цинк. Свинец и олово могут присутствовать или отсутствовать в этих сплавах, но их доля всегда меньше доли меди и цинка. При этом олово без свинца не употреблялось. Совокупно кресты из четырех самых массовых сплавов составляют 68,9% выборки (312 экз.). Кресты из других сплавов относительно малочисленны и не занимают в каждом отдельном памятнике более 9,09% (в большинстве случаев существенно

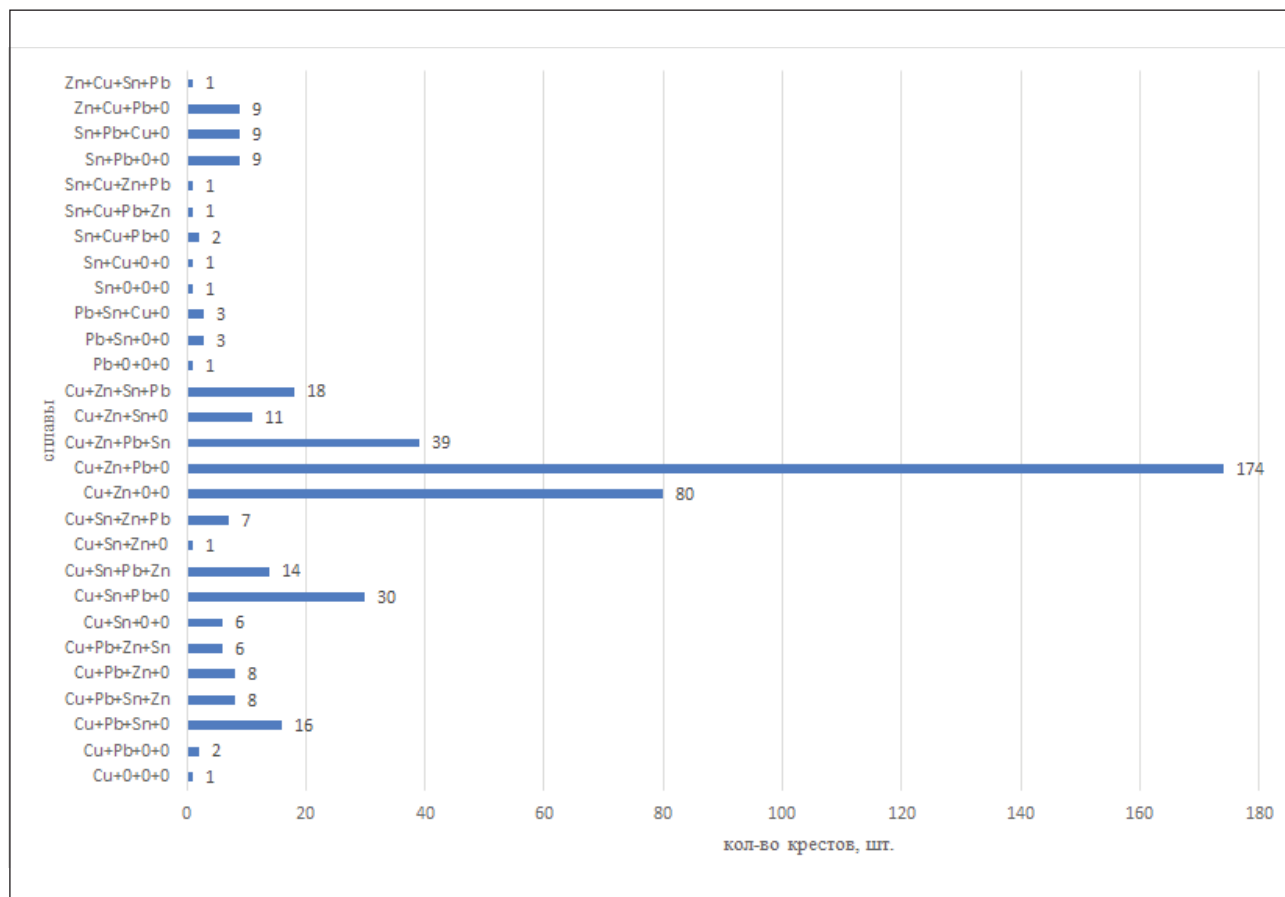

Рис. 2. Количественное распределение нательных крестов по сплавам

менее этого значения), поэтому мы исключаем их из дальнейшего рассмотрения, так как велика вероятность получения ошибочных выводов, вызванных малочисленностью выборки по отдельным сплавам.

Количество сплавов из разных памятников сильно различается: от восьми сплавов в коллекции из некрополя Умревинского острога до 17 сплавов в псковской коллекции и 24 сплавов в коллекции некрополя Илимского острога. Большое количество сплавов (существенно более 9) обусловлено наличием единичных изделий из редких сплавов не на основе меди в самых крупных коллекциях (Псков и Илимский острог). Если рассматривать разнообразие сплавов только на основе меди, то их количество будет колебаться от 7 до 14, и высокое разнообразие, как и в предыдущем случае, будет вызвано наличием крестов из редких сплавов на основе меди в крупных коллекциях (Рис. 2; табл. 1).

Также важным представляется факт, что в больших коллекциях значительную долю составляют сплавы, которые характерны только для одного памятника. Для Пскова это сплав Cu+Zn+Pb+Sn (31 экз., 21,38%), для некропо-

ля Илимского острога – Cu+Zn+0+0 (58 экз., 33,14 %) и Cu+Sn+Pb+0 (18 экз., 10,29%). Если исключить эти кресты (происходящие только из одного памятника), то из этого следует вывод, что для России в целом характерен только один тип сплава – Cu+Zn+Pb+0. Все прочие сплавы носят региональный характер.

Соотношение долей компонентов в рамках каждого выделенного нами сплава может колебаться в достаточно широком диапазоне. Поэтому на втором этапе целесообразно рассмотреть соотношение долей компонентов в сплавах в коллекциях отдельных памятников. Источниковой базой для этого послужат кресты из массовых сплавов конкретных памятников. Фактически для этого подходят кресты только из сплава Cu+Zn+Pb+0, так как их количество в рамках одного памятника колеблется от 21 до 47. Количество крестов из других сплавов в коллекции одного памятника не превышает 18, либо превышение имеется только в рамках одного памятника, что исключает базу для сравнения (Рис. 2; табл. 1).

Рассмотрим каждый компонент сплава в отдельности. Для этого диапазон концентрации

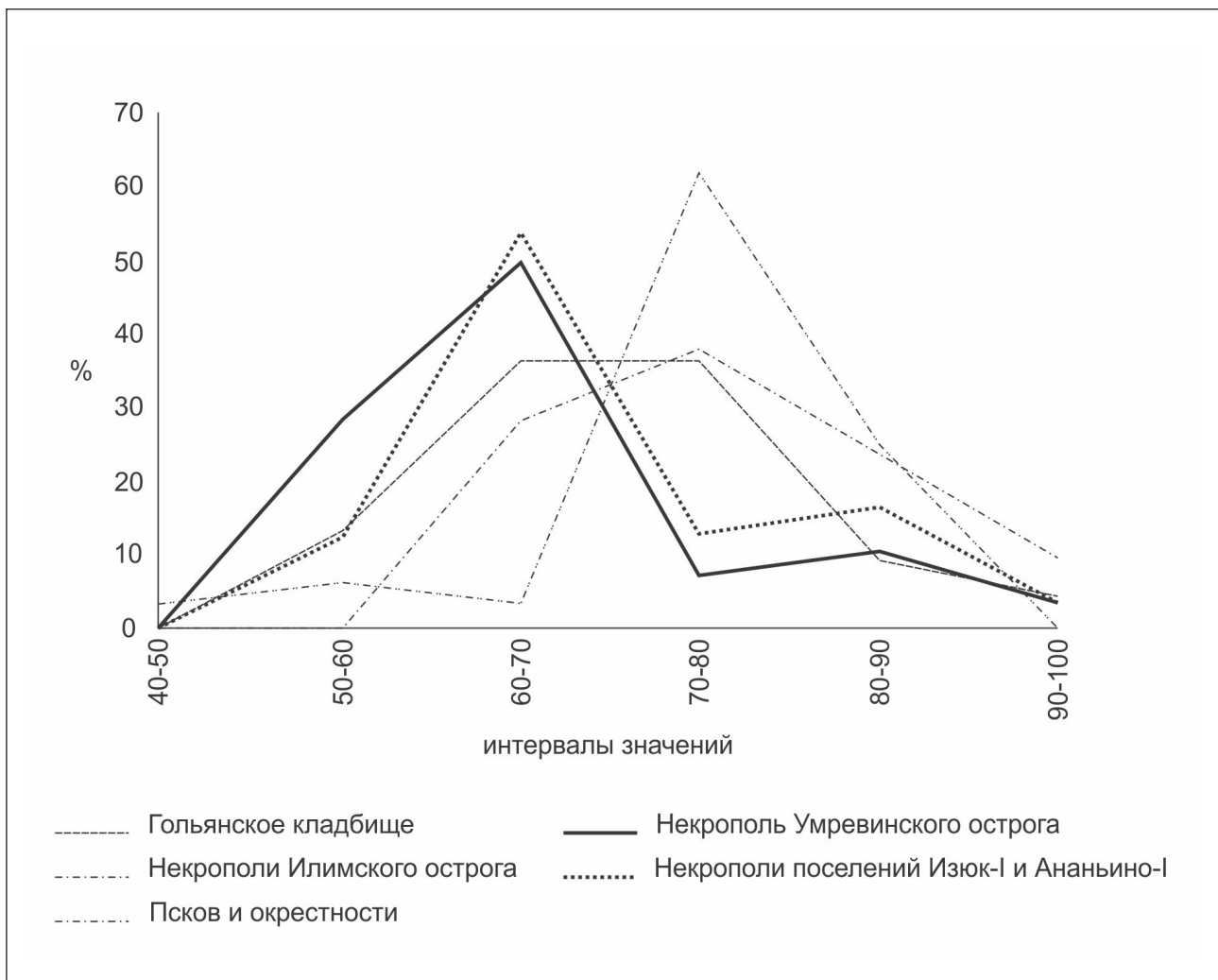

Рис. 3. Количественное распределение нательных крестов по доле меди в сплаве в разрезе по отдельным коллекциям

компонента в сплавах всех крестов разобьем на определенные интервалы. Для свинца выделены интервалы концентрации 0–2%, 2–5% и 5–10%, для цинка от 0 до 40% с шагом в 5%, для меди от 50 до 100% с шагом 10%. Затем для каждого компонента рассчитаем долю крестов из коллекции каждого памятника в отдельности, которая попадает в заданный интервал. После этого осуществим сравнение распределения крестов по выделенным интервалам между отдельными коллекциями для каждого компонента сплава в отдельности (Рис. 3, 4, 5).

Анализ полученных графиков показывает, что распределение нательных крестов по доле меди в сплаве для каждого памятника индивидуально, кроме Умревинского острога и памятников Омской области (Изюк-I и Ананьино – I). Последние демонстрируют яркое соответствие друг другу. Этот вывод справедлив и для распределения крестов по доле цинка в сплаве.

Распределение крестов по доле свинца демонстрирует взаимное соответствие во всех памятниках, кроме Гольянского кладбища. Но самое яркое взаимное соответствие демонстрируют графики Умревинского острога и памятников Омской области. Таким образом, во-первых, мы можем констатировать, что в рамках сплава $Cu+Zn+Pb+0$ доли его компонентов могут изменяться в достаточно широком диапазоне, что не позволяет рассматривать рецептуру $Cu+Zn+Pb+0$ как самостоятельный сплав. Необходимо учитывать конкретные значения долей компонентов в рамках этого сплава, то есть выделять более дробные сплавы, которые будут обладать определенной дифференцирующей способностью. Во-вторых, дальнейший анализ вариантов сплава $Cu+Zn+Pb+0$ целесообразен только для коллекции нательных крестов из некрополя Умревинского острога и памятников Омской области.

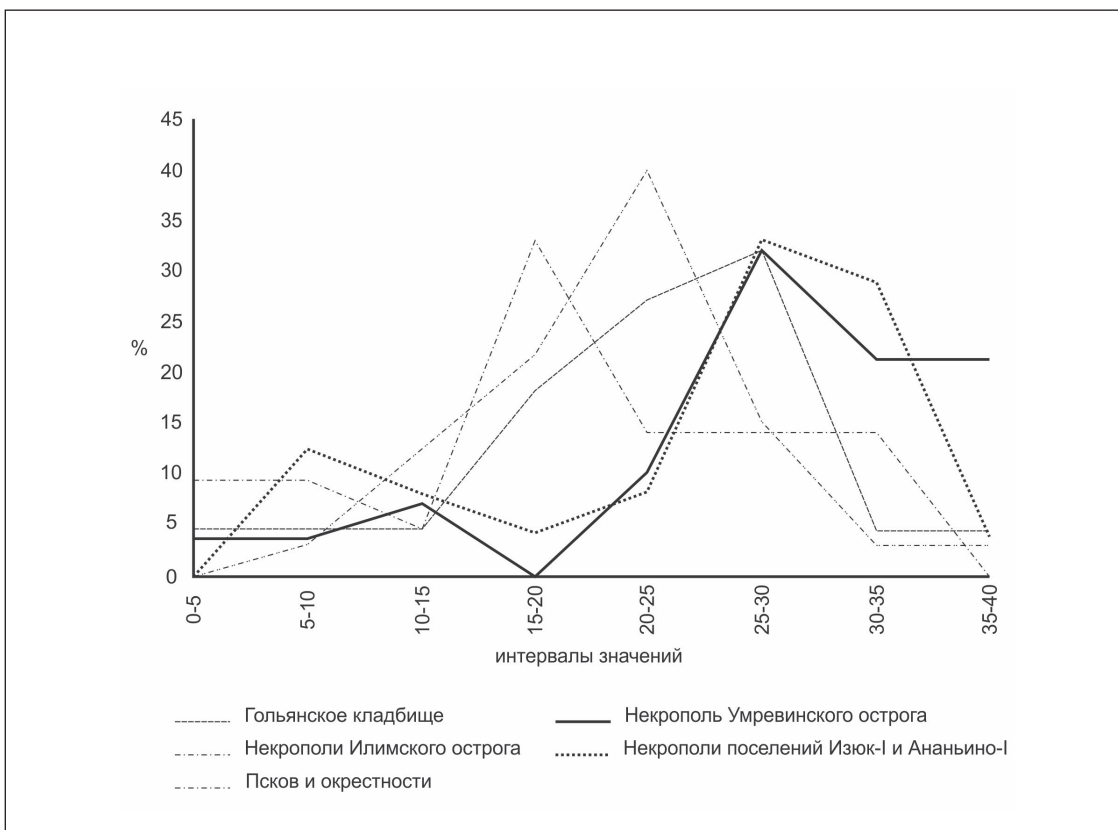

Рис. 4. Количественное распределение нательных крестов по доле цинка в сплаве в разрезе по отдельным коллекциям

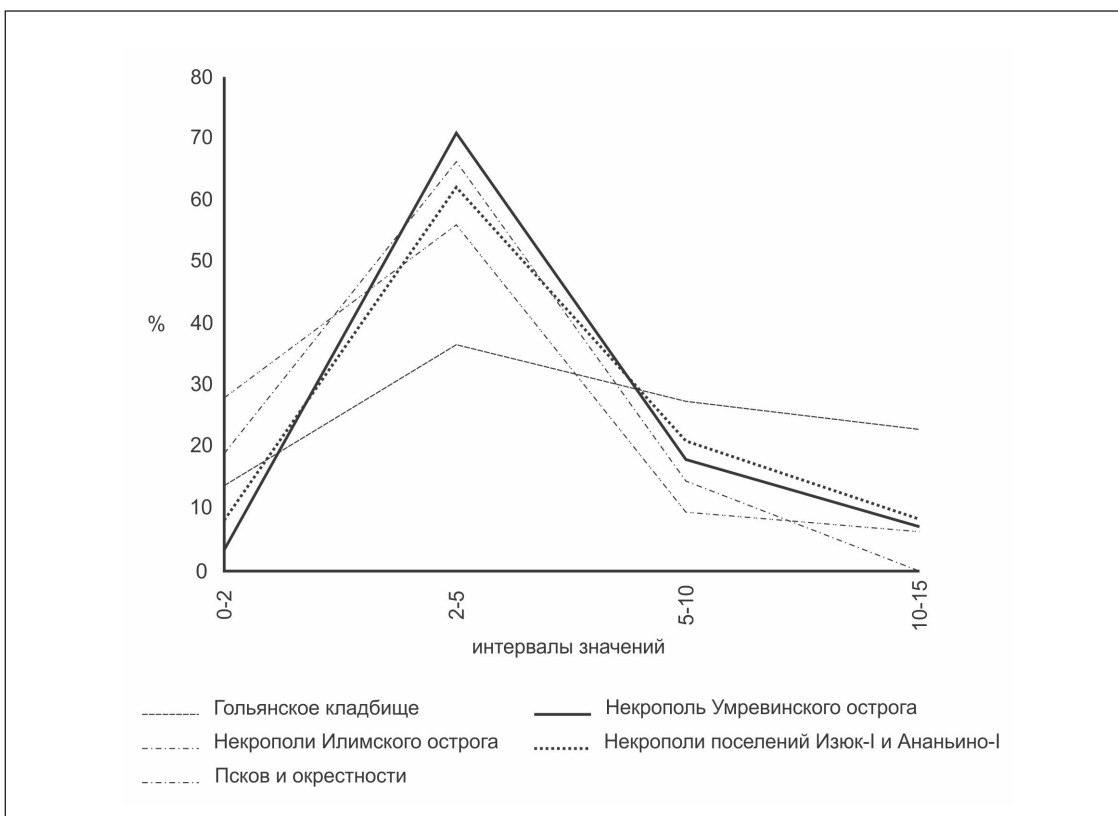

Рис. 5. Количественное распределение нательных крестов по доле свинца в сплаве в разрезе по отдельным коллекциям

Выделение рецептов в рамках сплава Cu+Zn+Pb+0 осуществлялось путем комбинации конкретных интервалов значений всех элементов. В результате появляется запись вида 60–70 + 25–30 + 2–5, что означает, что в данном сплаве доля меди находится в интервале 60–

70%, цинка – 25–30%, свинца – 2–5% (табл. 2). Таким образом, для некрополя Умревинского острога и памятников Омской области было выделено 23 рецептуры сплава Cu+Zn+Pb+0. Нательные кресты по рецептурам распределяются неравномерно. Около 50% крестов изготовлены

Таблица 2

Количественное распределение крестов из коллекции некрополя Умревинского острога и памятников Омской области (Изюк-І и Ананьино-І) в зависимости от рецептуры сплава

Варианты сплава Cu+Zn+Pb+0	Некрополь Умревинского острога		Изюк-І и Ананьино-І	
	Кол-во, шт.	Доля, %	Кол-во, шт.	Доля, %
50-60+20-25+10-15	0	0,0	1	4,3
50-60+30-35+10-15	1	2,5	1	4,3
50-60+30-35+5-10	1	2,5	0	0,0
50-60+35-40+0-2	1	2,5	0	0,0
50-60+35-40+2-5	3	7,5	1	4,3
50-60+35-40+5-10	2	5,0	0	0,0
60-70+20-25+10-15	1	2,5	0	0,0
60-70+25-30+2-5	8	20,0	4	17,4
60-70+25-30+5-10	4	10,0	3	13,0
60-70+30-35+0-2	1	2,5	1	4,3
60-70+30-35+2-5	8	20,0	4	17,4
60-70+30-35+5-10	0	0,0	1	4,3
60-70+35-40+0-2	1	2,5	0	0,0
70-80+10-15+5-10	1	2,5	0	0,0
70-80+15-20+0-2	0	0,0	1	4,3
70-80+20-25+2-5	2	5,0	1	4,3
70-80+25-30+0-2	1	2,5	0	0,0
70-80+25-30+2-5	0	0,0	1	4,3
80-90+10-15+2-5	2	5,0	1	4,3
80-90+15-20+2-5	1	2,5	0	0,0
80-90+5-10+2-5	1	2,5	2	8,7
90-100+0-5+2-5	1	2,5	0	0,0
90-100+5-10+2-5	0	0,0	1	4,3
ИТОГО:	40	100	23	100

по трем рецептурам. При этом в обеих коллекциях доля крестов, приходящихся на одну из трех рецептур, полностью соответствует друг другу, что служит еще одним доказательством того, что между коллекциями нательных крестов из некрополя Умревинского острога и памятников Омской области существует связь через рецептуру сплава. Вероятность того, что данный факт порожден случайным стечением обстоятельств, столь ничтожна, что ею можно пренебречь. Единственное возможное объяснение данного факта состоит в том, что участки некрополей Умревинского острога и памятников Омской области, из которых происходят исследуемые кресты из сплава Cu+Zn+Pb+0, формировались в один и тот же интервал времени, а кресты погребенных были произведены в одном и том же центре в одно время.

Погребения памятников из Омской области датируются Л.В. Татауровой в достаточно широком диапазоне – XVII–XIX вв. При этом большинство погребений – XVII–XVIII вв. Только кресты с долей цинка более 30% Л.В. Татаурова датирует XVIII – первой половиной XIX вв. [21, с. 228]. Умревинский острог был основан в 1703 г., но некрополь на его территории начал формироваться не ранее середины 1780-х гг. и продолжал функционировать в XIX в. Следовательно, участки некрополей на памятниках Омской области, содержащие нательные кресты из исследуемых сплавов, также следует датировать концом XVIII–XIX вв.

Памятники Омской области и Умревинский острог в XVIII–XIX вв. в транспортном отношении были связаны между собой участком Московско-Сибирского тракта, проходившего через Барабинскую степь. Вероятно, именно по этой транспортной артерии шло распространение нательных крестов из единого производственного центра. В связи с этим можно выдвинуть гипотезу о том, что нательные кресты, которые уже обнаружены или могут быть найдены в будущем вдоль отрезка Московско-Сибирского тракта между Тарой и Томском, обнаружат в значительной своей массе сходство по рецептуре сплавов с изученными нательными крестами из Умревинского острога, памятников Изюк-I и Ананьино-I. Установленный факт идентичности значительной части крестов из некрополя Умревинского острога и памятников Омской области позволяет утверждать, что нательные кресты могли распространяться в достаточно массовом количестве (то есть центра-

лизованно) на расстояние не менее 300 км от места производства.

В настоящем исследовании мы вынуждены были ограничиться одним типом сплава из 28 (Cu+Zn+Pb+0) и тремя его вариантами из 23, что обусловлено малым объемом выборки. Появление новых данных по составу сплавов нательных крестов позволит увеличить хронологический и пространственный масштаб исследований, обнаружить новые закономерности и путем их интерпретации реконструировать факты и явления исторической действительности, нашедшие отражение в этих закономерностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Т.А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII–XIX вв. // *Ab Origine*. Вып. 4. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 92–105.
2. Артемьев А.Р. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 260–289.
3. Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского могильника // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 4. С. 107–115.
4. Волков Д.И., Коваленко С.В., Ермацанс И.А., Палажченко А.И. Нательный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2015. № 1. С. 73–80.
5. Горохов С.В. История, проблемы, цели и перспективы анализа состава металла православных нательных крестов конца XVI–XIX веков в Сибири и на Дальнем Востоке // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 7. С. 44–55.
6. Горохов С.В. Хронологический анализ состава сплавов нательных крестов Илимского острога // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 4. С. 14–28.
7. Горохов С.В., Бородовский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 98–107.
8. Енисосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления

на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. лит., 2008. С. 109–186.

9. Колпакова Ю.В. Итоги изучения элементного состава нательных крестов с надписями из позднесредневековых погребений в Пскове и Изборске // Археология и история Пскова и псковской земли. 2016. № 31. С. 57–78.

10. Колпакова Ю.В. Псковские нательные кресты с надписями и их сплавы: опыт изучения // Археология и история Пскова и псковской земли. 2015. № 30. С. 40–59.

11. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007.

12. Перевозчикова С.А., Перевощиков С.Е. Предварительные исследования Гольянского кладбища нового времени в Прикамье // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 1. С. 85–93.

13. Перевозчикова С.А., Перевощиков С.Е., Постушенко И.Ю. Гольянское кладбище – памятник нового времени в Среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. С. 40–47.

14. Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Л.: Издательство ГАИМК, 1933.

15. Савина Л.Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX века // Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол Систем, 1993. С. 48–55.

16. Сальникова И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7. С. 39–48.

17. Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 50–69.

18. Скобелев С.Г. Материальная культура русских первопроходцев Южной Сибири в XVIII в. (по опыту археологического изучения Саянского острога) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 170–173.

19. Скобелев С.Г., Мандрыка П.В. О датировках предметов широкого временного диапазона

бытования с археологических памятников Енисейского русского времени (Саянский острог, Айканское городище) // Материалы научно-практической конференции «Южная Сибирь в составе России: проблемы, поиски, решения», посвященной 280-летию Саянского острога. Шушенское, 1998. С. 29–34.

20. Скобелев С.Г., Мандрыка П.В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 208–214.

21. Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1. С. 220–231.

22. Шемаханская М.С. К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья // Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол Систем, 1993. С. 8–10.

23. Шемаханская М.С., Дубровин А.Ф., Дубровин М.Ф., Равич И.Г. Исследование металла древнерусской меднолитой мелкой пластики как основа ее атрибуции // Консервация и реставрация памятников истории и культуры. Экспресс-информация. Вып. 5–6. М., 1996. С. 1–100.

REFERENCES

1. Alieva, T.A., 2012. Nekotorye dannye o detalyakh kostyuma i ukrasheniyakh tobolyakov v XVII–XIX vv. [Some data on the details of the costume and jewelry of the citizens of Tobolsk in the XVIIth–XIXth century]. In: Ab Origine. Vyp. 4. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, pp. 92–105. (in Russ.)

2. Artem'ev, A.R., 2005. O tipologii i khronologii nekotorykh bytovykh predmetov XVII–XVIII vv. [On the typology and chronology of some household items of the XVIIth–XVIIIth century]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Omsk: Izd-vo OmGU, 2005, pp. 260–289. (in Russ.)

3. Bobrova, A.I., 2004. Natelnye kresty s Tiskinskogo mogilnika [Cross pendants from the Tiskinsky cemetery], Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, no. 4, pp. 107–115. (in Russ.)

4. Volkov, D.I., Kovalenko, S.V., Ermatsans, E.A. and Palazhchenko, A.I., 2015. Natel'nyy krest iz Albazinskogo ostroga: problemy atributsii [The cross pendant from Fort Albazin: the issues of attribution], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 1, pp. 73–80. (in Russ.)
5. Gorokhov, S.V., 2018. Istoriya, problemy, tseli i perspektivy analiza sostava metalla pravoslavnykh natel'nykh krestov kontsa XVI–XIX vekov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [History, problems, goals and prospects of analyzing the metal composition of the Orthodox cross pendants of the late XVI–XIX centuries in Siberia and the Russian Far East], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 17, no. 7, pp. 44–55. (in Russ.)
6. Gorokhov, S.V., 2018. Khronologo-planigraficheskii analiz sostava splavov natel'nykh krestov Ilimskogo ostroga [Chronological and planigraphic metal alloy composition analysis of the cross pendants from Fort Ilim], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 14–28. (in Russ.)
7. Gorokhov, S.V. and Borodovskiy, A.P., 2017. Natel'nye kresty Umrevinskogo ostroga [Cross pendants from Fort Umrevinsky], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, no. 3, pp. 98–107. (in Russ.)
8. Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A. and Saracheva, T.G., 2008. Khimicheskii sostav yuvelirnogo syr'ya epokhi srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevnei Rusi [The chemical composition of raw materials used for making jewelry in the Middle Ages and the way they appeared in the territory of Old Russia]. In: *Tsvetnye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Moskva: Vostochnaya literatura, pp. 109–186. (in Russ.)
9. Kolpakova, Yu.V., 2016. Itogi izucheniya elementnogo sostava natel'nykh krestov s nadpisyami iz pozdnesrednevekovykh pogrebenii v Pskove i Izborske [The results of the study of the inscribed cross pendants' alloy from the late medieval burials in Pskov and Izborsk], *Arkheologiya i istoriya Pskova i pskovskoi zemli*, no. 31, pp. 57–78. (in Russ.)
10. Kolpakova, Yu.V., 2015. Pskovskie natel'nye kresty s nadpisyami i ikh splavy: opyt izucheniya [Inscribed cross pendants from Pskov and their alloys: an attempt of studying], *Arkheologiya i istoriya Pskova i pskovskoi zemli*, no. 30, pp. 40–59. (in Russ.)
11. Molodin, V.I., 2007. Kresty-telniki Ilimskogo ostroga [Cross pendants of Fort Ilim]. Novosibirsk: INFOLIO. (in Russ.)
12. Perevozchikova, S.A. and Perevoshchikov, S.E., 2014. Predvaritelnye issledovaniya Gol'yanskogo kladbishcha novogo vremeni v Prikamye [Preliminary studies of the modern Golyansky cemetery in the Kama region], *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, no. 1, pp. 85–93. (in Russ.)
13. Perevozchikova, S.A., Perevoshchikov, S.E. and Postushenko, I.Yu., 2014. Gol'yanskoye kladbishche – pamyatnik novogo vremeni v Srednem Prikamye [Golyanskoe cemetery – a modern time archaeological site in the middle Kama region]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Izd-vo Magellan, pp. 40–47. (in Russ.)
14. Peretts, V.N., 1933. O nekotorykh osnovaniyakh dlya datirovki drevnerusskogo mednogo lit'ya [On some grounds for the dating of Old Russian copper casting]. Leningrad: Izdatelstvo GAIMK. (in Russ.)
15. Savina, L.N., 1993. K istorii proizvodstva i bytovaniya mednogo khudozhestvennogo lit'ya v XIX – nachale XX veka [To the history of production and use of copper art castings in the XIXth – early XXth century], *Russkoe mednoe lit'ye. Vyp. 2*. Moskva: Sol Sistem, pp. 48–55. (in Russ.)
16. Salnikova, I.V., 2016. Rezultaty statisticheskogo analiza khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya kolleksii mednolitoi plastiki [The results of statistical analysis of chemical and technological study of the copper-cast items collection], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 15, no. 7, pp. 39–48. (in Russ.)
17. Salnikova, I.V., 2016. Elementnyi analiz pravoslavnogo mednogo khudozhestvennogo lit'ya kak sposob khimiko-tekhnologicheskoy atributsii [Elemental analysis of Orthodox copper art castings as a method of chemical and technological attribution], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 15, no. 5, pp. 50–69. (in Russ.)
18. Skobelev, S.G., 1995. Material'naya kul'tura russkikh pervopokhodtsev Yuzhnoi Sibiri v XVIII v. (po opytu arkheologicheskogo izucheniya Sayanskogo ostroga) [The material culture of Russian pioneers in southern Siberia in the XVIIIth century (the case of archaeological study of Fort Sayanskiy)]. In: *Metodika kompleksnykh*

issledovanii kul'tur i narodov Zapadnoi Sibiri. Tomsk, 1995, pp. 170–173. (in Russ.)

19. Skobelev, S.G. and Mandryka, P.V., 1998. O datirovkakh predmetov shirokogo vremennogo diapazona bytovaniya s arkhelogicheskikh pamyatnikov Eniseya russkogo vremeni (Sayanskii ostrog, Aikanskoe gorodishche) [On dating of objects used during a long period of time from archaeological sites of the Yenisei (Fort Sayanskii, Aikanskoe Settlement)]. In: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Yuzhnaya Sibir' v sostave Rossii: problemy, poiski, resheniya», posvyashchennoi 280-letiyu Sayanskogo ostroga. Shushenskoe, 1998, pp. 29–34. (in Russ.)

20. Skobelev, S.G. and Mandryka, P.V., 1999. Problemy khronologii nekotorykh predmetov iz arkhelogicheskikh pamyatnikov Evrazii russkogo vremeni (na materialakh Sayanskogo ostroga i Aikanskogo selishcha) [The problems of chronology of some objects from the archaeological sites of Eurasia of the Russian time (based on the materials of Fort Sayanskii and Aikanskoe Settlement)]. In: Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Vyp. 2. Gorizonty Evrazii. Novosibirsk, 1999, pp. 208–214. (in Russ.)

21. Tataurova, L.V. and Tishkin, A.A., 2018. Rezul'taty rentgenoflyuoretsentnogo analiza predmetov kul'tovogo lit'ya iz kolleksii arkhelogicheskikh pamyatnikov XVII–XVIII vv. russkogo naseleniya Omskogo Priirtys'ya [The results of the X-ray fluorescent analysis of the religious castings from the collections of archaeological sites of the XVII–XVIII centuries of the Russian population of Irtysh region], Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», no. 1, pp. 220–231. (in Russ.)

22. Shemakhanskaya, M.S., 1993. K voprosu o khimiko-tekhnologicheskoi atributsii mednogo khudozhestvennogo lit'ya [On the issue of chemical and technological attribution of copper art castings], Russkoe mednoe lit'ye. Vyp. 2. Moskva: Sol Sistem, pp. 8–10. (in Russ.)

23. Shemakhanskaya, M.S., Dubrovin, A.F., Dubrovin, M.F. and Ravich, I.G., 1996. Issledovanie metalla drevnerusskoi mednolitoi melkoi plastiki kak osnova eyo atributsii [The study of the metal alloy of Old Russian copper-molded small items as the basis of their attribution]. In: Konservatsiya i restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury. Ekspres-informatsiya. Vyp. 5–6. Moskva, 1996, pp. 1–100. (in Russ.)

Л.Н. Хаховская*

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
ЧУКОТСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В 1940-е гг.

В статье рассматриваются социальные и экономические аспекты советской модернизации оленеводства на Чукотке в 1940-е гг. Автор обращает внимание на неравномерность модернизационных подвижек, обусловленную прежде всего внешними факторами. Органы власти стремились в первую очередь реформировать архаичный социальный уклад оленных чукчей. В течение 1940-х гг. эта цель была в основном достигнута. В то же время советская администрация не смогла модернизировать пастушество как сферу экономики и природопользования. Органы центральной и местной власти в этот период оказались не в состоянии выработать рациональную концепцию развития чукотского оленеводства.

Ключевые слова: оленеводство, Чукотка, советская власть, модернизация, колхоз, коллективизация, коренные жители

The soviet modernization of deer breeding in Chukotka in the 1940s.
LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The author discusses the social and economic aspects of the soviet modernization of deer breeding in Chukotka during the 1940s and draws attention to the unevenness of modernization shifts, caused primarily by external factors. The authorities primarily sought to reform the archaic social structure of the reindeer Chukchi. This goal was mainly achieved during the 1940s. However, the Soviet administration was unable to modernize deer breeding as a sphere of the economy and environmental management. The central and local authorities failed to work out an efficient concept for the development of Chukchi deer breeding at this period.

Keywords: deer breeding, Chukotka, Soviet power, modernization, kolkhoz, collectivization, indigenous population

Коренные малочисленные народы Севера в XX в. испытали кардинальные изменения своего жизненного уклада, связанные с социалистическими преобразованиями. Для осмысления трансформаций советского периода в качестве

концептуальной рамки плодотворно используется теория модернизации, которая в общем виде, как одна из аналитических моделей в гуманитарных науках, описывает развитие общества от традиционного, патриархального строя

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2019

к индустриальному и постиндустриальному [5]. Углублением модернизационного подхода является модель парциальной, или частичной модернизации [2, с. 72–83]. Эта модель более точно отражает эволюцию этнолокальных сообществ, так как констатирует множественность путей движения к модерности, в ходе которого на определенных хронологических отрезках формируются переходные сообщества с трансформированным, гибридным социокультурным обликом.

Неравномерность модернизации обусловлена как внутренними факторами, связанными с наследуемыми этнолокальным сообществом структурами и традициями, так и неодинаковой силой внешнего воздействия на различные сферы реформируемого общества. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, каким образом происходило советское преобразование оленеводства на Чукотке в 1940-е гг. Данный период особенно важен и показателен, так как демонстрирует неоднородность изменений в социальной и экономической составляющих советской модернизации чукотского оленеводства. Органы власти, исходя из общеполитической установки, стремились в первую очередь реформировать социальные отношения оленных чукчей, демонтировать архаичный уклад взаимной жесткой зависимости безоленных, малооленных и зажиточных хозяев и, в конечном счете, превратить традиционных оленеводов в коллективистов и аграрных рабочих [7]. Задача же организации эффективного природопользования находилась на втором плане, вследствие чего в рассматриваемый период развитие оленеводства, при всей его значимости и огромной жизнеобеспечивающей роли, не являлось приоритетным для советской администрации.

На начало 1940 г. на Чукотке насчитывалось 407 тыс. голов оленей, из них в Анадырском районе – 151,1 тыс., в Чаунском – 101,8 тыс., в Чукотском – 65,1 тыс., в Восточно-Тундровском – 57,3 тыс., в Марковском – 31,7 тыс. (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 60). В это время Чукотка являлась одним из немногих регионов Советского Союза, где в значительном количестве сохранялись единоличные хозяйства, причем существовали они исключительно в сфере оленеводства, поскольку оседлые жители были полностью коллективизированы.

Организованные в тундре коллективные хозяйства (представленные в виде товариществ

по совместному выпасу оленей), в отличие от береговых колхозов, существовали скорее формально, чем фактически, потому что в новых организационных формах, как правило, воспроизводились прежние методы хозяйствования и личностные взаимоотношения. В большинстве хозяйств отсутствовали обобществленные олени, то есть они, по сути, объединяли единоличников, среди которых продолжала существовать традиционная иерархическая социальная структура. «В таких товариществах маломощные, безоленные и малооленные колхозники часто попадают под эксплуатацию к мощным хозяйствам колхозников, у которых имеется в личном пользовании свыше 300 оленей. Таких товариществ в Чаунском районе 9, в Чукотском 14, в Марковском 3, в Анадырском 4 и в Восточно-Тундровом 2» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 66. Л. 10, 11).

Доля колхозных оленей в округе едва превышала 10% всего поголовья, тогда как доля единоличного сектора достигала 80%, причем половина этого поголовья содержалась в хозяйствах зажиточных оленеводов (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 42. Л. 45). Всего оленеводством на Чукотке занимались 1629 хозяйств, но только 359 из них составляли хозяйства лиц, вошедших в колхозы, а остальные оставались единоличниками. Основная масса оленей находилась в частной собственности, а в колхозах количество обобществленных оленей было намного меньше, чем в личном владении колхозников (Рис. 1).

Следует отметить, что коллективизация в условиях Чукотки имела особенности: здесь не проводилась полная ликвидация хозяйств, признанных кулацкими. Так называемые кулаки могли вступить в колхоз на условиях обобществления определенного количества оленей, пользоваться общими правами колхозников и сохранить часть животных в личном владении. Репрессии против оленеводов («изъятие» из тундры, судебное преследование) наступали в том случае, если они открыто боролись против советской власти. Определенная часть кочевники поэтому шла на добровольное «самораскулачивание», но при этом сохраняла свои привилегии, связанные с обладанием значительным стадом.

Генеральные установки органов власти относительно модернизации чукотского оленеводства в 1940-х гг. состояли в следующих мерах. Во-первых, они были нацелены на продолжение

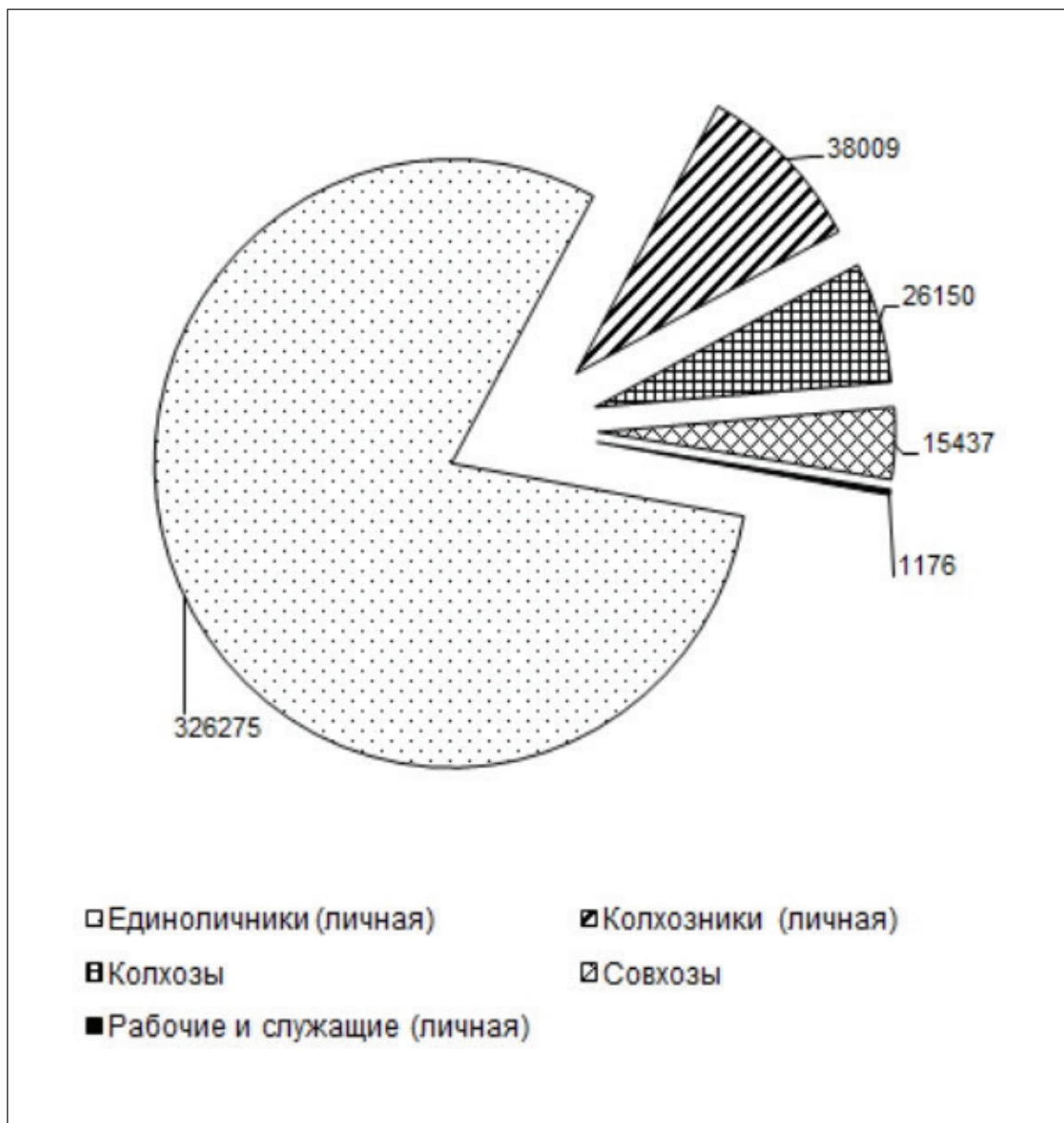

Рис. 1. Структура собственности на оленей в Чукотском национальном округе, голов (на начало 1940 г.).
 Источник: ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 61.

политики социальной инженерии в оленеводческой среде. Речь шла об окончательной ликвидации статусного и имущественного неравенства, в ходе которой советская администрация стремилась получить своего рода «идеальный тип» малооленного хозяина-колхозника, обладавшего некоторым количеством личных оленей, но основные средства к жизни получавшего от работы в колхозе. Такая установка, с одной стороны, вела к продолжению политики «отрыва батрака от кулака» и давления на кочевников, признанных кулаками. С другой стороны, власть стремилась предотвратить полное «обезоленивание» колхозников и сохранить их статус как владельцев небольших личных стад.

Во-вторых, шла профессионально-трудовая перестройка кочевого общества. Изначально органы власти исходили из представления о «перенаселенности тундры», наличия в стойбищах большого числа людей, не принимавших непосредственного участия в выпасе. Считалось, что оленеводческие бригады во вновь созданных колхозах обременены едоками, которым предстояло получить другие профессии. Этих «лишних людей» предстояло переместить на берег, в стационарные селения. В-третьих, была продолжена модернизация оленеводческого хозяйства в части наращивания поголовья, улучшения организации труда, внедрения зооветеринарных методов, налаживания учета и отчетности.

Эти задачи могли быть выполнены только в результате согласованных усилий оленеводов под постоянным контролем со стороны органов власти. Но в 1940-х гг. со всей полнотой выявилась локальная и институциональная разобщенность руководящих работников и тех людей, которые непосредственно работали в тундре. Уполномоченные лица от партийных и советских организаций длительное время проводили в береговых колхозах, мобилизуя население на выполнение планов добычи морских животных и рыбы. Это было необходимо для обеспечения питания коренных оседлых жителей, у которых по-прежнему часто случались голодовки. Кроме того, от наличия достаточного количества рыбы и мяса морских животных в значительной степени зависела добыча пушных зверей, для которых выкладывали привады и приманки. Во время Великой Отечественной войны в колхозах основное внимание уделялось именно добыче пушнины, так как она приносила валютную прибыль.

Напротив, в тундре организационная работа велась слабо. Поэтому в 1940-х гг., особенно в первой половине десятилетия, оленеводы в значительной мере были предоставлены самим себе, хозяйство они продолжали вести в рамках сложившейся традиции. Численность обобществленных животных росла медленными темпами, поскольку для пастухов увеличение их количества теперь, когда олени не принадлежали им лично, не являлось самоцелью. Это была внешняя по отношению к оленеводческим коллективам задача, и контроль за ее выполнением ложился на партийную, хозяйственную и советскую администрацию. Но взаимодействие представителей органов власти с оленеводами осложнялось существованием значительного разрыва между ожиданиями первых и повседневными практиками последних.

Первая половина 1940-х гг. отмечена достаточно мягкими формами вовлечения оленеводов в коллективные хозяйства. В значительной степени здесь действовал геополитический фактор. Военное положение привело к острой нехватке материальных, финансовых и трудовых ресурсов на Чукотке, что снизило актуальность задачи полной ликвидации кулачества. Поэтому руководители округа и районов смотрели сквозь пальцы на натуральный характер оленеводства и архаичные приемы выпаса в коллективных хозяйствах, понимая тщетность попыток вывести отрасль на какие-либо новые

рубежи. Важно также и то, что переживаемые страной трудности в определенной степени примирили аборигенное население с существованием колхозной системы. Патриотический подъем не был пустым звуком для многих коренных жителей Чукотки: здесь успешно прошли три военных займа, население активно участвовало в денежных лотереях, массовый характер приняло пожертвование личных оленей для оснащения Красной армии, изготовление теплых меховых вещей для бойцов.

Незадолго до окончания войны руководство начинает предпринимать серьезные шаги в реформировании чукотского оленеводства. В январе 1944 г. в Анадыре состоялось окружное оленеводческое совещание, на котором советские сотрудники старались донести насущные задачи колхозного строительства непосредственно до пастухов. В оленеводческих бригадах был проведен пересчет животных, стада распределили и закрепили за бригадами с постоянным составом пастухов. Улучшилось снабжение бригад продуктами, что привело к сокращению забоя для личных нужд и позволило колхозникам сохранять своих оленей. В колхозах организовали выдачу натуральной оплаты на трудодень. Эти нововведения сыграли большую роль, так как колхозы становились притягательными прежде всего для малооленных и безоленных пастухов, которые еще работали у единоличников. Кроме того, колхозы округа за 1939–1943 гг. получили от государства ссуды более чем на 1 млн. руб., которые были использованы на приобретение оленей у зажиточных хозяйств (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 192. Л. 16). Такого рода социальные и экономические меры приводили к тому, что крупные хозяева-единоличники утрачивали резерв рабочей силы, размер их стад постепенно уменьшался.

На 1 января 1945 г. из общего количества чукотских оленей, которые составляли примерно 418 тыс. голов, обобществлено было 232 тыс. голов, то есть более половины. В регионе существовало более 30 оленеводческих колхозов, 6 оленесовхозов и 1 подсобное оленеводческое хозяйство Дальстроя. В оленеводстве было занято более 7 тыс. человек, или 50% аборигенного населения (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 218. Л. 88).

Вместе с тем на начало 1945 г. более 40% оленей принадлежало единоличникам. Основная масса единоличников сосредоточилась в трех районах Чукотки – Анадырском, Чукотском и Чаунском. В Анадырском районе насчитывалось

более 420 единоличных хозяйств с 28,5 тыс. животных, которые кочевали в Хатырской, Танюрерской, Майно-Гытхинской и Канчалано-Уэлькальской тундрах, а также в Мухоморненском и Майно-Пыльгинском сельсоветах и по северному берегу залива Креста. В Чукотском районе (Амгуэмская тундра) кочевали более 60 единоличников, у которых «никто никогда не учитывал оленей и не знает их (предполагают, что их не менее 30 тыс. голов)». Значительное количество оленей в единоличном пользовании приходилось на Чаунский район (около 20 тыс. у 52 оленеводов). В Восточно-Тундровском и Марковском районах коллективизация была в основном закончена, там осталось только 14 единоличных хозяйств с 2 тыс. оленей (ГАМО. Ф. П-22. Оп.1. Д. 218. Л. 104).

В середине 1940-х гг. коллективизация шла в основном за счет бедняцких и середняцких хозяйств, тогда как основная масса крупных оленеводов в колхозы не вступала. На начало 1947 г. в Чукотском округе сохранялось 496 единоличных хозяйств, которые выпасали примерно 178 тыс. голов оленей, средняя обеспеченность единоличной семьи достигла 400 голов.

Несмотря на модернизационные усилия советской администрации, 1940-е гг. характеризуются консервацией архаики в сфере оленеводства. Оленеводческие бригады вели прежнее натуральное хозяйство со стихийным выпасом и отсутствием прироста поголовья. Вводимые властями зооветеринарные мероприятия (обработка и лечение животных, племенная работа, выбраковка) пастухи, как правило, саботировали. В социальном плане в ряде колхозов наблюдалось воспроизводство традиционных имущественно-иерархических отношений. Другими словами, для некоторых колхозников мало что изменилось: место прежнего хозяина занял бригадир, более того, иногда это были одни и те же лица. В итоге некоторые коллективизированные хозяйства мало чем отличались от единоличных: колхозники выпасали преимущественно своих личных оленей, продолжали кочевать отдельными семьями, придерживались собственных маршрутов. Из-за того, что в личной собственности некоторых колхозников оставалось значительное количество животных, в бригадах даже сохранялось имущественное расслоение и зависимость, когда бедные колхозники нанимались в услужение к более зажиточным.

Например, члены колхоза «Красный оленевод», кочевавшие в верховьях р. Хатырки (Ана-

дырский район), согласно отчету от 1947 г., вели образ жизни, приближенный к традиционному. Колхозники выпасали своих личных оленей (2630 голов) в 5 стадах и продолжали «кочевать отдельными стойбищами более сродственными». Сохранялось имущественное расслоение и зависимость: «Среди всех колхозников имеются зажиточные хозяйства с поголовьем в личном пользовании 400 и более голов – Тевлят, Сявына, Киргинтограу, Эйгинто и Тынелькут, а отдельные колхозники имеют незначительное количество оленей и для того, чтобы обеспечить семью, они вынуждены опять-таки наниматься пастухами к более зажиточным хозяйствам, или же вынуждены терпеть некоторые лишения и недоедания» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 312. Л. 39).

Лишения, которые претерпевали малоимущие колхозники, были вызваны различными причинами – общей хозяйственной дезорганизацией, отсутствием надлежащего учета, снабжения, злоупотреблениями руководителей хозяйств. Настоящим бедствием для колхозников-тундровиков стал недостаток кожи морских животных: «В колхозах ежегодно не хватает подошвы из лахтака, для подошвы употребляют щетки оленя, которые размокают и повседневно весной и летом ноги пастухов мокрые, пастухи простывают, заболевают ревматизмом. <...> без подошвы физически невозможно выпастить поголовье оленей в летний и осенний периоды» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 337. Л. 7). Оленеводы-колхозники не могли, как прежде, выменивать жизненно необходимые им вещи у морских зверобоев, а государственная торговая сеть никак не могла наладить заготовку и доставку их в тундру. Единоличники же, ведя самостоятельный обмен с береговыми жителями, находились в более благоприятном положении, что служило основанием для демонстрации своего преимущества сородичам: «Единоличники на почве этого дезорганизуют дисциплину в бригадах колхоза и держат козырь перед колхозниками о том, что “у вас нет подошвы и ремня, а у нас сколько угодно”» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 337. Л. 60).

Таким образом, существовавший способ ведения хозяйства вступил в противоречие с принципами, на которых должен был быть основан аграрный сектор социалистической экономики. Дальнейшая модернизация оленеводческих хозяйств Чукотки шла по пути настойчивого, но далеко не всегда эффективного изживания

тех черт традиционного природопользования, которые были связаны с экстенсивностью, архаичностью, застоём. В течение десятилетия неоднократно проводились слияния «бесперспективных в своем развитии» колхозов и товариществ с более крупными.

В конце 1940-х гг. на Чукотке возобновилось «наступление на кулака». Единоличников вынуждали вступать в колхозы различными мерами, в том числе путем обложения их хозяйств повышенной ставкой сельскохозяйственного налога. В итоге в колхозы была вовлечена основная масса чукотских оленеводов и произошло перераспределение поголовья в пользу колхозов (Рис. 2). Эти акции сопровождалось ростом социальной напряженности, в ряде местностей Чукотки прошли выступления кочевников, направленные против насаждения колхозной системы. Одним из таких выступлений было так называемое Березовское восстание 1949 г., которое в значительной мере было вызвано про-

тивостоянием между руководителями колхоза, «старыми» колхозниками и вновь вошедшей в колхоз вилюнейской группой единоличников [3, с. 131; 4, с. 88].

Темпы прироста общественного поголовья, достигнутые в 1940-х гг. в основном за счет принудительной коллективизации, к концу этого десятилетия резко замедлились из-за того, что вновь созданным хозяйствам не удавалось обеспечить стабильную работу. Чукотское оленеводство переживало трудности, обусловленные попытками модернизации отрасли без достаточного организационного, кадрового и материального обеспечения. Руководители ряда хозяйств, не имея возможности рационально организовать труд пастухов в изменившихся социально-экономических условиях, первоочередное внимание стали уделять развитию тех производств, которые давали быструю финансовую отдачу. Документально зафиксировано, например, что в колхозах «Имени Сталина»,

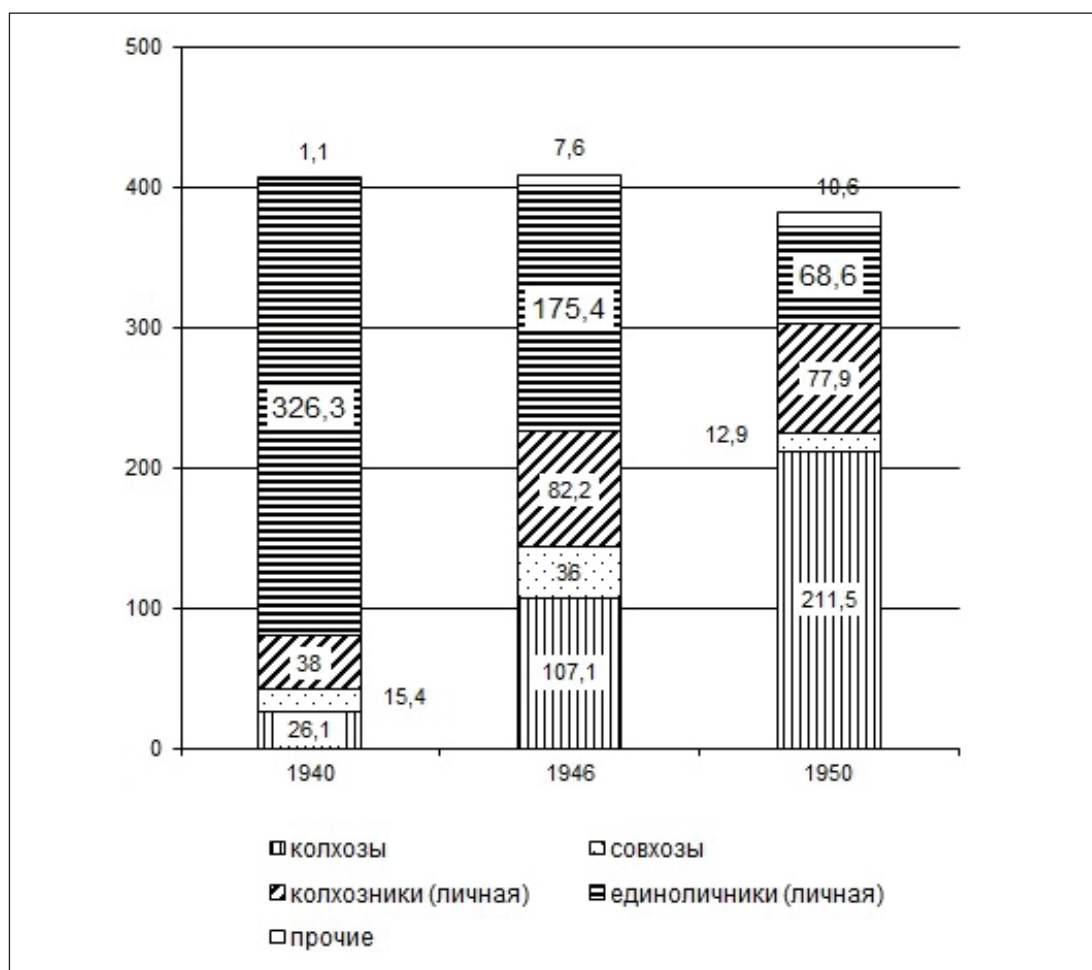

Рис. 2. Динамика структуры собственности на оленей в Чукотском национальном округе, тыс. голов (на начало года).

Источник: ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 576. Л. 32; Д. 235. Л. 9.

«Маяк Севера» (Анадырский район) «оленоводческое хозяйство находится в загоне, основное стремление – к организации рыболовства», в колхозе «Углятк» «все свое внимание обратили на морской зверобойный промысел» (ГАМО. Ф. П-612. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Оленеводство же как в этих, так и в большинстве других хозяйствах, в значительной мере было пущено на самотек.

Развитие оленеводства контролировалось слабо, поэтому пастушеские коллективы, в управлении которых находилось общественное стадо, не были мотивированы на сохранение и приумножение поголовья. По существу, они не несли ответственности ни за высокие непроизводительные потери, ни за сверхнормативный забой на питание. Кроме того, большим испытанием для пастухов стала смена ритма трудовой деятельности, которая заключалась в переходе от сезонных колебаний загруженности пастушеством к постоянному окарауливанию стада постоянным же составом бригад. Люди, воспитанные в качественно иной культуре, далеко не сразу сумели адаптироваться к этим требованиям, предъявляемым плановой экономикой. Например, в 1948 г. из 832 трудоспособных колхозников Анадырского района минимум трудодней выработали только 266 чел., в 1949 г. из 914 – 307 чел. (ГАМО. Ф. П-612. Оп. 1. Д. 14. Л. 5).

Повседневная жизнь и оленеводов-колхозников, и единоличников по-прежнему оставалась замкнутой в рамках полунатурального хозяйства. Товарное снабжение кочевников глубинной тундры было скудным. «Неудовлетворительно работает торговая сеть. Хлеб, сухари, сушки, чайная посуда, тарелки, чайники, материал ярких расцветок на камлейки, табак почти не доходят до кочевого оленеводческого населения. Тарелки, чайная посуда в некоторых оленеводческих бригадах представляют музейную редкость. Во многих бригадах в 8–10 человек имеется 1 тарелка, 1 кружка. Медные чайники, которые только и пригодны в тундре, насчитываются единицами. В глубокой тундре за 100 грамм табака кочевники предлагают оленя» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 228. Л. 9).

К началу 1950-х гг. коллективизация тундрового населения была в основном завершена. На территории Чукотского национального округа действовали 65 колхозов, из них 52 занимались оленеводством. Численность общественных животных в них достигла 185,8 тыс.,

что составляло 46,6% всего поголовья округа. В личной собственности колхозников оставалось 19,1% чукотского стада, у единоличников – 25,7%¹ [6, с. 12]. На Чукотке еще сохранялось 165 единоличных хозяйств, и это были наиболее зажиточные оленеводческие семьи, так как их обеспеченность оленями составляла примерно 620 голов на домохозяйство. Основная масса единоличников кочевала в «хребтах гор Осиновской, Танюрерской, Канчаланской и Амгуэмской тундр» (Анадырский и Чукотский районы).

В экономическом, социальном, организационном плане коллективные оленеводческие хозяйства были весьма слабыми. По мнению некоторых исследователей, к началу 1950-х гг. в ряде районов Чукотки оленеводство пришло в упадок, что было следствием незадолго до того проведенной коллективизации [1, с. 6–14]. Дело заключалось не только в принудительном обобществлении животных, но и в отсутствии финансовых, материальных и кадровых ресурсов во вновь организованных коллективных хозяйствах. В целом реформированию социальных форм и традиционного уклада не предшествовало создание материально-технической базы хозяйств, она обустроивалась уже «в ходе самого процесса» [3, с. 162].

В этот период в оленеводческой отрасли сохранялся целый ряд традиционных черт хозяйствования, поскольку намеченная органами власти программа модернизация труда и быта кочевников оказалась трудновыполнимой. Плохо обстояло дело со снабжением пастухов продуктами первой необходимости, сахаром, чаем, медикаментами. Колхозы из-за транспортных трудностей не в состоянии были обеспечивать кочевников даже имеющимися на центральной усадьбе товарами. Пищевой рацион по-прежнему базировался на преимущественном употреблении оленьего мяса, забой на питание оставался высоким, что вызывало озабоченность советских руководителей (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 4, 11).

Источник и структура роста оленьих стад характеризуют экстенсивный характер развития: основной прирост общественного поголовья округа достигался за счет покупки оленей и обобществления стад единоличников, вступивших в колхозы. Прирост же за счет общественного воспроизводства, то есть на основе

¹ Остальное поголовье находилось в оленеводческих совхозах и подсобных хозяйствах.

собственных колхозных стад, составлял только 9,8% (около 20,5 тыс. голов) ежегодно. Далее, анализ роста общественного поголовья, полученного за счет расширенного воспроизводства, показал, что в ряде районов Чукотки он был достигнут не путем успешной борьбы за сохранение поголовья и выращивания молодняка, а в результате максимального сокращения ветеринарной и зоотехнической выбраковки оленей. Пастухам, конечно, было хорошо известно, что отсутствие выбраковки приводит к засорению стада слабыми и малопродуктивными животными, что, в свою очередь, повышает непродуцируемые отходы по всему стаду. Тем не менее, работа по выбраковке проводилась слабо, или вовсе не проводилась, что объясняется как объективными трудностями, так и субъективными причинами – стремлением любой ценой выполнить формальные показатели по численности поголовья.

К началу 1950-х гг. на Чукотке основное поголовье оленей было аккумулировано в социалистическом секторе. В силу этого оленеводство становилось основной отраслью аграрного производства, что позволило советской администрации рассматривать его в качестве главного рычага по поднятию экономики края. Однако органы власти констатировали слабую организацию пастушества, крайне медленный рост оленепоголовья в округе (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). В этот период, осознавая важность оленеводства, руководство округа тем не менее не могло выработать рациональных основ его развития. Признавалось, что «олeneводческое хозяйство остается самой отсталой отраслью хозяйства как по технике выпаса, так и по структуре [стада], в результате чего является малотоварной и низкодоходной отраслью» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 66. Л. 4); «Оленеводство остается темным. Все мы прекрасно знаем, что оно существует, что оно выражается в больших цифрах, а принцип его развития, использование его как дохода в экономике округа [неясен]. <...> Оленеводство остается в полудиком состоянии» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 56, 57).

Таким образом, в рассмотренное время основные модернизационные усилия советской власти в сфере оленеводства были направлены на социальное преобразование традиционного чукотского общества, в котором все еще сохранялись элементы патриархального уклада и крупной частной собственности. 1940-е гг. стали десятилетием, когда в основном состо-

ялся переход от иерархической структуры, основанной на имущественном расслоении оленеводов, к системе уравнительных отношений одинаковой зависимости пастухов от государства, которая была реализована в коллективных хозяйствах. Вместе с тем, модернизация оленеводства как экономической сферы только начиналась и в этот период была крайне слабой и малоэффективной. В центре внимания советской администрации находился контроль над развитием других традиционных отраслей, которые давали более быструю экономическую отдачу (пушной промысел) или же напрямую были связаны с выживанием коренного населения (морской зверобойный промысел). Органы власти не имели четкой концепции развития чукотского оленеводства и не обладали полной и достоверной информацией о его текущем состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацаев И.Д. Агрпромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (этапы развития, особенности, эффективность). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001.
2. Волков Л.Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. М.: ИНИОН, 1985. С. 25–93.
3. Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1981.
4. Нувано В.Н. Трагедия в селах Березово и Ваеги: 1940, 1949 // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. С. 85–90.
5. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
6. Устинов В.И. Оленеводство на Чукотке. Магадан: Кн. изд-во, 1956.
7. Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.

REFERENCES

1. Batsaev, I.D., 2001. Agropromyshlennyi kompleks Severo-Vostoka Rossii 1954–1991 gg. (etapy razvitiya, osobennosti, effektivnost')

[Agro-industries of the North-East of Russia in 1954–1991: stages of development, features, effectiveness]. Magadan: Izdatel'stvo SVKNII DVO RAN. (in Russ.)

2. Volkov, L.B., 1985. Teoriya modernizatsii – peresmotr liberal'nykh vzglyadov na obshchestvenno-politicheskoe razvitiye [Modernization theory – revision of liberal views of socio-political development]. In: Kriticheskii analiz burzhuaznykh teorii modernizatsii. Moskva: INION, pp. 25–93. (in Russ.)

3. Garusov, I.S., 1981. Sotsialisticheskoe pereustroistvo sel'skogo i promyslovogo khozyaistva Chukotki (1917–1952 gg.) [Socialist reorganization of Chukotka's agriculture and crafts, 1917–1952]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

4. Nuvano, V.N., 2008. Tragediya v syolakh Berezovo i Vaegi: 1940, 1949 [The tragedy in Beryozovo and Vaegi villages (1940, 1949)]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye

materialy. Moskva: Institut Naslediya – GEOSS, pp. 85–90. (in Russ.)

5. Poberezhnikov, I.V., 2006. Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Ustinov, V.I., 1956. Olenevodstvo na Chukotke [Deer breeding in Chukotka]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

7. Khakhovskaya, L.N., 2011. Sovetskaya modernizatsiya olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyr'skogo raiona Chukotki) [The Soviet modernization of deer breeding in remote northern regions (the case of the Anadyr Region of Chukotka)], Etnograficheskoe obozrenie, no. 6, pp. 112–127. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 947.084:356.132(571.6) «1939/1945»
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3/61-68

Б.Б. Кондратенко*

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ПОГРАНИЧНЫМ ВОЙСКАМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1939–1945 гг.

На основе архивных материалов в статье выявлена численность добровольческих формирований Хабаровского пограничного округа НКВД СССР и определены основные задачи, выполняемые силами содействия на восточных рубежах страны в 1939–1945 гг. Автор резюмирует, что силы содействия на Дальнем Востоке СССР оказывали помощь в охране дальневосточной границы, вели оперативное наблюдение, принимали участие в регулярных рейдовых мероприятиях, направленных на выявление лиц, незаконно находящихся на приграничной территории, привлекались для охраны границы в качестве проводников, наблюдателей. Применение сил содействия позволило увеличить плотность охраны границы и снизить нагрузку на личный состав погранвойск.

Ключевые слова: пограничные войска, охрана границы, добровольцы, Дальний Восток, Великая Отечественная война

The voluntary help to the border troops in the Soviet Far East, 1939–1945.
BORIS B. KONDRATENKO (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Based on archival materials, the article identifies the number of volunteer units of the Khabarovsk border district of the USSR and the main tasks they performed on the eastern borders of the country in 1939–1945. The author summarizes that in the Soviet Far East the units participated in the border security as guides and observers, patrolled border zones, and took part in regular raids aimed at identifying persons illegally residing in the border areas. The use of volunteer units in that period enabled the state to increase border security and to reduce the burden on the border troops.

Keywords: border troops, border security, volunteers, Soviet Far East, Great Patriotic War

Вопросы привлечения жителей приграничья к обеспечению безопасности государственной границы на Дальнем Востоке СССР не получили в отечественной историографии достаточного освещения. В коллективных исследованиях по истории пограничных войск Советского Союза

---

* КОНДРАТЕНКО Борис Борисович, старший лаборант отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: kpe.kob@mail.ru

© Кондратенко Б.Б., 2019

приведена информация об участии населения СССР в охране границы на различных ее участках в годы Великой Отечественной войны, дан обзор использования сил содействия в западных пограничных округах [3; 10]. К.Ф. Белоусов рассмотрел первый опыт создания добровольных групп содействия пограничной охране в Карельской республике в 1928 г., проанализировал региональное законодательство и указания партии по данному вопросу [1]. В.В. Костиним показан процесс создания сил содействия пограничным органам в масштабах Советского Союза, исследованы изменения нормативно-правовой базы, которая регулировала процесс привлечения добровольцев к содействию пограничным войскам, а также деятельность добровольцев в годы Великой Отечественной войны по охране тыла армий и фронтов в западной части СССР [4]. Однако применение сил добровольцев для охраны восточных рубежей страны, в том числе в военные годы, в исследовательской литературе рассматривается фрагментарно [2; 5; 6; 7]. Лишь в работах В.В. Шахваростова исследуется взаимодействие населения Дальнего Востока и пограничных подразделений, участие партийных органов в регулировании отношений между силами содействия и пограничными войсками, оценивается значимость использования местного населения в обеспечении безопасности границы в условиях нарастающей внешней угрозы [11; 12; 13].

До 1922 г. граница на Дальнем Востоке практически не охранялась, за ее безопасность отвечал пограничный комиссар, который в своей деятельности опирался на приграничное население. В отсутствие регулярной охраны беспрепятственно осуществлялись переходы границы агентами иностранных государств, торговцами, контрабандистами. После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке и включения этой территории в состав РСФСР обозначились проблемы обеспечения ее безопасности. Дальневосточная граница имела протяженную мало охраняемую пограничную полосу со смешанным рельефом местности, и пограничные войска не имели возможности самостоятельно остановить натиск контрабандной торговли и иностранных разведок.

В 1921 г. в инструкции «Об управлении охраной границ РСФСР» было отражено участие местного населения в обеспечении безопасности государственной границы. Данный вопрос был урегулирован в «Положении об отдельном пограничном корпусе войск ГПУ» в 1922 г. и во

временном уставе службы пограничной охраны ОГПУ в 1924 г. [7, с. 148–150].

В апреле 1925 г. на совещании начальников пограничных отрядов ОГПУ Ф.Э. Дзержинский поднял вопрос о низком уровне взаимодействия пограничников линейных подразделений и местного приграничного населения. На собрании Высшей пограничной школы он подчеркнул, что пограничники должны организовать работу с местным населением, найти активистов, сотрудничать с пограничными заставами и комендатурами [3, с. 64; 10, с. 79].

Летом 1928 г. добровольные группы содействия были организованы в республике Карелия. Карельский обком ВКП(б) разработал «Инструкцию о создании добровольных групп содействия пограничной охране ГПУ АКССР». Инструкция регулировала порядок привлечения граждан для охраны границы в данном регионе, определяла основные функции добровольных объединений и круг выполняемых ими задач. В приграничных районах Карелии создавались первые группы содействия, которые выполняли функции борьбы со шпионажем и регулярно повторяющимися нарушениями на участке государственной границы СССР в Карельской республике, а также занимались контрразведывательной деятельностью [1, с. 150].

Начало повсеместному формированию сил содействия пограничным войскам СССР было положено 9 мая 1931 г. с принятием «Инструкции о порядке привлечения местного населения пограничной полосы к охране государственной границы СССР». В приграничных населенных пунктах, а также в колхозах, совхозах, машинотракторных станциях организовывались группы самообороны на добровольной основе из числа активных жителей. Данные формирования стали называться «силами содействия» и организовывались в бригады и группы содействия. Подразделения носили вспомогательный характер и не подменяли основные соединения пограничных войск по охране государственной границы: добровольцы не выходили в дозорные и сторожевые наряды, не вели агентурную и разведывательную деятельность. В пограничной полосе силы содействия являлись объединениями самообороны от диверсионных и бандитских отрядов.

На Дальнем Востоке при организации групп содействия местного населения пограничным войскам возникли сложности. Формирование инфраструктуры пограничных войск проходило на малозаселенной территории, и создать до-

бровольческие соединения в начале 1930-х гг. было практически невозможно. Проблему удалось решить путем заселения малообжитых приграничных территорий уволенными в запас бывшими военнослужащими Красной армии. В результате в приграничье Дальнего Востока прибыло не менее 14 тыс. чел., появились людские ресурсы, из которых стали формироваться добровольческие соединения.

Участие местного населения в охране государственной границы способствовало увеличению плотности охраны подступов к государственной границе. С помощью добровольцев с 1936 по 1939 гг. было задержано 1008 нарушителей [13, с. 77–79].

В 1939 г. в системе органов государственной безопасности произошли изменения, было образовано Главное управление пограничных войск (ГУПВ НКВД СССР), произошло укрупнение пограничных войск, образовались новые пограничные округа, в связи с чем обозначилась проблема кадрового дефицита. Командование пограничных войск решило компенсировать нехватку кадров за счет привлечения добровольцев. В результате в штабе ГУПВ НКВД СССР был проанализирован опыт применения сил содействия и выявлено, что существующие на 1939 г. инструкции и правила использования добровольческих формирований недостаточно проработаны. На основании приказа НКВД № 082 от 11 апреля 1939 г. была введена «Инструкции о порядке привлечения местного населения пограничной полосы к охране государственной границы СССР», где определялись задачи и порядок организации добровольных объединений в бригады и группы содействия (Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, далее – ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 40). Бригада содействия – это крупное объединение добровольцев, которое формировалось при пограничных отрядах и комендатурах, где плотность населения была выше. Группы содействия являлись малочисленными объединениями активистов и организовывались при линейных пограничных заставах.

В 1939 г. добровольческие соединения были организованы не на всех участках границы Хабаровского округа ГУПВ НКВД СССР. Их численность составляла 1925 чел. Несмотря на увеличение численности личного состава сил содействия в 1940 г. количество бригад содействия сократилось на 59 соединений. Причины сокращения связаны с выселением неблагона-

дежных лиц, которые выявлялись регулярными проверочными мероприятиями. Небольшая часть исключалась из состава сил содействия по болезни. В результате сократилось и количество бригад, взамен произошло увеличение групп содействия с 166 до 268. Этому способствовало рассредоточение добровольческих формирований по линейному признаку. В связи с малочисленностью местного населения в приграничье собирать крупные формирования не представлялось возможным (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 62). Силы содействия стали организовываться в более мелкие подразделения и выполнять конкретные задачи.

К началу Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке завершается процесс формирования сил содействия пограничным войскам. Силы содействия были представлены во всех населенных пунктах приграничья Хабаровского округа (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 61). Функции сил содействия ограничивались инструкциями и требованиями. Их участников обучали основам пограничной службы, организовывали по территориальному признаку и приписывали к резервам линейных пограничных подразделений (пограничной заставе и комендатуре) [11, с. 169].

После начала Великой Отечественной войны действующая инструкция от 11 апреля 1939 г. перестала учитывать изменившиеся условия приграничной местности. Мужское население мобилизовали, и в приграничье остались в основном женщины и подростки, которых на основании инструкции от 11 апреля 1939 г. нельзя было привлекать для охраны государственных рубежей СССР.

В годы Великой Отечественной войны в составе сил содействия происходили постоянные изменения. В 1941 г. количество лиц, входивших в состав сил содействия, сократилось на 839 чел. (или 18%), что было связано с мобилизацией мужского населения в ряды Красной армии. Убывшее мужское население стремились заменить женским. Эту проблему решали начальники пограничных отрядов, комендатур и застав (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

Женское население обучали основам пограничной службы. Для этого освобождали от основной деятельности специалистов, имевших опыт пограничной службы. Обучение обновленного состава представлялось возможным только зимой, когда привлекались резервы для охраны границы из речных дивизионов пограничных войск.

Численность сил содействия пограничным отрядам Хабаровского пограничного округа

дата	показатель	Пограничные отряды									Всего
		78 Кумарский	56 Благовещенский	75 Иннокентьевский	76 Екатерино-Никольский	63 Ленинский	70 Казакевичевский	77 Бикинский	52 Сахалинский (морской)	65 Николаевский (морской)	
1 января 1941 г.	бригады содействия, ед.	15	14	15	2	2	н/с	24	19	24	115
	группы содействия, ед.	2	23	20	31	19	14	31	45	н/с	185
	состав, чел.	223	256	410	463	148	139	400	842	107	2988
1 января 1942 г.	бригады содействия, ед.	1	3	3	5	2	9	22	34	н/с	79
	группы содействия, ед.	16	28	24	21	19	4	7	34	58	211
	состав, чел.	151	277	238	124	157	124	315	575	129	2154
1 января 1943 г.	бригады содействия, ед.	1	3	3	4	н/с	9	19	12	1	52
	группы содействия, ед.	16	29	24	24	16	4	22	48	46	229
	состав, чел.	182	254	165	266	131	170	295	653	398	2514
1 января 1944 г.	бригады содействия, ед.	15	16	5	20	4	16	25	9	1	111
	группы содействия, ед.	н/с	17	25	17	22	8	38	60	35	222
	состав, чел.	457	397	286	399	223	238	460	672	404	3563
1 января 1945 г.	бригады содействия, ед.	22	10	4	15	22	н/с	20	12	1	120
	группы содействия, ед.	н/с	42	25	19	6	н/с	18	53	71	242
	состав, чел.	563	578	311	394	303	н/с	352	812	724	4234
1 июля 1945 г.	бригады содействия, ед.	22	10	4	15	33	н/с	20	12	1	120
	группы содействия, ед.	7	4	33	19	8	н/с	24	53	71	272
	состав, чел.	707	585	400	434	317	н/с	397	812	640	4659

Источник: ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 40; Д. 176. Л. 61; Д. 177. Л. 11, 81, 120, 126.

В 1942 г. в связи с мобилизацией вновь произошло сокращение численности бригад содействия на 456 чел. (табл. 1). Пополнение происходило в основном за счет женщин: в составе сил содействия в Хабаровском пограничном округе числилось 622 женщины, что составляло 24,7% от общего состава бригад содействия. Помощь пограничным войскам бригады и группы содействия оказывали в период полевого сезона, уборки снега, выполняли работы оборонительного назначения в пределах приграничной полосы, осуществляли охрану колхозного и государственного имущества, которое находилось в приграничье (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 81). Помимо этого добровольцы несли службу по охране границы с отрывом от производства.

В 1943 г., после анализа обстановки на участках региональных управлений пограничных войск НКВД СССР, была принята расширенная инструкция «О порядке привлечения местного населения пограничной полосы для помощи в охране государственной границы СССР». Она разрешила привлекать способных жителей приграничья к охране государственной границы СССР, особое внимание уделялось профильным специалистам – лесникам, лесорубам, паромщикам, пасечникам и др. [12, с. 170]. Они хорошо знали особенности местности, жителей, проходы и тропы, по которым пробирались нарушители. Эти лица выполняли роль наблюдателей и докладывали начальникам пограничных подразделений обстановку. Состав бригад и групп содействия Хабаровского округа увеличился на 1022 чел. Пополнение бригад осуществлялось в основном за счет женщин и молодежи, в исключительных случаях привлекались подростки, достигшие 16 лет.

В 1944 г. в округе были проведены проверочные мероприятия, в результате которых из состава сил содействия на участках 78-го Кумарского, 56-го Благовещенского, 76-го Екатерино-Никольского, 63-го Ленинского, 70-го Казакевичевского пограничных отрядов за пассивность было исключено 224 чел. Взамен выбывших в состав добровольных соединений были приняты фронтовики, прибывшие в приграничье. В результате численность подразделений содействия увеличилась по сравнению с 1943 г. на 661 чел. и составляла 4295 чел.¹ (ЦПА

¹ Фактическая численность сил содействия была доведена до средней численности одного пограничного отряда.

ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 41) (табл. 1). При этом личному составу пограничных войск не было необходимости проводить разъяснительные мероприятия о правилах нахождения в пограничной зоне и пользования коммуникациями.

За первое полугодие 1945 г. было создано 9 бригад и 30 групп содействия, общая численность сил содействия по сравнению с 1944 г. увеличилась на 425 чел. за счет привлечения женщин и молодежи, проживавших в приграничной полосе. Формирование подразделений сил содействия произошло на важнейших оперативных направлениях: это участки 78-го Кумарского, 76-го Екатерино-Никольского, 77-го Бикинского, 52-го Сахалинского (морского) пограничных отрядов. Улучшилась подготовка членов бригад содействия, а также социально-политическая работа с добровольными формированиями (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Д. 178. Оп. 1. Л. 120, 121).

В Приморском пограничном округе численность бригад содействия в 1941 г. составляла 4973 чел., к 1944 г. состав сил содействия увеличился на 1079 чел. [5, с. 469], что соответствовало численности пограничного отряда.

Членов бригад содействия привлекали для разведки тыловых участков границы, выявления нарушителей пограничного режима, для поиска нелегальных лиц, скрывшихся в глубине приграничной территории, в качестве проводников пограничных нарядов, имевших небольшой срок службы на границе и плохо знавших местность, наблюдения за работниками колхозов в период проведения хозяйственных работ вблизи линии государственной границы СССР (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 40). Обеспечение безопасности населенных пунктов, находившихся в непосредственной близости от государственной границы, входило в сферу ответственности пограничных войск.

Силы содействия более активно стали применяться на охране рубежей. На временных пограничных заставах и постах добровольцы исполняли обязанности пограничников, выступали в качестве наблюдателей за определенным участком границы [8, с. 79].

Регулярно проводились рейдовые мероприятия, направленные на выявление потенциальных угроз национальной безопасности, мероприятия по высылке из приграничной полосы сомнительных элементов. Эти профилактические действия пограничники проводили

совместно с сотрудниками милиции, сельских советов и добровольцами сил содействия (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

С 1943 г. силы содействия совместно с органами милиции и военной контрразведкой контролировали подступы к границе, проводили проверку паспортов у местного населения, выявляли нарушителей пограничного режима и государственной границы СССР. За 1943 г. силы содействия задержали 33 нарушителя границы. В этом же году на основании директивы ГУПВ НКВД СССР №18/8758 от 1942 г. на участке Хабаровского округа в составе сил содействия была создана служба ночных сторожей, основной задачей которой стало ведение оперативного наблюдения и учета в ночное время суток в населенных пунктах, расположенных вблизи линии государственной границы. Всего в ведении службы ночных сторожей находилось 167 населенных пунктов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 11, 12).

В 1944 г. улучшилась подготовка членов бригад содействия, добровольцы задержали 247 нарушителей границы, что составило 12,5% от всего числа задержанных. В 1945 г. подразделения сил содействия пресекли 15,4% нарушений границы, задержали 10,2% нарушителей от общего числа задержанных лиц. Добровольцы также выполняли работу, которая обычно предназначалась для специально подготовленных сотрудников органов военной контрразведки «СМЕРШ». В частности, 16 февраля 1945 г. членами бригад содействия Сычевским и Кирьяновым на участке пограничной заставы «Головино», а также 28 марта 1945 г. на участке заставы «Степановка», которые входили в состав сил содействия Ленинского (Биробиджанского) пограничного отряда, были задержаны хорошо подготовленные агенты японской разведки (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 43, 120, 122).

Работу сил содействия контролировали комсомольские и партийные организации пограничных войск. Руководители штабов территориальных подразделений сил содействия принимали участие в регулярных региональных комсомольских конференциях. Они участвовали в планировании служебных задач пограничных войск по организации работы с местным приграничным населением, освещали обстановку в приграничье, представляли ситуацию на сопредельной территории. На совещаниях обсуждались проблемы обучения доброволь-

цев первичным навыкам пограничной службы, поощрения населения за участие в помощи пограничным войскам и другие вопросы, связанные с деятельностью сил содействия. Внимание уделялось вопросам взаимодействия местного населения, пограничных войск, военной контрразведки «СМЕРШ» и органов милиции. Силы содействия служили связующим звеном между ведомствами, выполняли совместно поставленные задачи по обеспечению общественной и государственной безопасности в приграничных районах Дальнего Востока (Российский государственный военный архив, далее – РГВА. Ф. 40926. Оп. 1. Д. 465. Л. 70, 71).

Система поощрения участников сил содействия разрабатывалась округом, линейными и узловыми подразделениями пограничных войск. Руководители пограничных подразделений при планировании награждения особо отличившихся добровольцев исходили из бюджета, который был в распоряжении начальников пограничных отрядов. Отдельно средства на финансирование бригад содействия не выделялись. Вместо финансовой поддержки руководители пограничных подразделений использовали памятные подарки и совместно с руководителями сельскохозяйственных объединений разработали систему льгот для членов сил содействия.

В 1942 г. на финансирование бригад и групп содействия было выделено 1600 руб., которые были потрачены на премирование отдельных лиц, отличившихся в несении службы. Денежные премии получил 21 чел., 6 чел. получили наградные часы от командования округа, 24 чел. – благодарность за службу. Всего был поощрен 51 чел. (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 82). В 1943 г. за активную помощь пограничным войскам Хабаровского округа члены сил содействия были представлены к награждению и поощрению: 3 чел. – охотничьими ружьями, 1 чел. – именными часами, 17 чел. – грамотами и благодарностями, 8 чел. – денежными премиями, 9 чел. была объявлена благодарность от Главного управления пограничных войск НКВД СССР. За 1944 г. 26 членов сил содействия были поощрены денежной премией и благодарностью от командования округа и начальников пограничных отрядов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 44).

Добровольные организации содействия пограничным войскам испытывали в своей деятельности и некоторые трудности. Так, руко-

водство пограничных отрядов и комендатур недостаточно активно вело работу по подбору личного состава сил содействия, переложив данную функцию на начальников пограничных застав. Работа сил содействия слабо поощрялась и стимулировалась. Планирование работы подразделений содействия не соответствовало их реальным возможностям: подчас перед ними ставились задачи, которые не могли быть выполнены личным составом сил содействия.

Тем не менее, добровольные организации, сформированные в приграничных населенных пунктах, оказывали реальную помощь пограничникам. Работа сил содействия разгружала пограничные подразделения, за счет добровольцев компенсировался недостаток личного состава пограничных войск. Силы содействия контролировали подступы к границе, служили связующим звеном между соединениями Дальневосточного фронта Красной армии. Привлечение населения, проживающего в дальневосточном приграничье СССР, к охране рубежей страны в годы Великой Отечественной войны показало значимость небольших населенных пунктов в обеспечении безопасности государственной границы Советского Союза. Каждый житель приграничья решал важную стратегическую задачу по удержанию территории, и выражение «границу охраняет весь народ» было подкреплено делами добровольцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов К.Ф. «Границу охраняет весь народ»: первый опыт – создание добровольных групп содействия пограничной охране в Карелии (лето 1928 года) // Сборник докладов VI международной научной конференции «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности», посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 1–3 июня 2015 г. Петрозаводск, 2016. С. 149–154.
2. Боярский В.И. и др. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М.: Граница, 2000.
3. Иванов В.С. и др. Часовые советских границ. Очерк истории пограничных войск СССР. М.: 1984.
4. Костин А.А. Участие населения приграничных районов СССР в охране государственной границы (1931–1991 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 2012.

5. Маслов К.Н. и др. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). М.: Граница, 2008.

6. Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне Советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993.

7. Симаков Г.Н. и др. Пограничная служба России: энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. М.: Военная книга, 2009.

8. Смирнов А.Г. Легендарный Гродековский. 80 лет Краснознаменному ордена Кутузова Гродековскому пограничному отряду. 1922–2002. Владивосток: Русский Остров, 2002.

9. Терещенко В.В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 181–187.

10. Чугунов А.И. Граница накануне войны. М.: Воениздат, 1985.

11. Шахворостов В.В. Участие местного населения Дальнего Востока в охране государственной границы (1922–1941 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2011.

12. Шахворостов В.В. Роль местного населения в обеспечении неприкосновенности дальневосточных рубежей в годы Великой Отечественной войны // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 168–172.

13. Шахворостов В.В. Роль местного населения в укреплении Дальневосточных рубежей (1922–1941 гг.) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 3. Ч. II. С. 76–79.

REFERENCES

1. Belousov, K.F., 2016. «Granitsu okhranyaet ves' narod»: pervyi opyt – sozdanie dobrovol'nykh grupp sodeistviya pograničnoi okhrane v Karelii (leto 1928 goda) [«The whole nation guards the border»: the pioneering experience of creating voluntary border guard assistance groups in Karelia (summer 1928)]. In: Sbornik dokladov VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti», posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Petrozavodsk, 1–3 iyunya 2015 g. Petrozavodsk, 2016, pp. 149–154. (in Russ.)
2. Boyarskii, V.I. et al., 2000. Na strazhe granits Otechestva. Pogranichnye voiska Rossii v voinkh

i vooruzhennykh konfliktakh XX v. [Guarding the borders of the Fatherland. Russian border troops in wars and armed conflicts of the XXth century]. Moskva: Granitsa. (in Russ.)

3. Ivanov, V.S. et al., 1984. Chasovye sovetskikh granits. Ocherk istorii pogranychnykh voisk SSSR [Sentries of the Soviet borders. Essay on the history of the border troops of the USSR]. Moskva. (in Russ.)

4. Kostin, A.A., 2012. Uchastie naseleniya prigranichnykh raionov SSSR v okhrane gosudarstvennoi granitsy (1931–1991 gg.) [The participation of the population of the Soviet border regions in the state border protection, 1931–1991], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

5. Maslov, K.N. et al., 2008. Ispytannye voinoi. Pogranychnye voiska (1939–1945) [Tested by the war. Soviet border troops, 1939–1945]. Moskva: Granitsa. (in Russ.)

6. Sechkin, G.P., 1993. Granitsa i voina: Pogranychnye voiska v Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo naroda 1941–1945 [Border and war: Soviet border troops in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moskva: Granitsa. (in Russ.)

7. Simakov, G.N. et al., 2009. Pogranychnaya sluzhba Rossii: entsiklopediya. Formirovanie granits. Normativnaya baza. Struktura. Simvoly [Border Guard Service of Russia: Encyclopedia. The formation of borders. Normative base. Structure. Symbols]. Moskva: Voennaya kniga. (in Russ.)

8. Smirnov, A.G., 2002. Legendarnyi Grodekovskii. 80 let Krasnoznamennomu ordena Kutuzova Grodekovskomu pogranychnomu

otryadu. 1922–2002 [The legendary Grodekovsky. 80th anniversary of the Red Banner Order of Kutuzov Grodekov border patrol unit, 1922–2002]. Vladivostok: Russkii Ostrov. (in Russ.)

9. Tereshchenko, V.V., 2013. Pogranychnye okruga nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny (1939 – iyun' 1941 g.) [Border districts on the eve of the Great Patriotic War, 1939 – June 1941], Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, no. 6, pp. 181–187. (in Russ.)

10. Chugunov, A.I., 1985. Granitsa nakanune voiny [Border on the eve of war]. Moskva: Voenizdat. (in Russ.)

11. Shakhvorostov, V.V., 2011. Uchastie mestnogo naseleniya Dal'nego Vostoka v okhrane gosudarstvennoi granitsy (1922–1941 gg.) [The participation of the local population of the Soviet Far East in the protection of the state borders, 1922–1941], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)

12. Shakhvorostov, V.V., 2013. Rol' mestnogo naseleniya v obespechenii neprikosновенности dal'nevostochnykh rubezhei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The role of the local population in protecting of the Soviet Far Eastern borders during the Great Patriotic War], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 168–172. (in Russ.)

13. Shakhvorostov, V.V., 2010. Rol' mestnogo naseleniya v ukreplenii Dal'nevostochnykh rubezhei (1922–1941 gg.) [The role of the local population in strengthening of the Soviet Far Eastern borders, 1922–1941], Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya, no. 3, part 2, pp. 76–79. (in Russ.)

С.А. Власов*

РЕФОРМА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (1992–2017 гг.)

В статье дан анализ реформы жилищно-коммунального хозяйства в малых и средних городах Дальневосточного федерального округа; выявлено, что переход отрасли на самофинансирование и самоокупаемость не был достигнут из-за низкой платежеспособности населения. Основные мероприятия реформы, связанные с значительными финансовыми затратами, – модернизация инженерной инфраструктуры, переселение граждан из аварийного и ветхого жилья – проводились благодаря финансированию из федерального и регионального бюджетов. Автором сформулированы рекомендации по оказанию дальнейшей помощи муниципалитетам малых и средних городов с учетом социально-экономической ситуации в каждом конкретном городе.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, реформа, субсидии, модернизация инфраструктуры, аварийное жилье, капитальный ремонт

The reform of housing and communal services in small and medium-sized towns of the Far Eastern Federal District, 1992–2017. SERGEY A. VLASOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the reform of housing and communal services in small and medium-sized towns of the Far Eastern Federal District. The research reveals that the industry's transition to self-financing and self-sufficiency was not achieved due to the low paying capacity of residential consumers. The main reform measures requiring significant expenditures (the modernization of engineering infrastructure, relocation from emergency housing, etc.) were carried out thanks to funding from the federal and regional budgets. The author formulates recommendations for further assistance to municipalities of small and medium-sized towns, taking into account the socio-economic situation in each specific case.

Keywords: housing and communal services, subsidies, infrastructure modernization, emergency housing, major repairs

В истории, экономике, географии, градостроительстве и других науках при подразделении городов на малые, средние, большие и крупные главным детерминирующим критерием является

численность населения. В соответствии с градостроительными нормами от 02.07.1989 г. к группе малых городов относятся поселения с численностью до 50 тыс. чел., к средним – от 50 до 100 тыс.

---

* ВЛАСОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: vlasov54@bk.ru

© Власов С.А., 2019

В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) на 1 января 2017 г. 64 поселения имели статус города, из них 54 относились к малым и средним. Во всех городах ДФО проживало 4,679 млн. чел., в том числе в больших и крупных – 2,809 млн., в малых и средних – 1,870 млн. чел., что составляло 66,5% городских жителей ДФО или 30,2% всего населения ДФО¹, которое насчитывало 6,183 млн. чел.

Таким образом, учитывая, что в малых и средних городах ДФО сосредоточена значительная часть населения региона, представляется, что исследование проблемы реформирования жилищно-коммунального хозяйства в них является актуальной. Из этого вытекает цель данной статьи – показать, как проводилась реформа жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в малых и средних городах ДФО.

Для достижения поставленной цели потребовалось выяснить, насколько успешно был осуществлен переход ЖКХ на самофинансирование и самоокупаемость в малых и средних городах; как осуществлялась модернизация инженерной инфраструктуры ЖКХ; как решалась проблема ликвидации аварийного и ветхого жилья в регионе; насколько успешно проводилось реформирование ЖКХ, учитывая различие в социально-экономической ситуации малых и средних городов; каким образом и в каких объемах осуществлялась помощь из федерального бюджета малым и средним городам ДФО.

Основным отличием социально-экономической жизни малых и средних городов от крупных является зависимость от одного-двух градообразующих предприятий, на которых трудится большая часть горожан.

В начале 1990-х гг., когда в нашей стране начались радикальные экономические реформы, практически все малые и средние города в ДФО оказались в крайне сложном положении. Позитивные тенденции в их развитии, отмечавшиеся ранее, в 1960-е – 1980-е гг., оказались деформированы, а в отдельных случаях просто сошли на нет, что было связано с адаптацией перехода к рынку и спонтанной реструктуризацией экономики. В этой тяжелой ситуации, когда многие горожане оказались без работы и средств к существованию, началась реформа жилищно-коммунального хозяйства.

Главная цель реформы ЖКХ заключалась в переводе отрасли на самофинансирование и самоокупаемость, полном отказе от государствен-

ных дотаций и бюджетного финансирования. Поначалу предполагалось, что через пять лет после того, как был принят Федеральный закон «Об основах федеральной жилищной политики» (24 декабря 1992 г.), к 1998 г. население будет полностью оплачивать жилищно-коммунальные услуги. Столь короткий срок был выбран исходя из того, что реформаторы предполагали быстрый экономический рост в стране и регионах, рассчитывая на переход к рыночным отношениям. Но этого не произошло. Напротив, реальные доходы граждан РФ существенно снизились, при этом тарифы на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) резко возросли.

Неспособность населения полностью оплачивать ЖКУ побудила федеральные и региональные органы власти принять меры по оказанию помощи (в виде субсидий) гражданам, имеющим низкие доходы. Согласно Федеральному законодательству, субсидии получали те граждане, у которых доля расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи превышала размеры в пределах от 15 до 22%. Конкретную величину устанавливали сами субъекты Российской Федерации. В ДФО минимальный порог (15%) был в Якутии и Еврейской автономной области (ЕАО), максимальный (22%) – в Приморском и Хабаровском краях.

С сентября 1998 г. Госкомстат России стал учитывать число семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, и ее размеры. По ДФО мы располагаем статистическими данными с 2000 по 2016 гг., что позволяет проследить динамику роста числа семей, получающих субсидии, и выяснить, насколько успешно решалась одна из задач, поставленных в ходе реформы ЖКХ, – переход отрасли на самофинансирование и самоокупаемость (см. табл. 1).

Данные таблица свидетельствуют о значительной доле семей в ДФО, получающих субсидии, в сравнении со среднероссийскими показателями. Здесь важно отметить, что в ДФО основными получателями такой помощи были жители малых и средних городов, так как многие из них, лишившись постоянной работы, были вынуждены жить за счет случайных заработков, которых едва хватало на самое необходимое – еду и одежду.

Субсидии сделали услуги ЖКХ доступнее для части потребителей и помогли им справиться с ростом тарифов, однако они не позволили отрасли перейти на самоокупаемость, поскольку параллельно сохранялась проблема своевременной оплаты услуг другими потребителями.

¹ Подсчитано автором на основании источников: [13, с. 664; 18, с. 86, 92–94].

Таблица 1

**Предоставление гражданам субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг
в Российской Федерации и ДФО в 2000–2016 гг.**

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.
Число семей, получающих субсидии в РФ, %	7,7	11,9	7,3	6,4	6,0
Средний размер субсидии, руб.	80	550	896	1096	1372
Число семей, получающих субсидии в ДФО, %	11,4	17,2	10,4	8,5	7,3
Средний размер субсидии, руб.	170	853	1528	1715	1868

Источники: [14, с. 170, 171, 177–178; 17, с. 330–333].

Задолженность потребителей, появившаяся в 1990-е гг., в начале реформы ЖКХ, стала обычным явлением. Долги потребителей ЖКУ росли из года в год. Из общей суммы задолженности сложно выделить долги жителей малых и средних городов, такая статистика не ведется. Мы можем пользоваться лишь отрывочными данными, полученными из средств массовой информации и Интернета, но и они достаточно красноречивы. Так, в 2004 г. долг жителей г. Свободный (63 тыс. чел.) Амурской области за потребленные жилищно-коммунальные услуги достиг суммы, превышающей 50 млн. руб. [7]. По состоянию на 1 июня 2013 г. население Биробиджана (75,5 тыс. чел.) в ЕАО задолжало за ЖКУ 409 млн. руб. [10]. На начало августа 2015 г. задолженность населения г. Зея (24 тыс. чел.) Амурской области за ЖКУ составила 69,4 млн. руб. [4].

Несвоевременная оплата ЖКУ породила проблему нехватки средств, результатом чего стала практика, когда планово-предупредительный ремонт объектов ЖКХ полностью уступил место аварийно-восстановительным работам. Инженерная инфраструктура стареет, ветшает, приходит в негодность. Неприемлемо высокий уровень физического и морального износа инженерной инфраструктуры приводит к значительным непроизводительным потерям теплоэнергии, воды и других видов ресурсов, которые покрываются за счет повышения тарифов на ЖКУ. Таким образом, складывается замкнутый круг, когда неплатежи потребителей не позволяют модернизировать инфраструктуру, а уста-

ревшая инфраструктура побуждает повышать тарифы.

Неплатежи приводят к тому, что у предприятий ЖКХ нет средств на модернизацию инженерной инфраструктуры. По итогам отопительного сезона 2012–2013 гг. в ДФО было зафиксировано 456 аварий, большинство из которых произошли в Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае (161 и 155 соответственно). Основной причиной стала ветхость сетевой инфраструктуры. В коммунальном хозяйстве ДФО ветхими призваны 20% электрических, 33% тепловых, 45% водопроводных и 46% канализационных сетей [5]. На плановую их замену (ежегодно должно обновляться не менее 6%) необходимо направлять до 11 млрд. руб. в год, но такую сумму получить только с потребителей невозможно. Здесь необходимо решать проблему комплексно – за счет населения, бюджета, частных инвестиций.

Реальность такова, что инженерная инфраструктура в малых и средних городах модернизируется в основном за бюджетные средства: частным инвесторам в силу низких доходов населения и ограниченности рынка вкладывать средства в эту сферу невыгодно.

В 2002 г. в Амурской области была принята областная программа «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Амурской области на 2003–2010 гг.». В рамках программы на эти цели было выделено 322 млн. руб. из областного бюджета и 100 млн. из муниципальных бюджетов городов и районов области [3]. За счет бюджетных средств

удалось модернизировать котельную в Белогорске, выполнить ряд других работ. Но существенно улучшить ситуацию с реконструкцией и заменой обветшавшего, устаревшего оборудования не удалось, поэтому начиная с 2010 г. правительством области принимались новые программы. В настоящее время в области действует программа, вступившая в силу с 1 января 2014 г. и рассчитанная до 2020 г. В рамках этой программы продолжается работа по модернизации инфраструктуры ЖКХ малых и средних городов. В частности, предстоит реконструировать водопроводные и канализационные сети в городах Белогорск, Зeya, Райчихинск, Свободный, где неочищенные стоки сбрасываются в водоемы бассейна Амура.

Еще одним фактором, побуждающим тратить бюджетные деньги на модернизацию жилищно-коммунального комплекса малых и средних городов, является то, что в 2012 г. Министерством обороны РФ было принято решение о передаче бывших военных городков со всеми коммуникациями и земельными участками в ведение местных муниципалитетов. Большинство таких поселений находится в границах малых и средних городов. Так, муниципалитету Дальнереченска (Приморский край) по приказу Министерства обороны было передано четыре военных городка, в которых жилые дома, сетевая инфраструктура, котельные, насосные и прочие объекты длительное время капитально не ремонтировались. У муниципалитета нет средств, чтобы все это отремонтировать и модернизировать. Подобная ситуация складывается и в других городах Приморского края – Спасске-Дальнем и Лесозаводске. По оценке администрации Приморского края, в связи с передачей военных городков местным муниципалитетам необходима помощь из федерального бюджета в размере не менее 2 млрд. руб. для приведения в порядок инженерно-коммунальной инфраструктуры [11].

Нехватка финансов, невозможность покрывать расходы ЖКХ за счет потребителей породили еще одну проблему – быстрый рост ветхого и аварийного жилья. Изменения в социально-экономическом развитии России в 1990-е гг. привели к значительному снижению инвестиций в жилищно-коммунальную сферу, средства на капитальный ремонт жилого фонда не выделялись, к тому же резко упали объемы жилищного строительства – все это ускорило темпы старения и выбытия существующего жи-

лья. Долгое время проблеме ликвидации ветхого и аварийного жилья не уделялось должного внимания, средств для ее решения выделялось мало. Так, в 2004 г. из федерального бюджета на все субъекты выделили всего 300 млн. руб., а в последующие два года сумма немного возросла и составила по 1 млрд. руб. за год [9]. В ДФО средств выделялось также крайне мало.

Ситуация изменилась после того, как в июле 2007 г. был принят Федеральный закон «О фонде содействия реформирования жилищно-коммунального хозяйства». Фонд создавался как некоммерческая организация, осуществляющая функции по предоставлению финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям на капитальный ремонт многоквартирных домов (МКД) и переселение граждан из аварийного жилья. С 2008 г. благодаря созданному Фонду началась реальная работа по решению этой проблемы. К этому времени удельный вес ветхого и аварийного жилья в общем жилищном фонде ДФО составлял 6,2%, почти в два раза больше, чем в Российской Федерации (3,2%) [16, с. 270–273]. Больше всего ветхого и аварийного жилья было в Якутии (15,6%), Магаданской (11,3%), Сахалинской (9,7%) и Амурской (8,5%) областях [15, с. 216–217], причем в малых и средних городах. Так, в Тынде (Амурская область) по данным на 2008 г. 7 тыс. чел. (то есть почти каждый шестой житель города) жили во временках, щитовых и сборных домиках, вагончиках времен строительства Байкало-Амурской магистрали. Много ветхого и аварийного жилья было и в других малых и средних городах Амурской области – Белогорске, Райчихинске, Свободном. Ликвидация подобного жилья, строительство нового и расселение граждан – все это началось лишь после того, как был создан Фонд содействия реформированию ЖКХ. Благодаря финансированию из Фонда проблема аварийного жилья стала активно решаться не только в Тынде, но и в других малых и средних городах области – Белогорске, Райчихинске, Свободном. В последнем работа по ликвидации ветхого и аварийного жилья проводилась особенно активно. В рамках программы по расселению граждан из аварийного жилищного фонда, признанного таковым по состоянию на 1 января 2012 г., в Свободном только за один 2014 г. сдали в эксплуатацию несколько жилых домов общей площадью 10 тыс. кв. м, 600 чел. переехали из бараков в благоустроенные квартиры [2]. Всего за время дей-

ствия программы здесь расселено более 40 тыс. кв. м аварийного жилья, новые квартиры получили более 2 тыс. граждан [6]. Тем не менее, к 1 сентября 2017 г. в Свободном не удалось полностью завершить программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, призванного таковым по состоянию на 1 января 2012 г., как и в других городах Амурской области – Белогорске, Райчихинске и Шимановске. Основной причиной срыва сроков реализации программы явилось отсутствие средств в областном бюджете, необходимых для долевого софинансирования программных мероприятий.

В ДФО, помимо Амурской области, выполнить программу по расселению граждан из домов, призванных аварийными, в срок (к 1 сентября 2017 г.) не успели еще три региона: Якутия, Приморский край и Еврейская автономная область.

Устранение в ближайшей перспективе аварийного и сокращение объемов ветхого жилья невозможно без организации системы капитального ремонта многоквартирных домов. Капитальный ремонт является крайне важным для сохранности жилого фонда, поскольку здания постепенно стареют, ветшают, чтобы сдержать этот процесс необходимо регулярно ремонтировать жилые помещения. Здесь, как и в модернизации инфраструктуры ЖКХ, ключевой проблемой является обеспечение капремонта финансовыми ресурсами. Решать ее только за счет федерального и регионального бюджета невозможно, необходимо участие населения.

С 2014 г. все собственники жилых помещений в многоквартирных домах ДФО стали платить взносы на капитальный ремонт. В региональные программы по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории ДФО, вошли МКД, кроме призванных ветхими и аварийными.

Введение дополнительной платы за капитальный ремонт разделило собственников жилых помещений в ДФО на два лагеря: одни стали исправно платить за будущий ремонт своего дома, другие не поверили, что их жилье приведут в порядок через несколько лет, когда до их дома дойдет очередь. Как результат – часть жителей округа проигнорировали оплату взносов в региональный Фонд капитального ремонта, который собирает деньги, а затем выдает их для ремонта. Среди тех, кто отказывался платить, велика доля жителей малых и средних городов. У кого-то просто нет средств на допол-

нительный платеж, другие считают, что схема с региональным фондом похожа на финансовую пирамиду, в выигрыше останутся жильцы домов-первоочередников, остальным денег не хватит или их «съест» инфляция.

Собираемость взносов на капремонт наглядно проявила разную социально-экономическую ситуацию в малых и средних городах. В одних, таких как Циолковский и Свободный в Амурской области, Большой Камень в Приморском крае, имеются прекрасные перспективы для развития, в них реализуются важные федеральные программы и проекты. Жители этих городов имеют работу, у них неплохие заработки и есть основания для оптимизма и долгосрочных жизненных планов. В Циолковском продолжают работы на космодроме «Восточный», где весной 2016 г. состоялся первый запуск ракеты-носителя с тремя спутниками. В дальнейшем там планируется запуск пилотируемых космических ракет с космонавтами на борту. В Свободном работает старейшее предприятие города – вагоноремонтный завод, кроме того, по распоряжению Правительства Российской Федерации создана территория опережающего развития (ТОР), ведется строительство газоперерабатывающего завода, где будут трудиться 5 тыс. чел. В Большом Камне ведутся работы по созданию крупной судостроительной верфи, где будут строиться крупнотоннажные морские суда.

Другие города – Тында, Зея (Амурская область), Арсеньев (Приморский край) – также находятся в сравнительно неплохой ситуации, градообразующие предприятия (железная дорога, гидроэлектростанция, промышленные предприятия) работают стабильно. Но у большинства городов ДФО, прежде всего малых, перспективы туманны. Отсутствие стабильно работающих предприятий, низкий уровень доходов горожан, отток молодежи, старение населения и другие негативные тенденции – все это создает неблагоприятный фон для жителей, которые находятся в депрессивном состоянии и не строят планы на будущее. Очевидно, что сложная социально-экономическая ситуация в таких депрессивных городах затрудняет проведение реформы ЖКХ.

Практика показала, что наиболее благоприятные тенденции развития жилищно-коммунального комплекса (ЖКК) наблюдаются в городах с высокой численностью населения, что создает условия для рынка ЖКУ. Здесь

также сказывается плотность населения и жилого фонда, площадь многоквартирных домов. Численность населения формирует количество потребителей жилищно-коммунальных услуг, а плотность населения, жилого фонда и протяженность инженерных коммуникаций являются факторами для эффективной работы ЖКК. Если жилые дома расположены компактно и в городе проживает достаточно много населения, то затраты на содержание и эксплуатацию инженерных сетей распределяются на большое число потребителей. Следовательно, у предприятий ЖКХ уходит меньше средств на содержание инфраструктуры и остаются деньги на получение дополнительной прибыли.

В малых и средних городах жилой фонд составляют малоэтажные жилые постройки (не более 5 этажей) и индивидуальные отдельно стоящие жилые дома, рассредоточенные на значительной площади. Следовательно, затраты на эксплуатацию, текущее содержание и капитальный ремонт инженерных сетей распределяются на меньшее количество потребителей коммунальных услуг. Поэтому данные затраты в расчете на одного потребителя в малых и средних городах существенно превышают аналогичные затраты в большом городе.

Так, в Свободном (Амурская область) ООО «Аква» является основным поставщиком услуг по водоснабжению и водоотведению в городе. На балансе предприятия находится 71 км водопроводных сетей, 45 км канализационных. Большой километраж коммуникаций приходится на небольшую численность населения города. Протяженность водопровода на 100 квартир в Свободном намного больше, чем в областном центре – Благовещенске, численность населения которого составляет 224,3 тыс. чел. и превышает численность населения Свободного в четыре с лишним раза. Предприятию ООО «Аква» трудно проводить модернизацию инженерных сетей, изношенность которых достигла 60%. Полностью решить проблему за счет потребителей, повышая тариф, нет возможности, так как при существующих расценках горожане задолжали предприятию 15 млн. руб. [8].

Как правило, ресурсоснабжающие предприятия в малых и средних городах не могут своими силами решить проблему модернизации инженерной инфраструктуры, им необходима государственная помощь. Так, в Белогорске (Амурская область) после того, как муниципалитету были переданы коммунальные коммуникации

Министерства обороны и железной дороги, горсовету пришлось принимать специальную программу по их модернизации. По программе комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры Белогорска на 2011–2020 гг. предусмотрено вложить 39 млрд. руб. На 75% это средства федерального бюджета, на 20% – областного и на 5% – местного [1]. Только так можно заменить обветшалые сети, которые не ремонтировались до этого десятилетиями.

Попытки привлечь деньги частных инвесторов (в рамках концессионных соглашений) в малых и средних городах, как правило, заканчивались неудачно. Исключением является Хабаровский край, где за время действия Федерального закона «О концессионных соглашениях» к 2017 г. на территории семи муниципальных районов заключено 44 договора о передаче концессионерам на условиях долгосрочной аренды 290 объектов коммунальной инфраструктуры [12]. Ряд соглашений был заключен в малых городах и поселках городского типа: в Амурске, Переясловке, Охотске, Чегдомыне. В других регионах ДФО ситуация намного хуже. Так, в Приморском крае в 2017 г. было заключено всего пять концессионных соглашений и только одно на территории малого города – Большой Камень.

Основными барьерами заключения концессионных соглашений в малых и средних городах ДФО являются: финансовое положение предприятий (высокие долги перед кредиторами), высокий износ основных фондов, требующих значительных инвестиций, а также отсутствие финансирования, достаточного для возврата инвестиций, в которых нуждаются системы коммунальной инфраструктуры.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют, что в малых и средних городах модернизация инфраструктуры ЖКХ исключительно за счет потребителей и частных инвесторов неприемлема, нужна помощь из областного и федерального бюджетов. Здесь, безусловно, нужно анализировать экономическую ситуацию в каждом конкретном городе и помогать тем, кто находится в наиболее сложном положении.

Анализ хода реформы ЖКХ в малых и средних городах ДФО свидетельствует, что при ее разработке не была учтена специфика этих поселений, обусловленная, прежде всего, особенностями их территориального расположения, численностью потребителей ЖКУ, плотностью жилого фонда, небольшими объемами работ по

управлению и обслуживанию жилья, а также неразвитостью рынка производителей ЖКУ. Не в полной мере учитывался низкий уровень доходов населения малых и средних городов, что не позволило за счет потребителей ЖКУ модернизировать сильно изношенную инженерную инфраструктуру. В результате влияния всех этих объективных факторов сложилась неблагоприятная ситуация, затрудняющая проведение реформы.

Стратегическим документом, определяющим основные направления реформы ЖКХ в ДФО, является «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010–2020 гг.», принятая распоряжением Правительства Российской Федерации 2 февраля 2010 г. Цель программы – обеспечить к 2020 г. собственников жилых помещений всеми коммунальными услугами нормативного качества по доступной стоимости при надлежащей и эффективной работе коммунальной инфраструктуры. Успешная реализация Программы в малых и средних городах ДФО невозможна без достаточно серьезной государственной поддержки, прежде всего со стороны федерального бюджета. При этом надо учитывать специфику каждого города, подходить к выделению бюджетных средств индивидуально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберр А. В ЖКХ Белогорска вложат миллиарды // Амурская правда. 2011. 23 сентября.
2. Александрова Т. Из барака в квартиру // Российская газета. 2014. 27 ноября.
3. Амурской области нужны частные инвестиции в ЖКХ // Издательство «Благовещенск. Дальний Восток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blag-dv.ru>
4. Бережная Ю. Отопительный сезон начнется в срок // Амурская правда. 2015. 28 августа.
5. В ДФО нужно обновление инженерных сетей // Информационный портал «ЖКХприм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkhprim.ru/news>
6. В Свободном семьи получают ключи от новых квартир в рамках программы по переселению из аварийного жилья // Портал «ЖКХ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhkh.su/news>
7. Данилов И. Свободненцы задолжали ЖКХ 50 миллионов // Амурская правда. 2004. 18 сентября.

8. Изношенность коммуникаций – основная проблема ЖКХ // Издательство «Благовещенск. Дальний Восток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blag-dv.ru>

9. Невинная И. Дорого и аварийно // Российская газета. 2007. 4 мая.

10. Население ЕАО должно за услуги ЖКХ более 750 млн. руб. // «Информационное агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>

11. На обустройство бывших военных городков потребуется 2 млрд. руб. // Информационный портал «ЖКХприм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkhprim.ru/news>

12. О заключении концессий в сфере ЖКХ в Хабаровском крае // Официальный сайт Министерства ЖКХ Хабаровского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkh27.ru>

13. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. М.: Росстат, 2002.

15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. М.: Росстат, 2009.

16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015.

17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

18. Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

REFERENCES

1. Aberg, A., 2011. V ZhKKh Belogorska vlozhat milliardy [Billions to be invested in housing and communal services of Belogorsk], Amurskaya Pravda, September 23. (in Russ.)
2. Aleksandrova, T., 2014. Iz baraka v kvartiru [From the hut to the apartment], Rossiiskaya gazeta, November 27. (in Russ.)
3. Amurskoi oblasti nuzhny chastnye investitsii v ZhKKh [Amur Region needs private investment in housing and communal services]. URL: <http://www.blag-dv.ru> (in Russ.)
4. Berezhnaya, Yu., 2015. Otopitelnyi sezon nachnetsya v srok [The heating season will start on time], Amurskaya Pravda, August 28. (in Russ.)
5. V DFO nuzhno obnovenie inzhenernykh setei [Far Eastern Federal District needs renewal

of engineering networks]. URL: <http://www.zhkh.su/news> (in Russ.)

6. V Svobodnom sem'ii poluchat klyuchi ot novykh kvartir v ramkakh programmy po pereseleniyu iz avariinogo zhil'ya [Families of Svobodny will receive keys to their new apartments as a part of the program for relocation from emergency housing]. URL: <http://gkhprim.ru/news> (in Russ.)

7. Danilov, I., 2004. Svobodnentsy zadolzhali ZhKKh 50 millionov [Citizens of Svobodny owed 50 million rubles to housing and communal services], Amurskaya Pravda, September 18. (in Russ.)

8. Iznoshennost' kommunikatsyi – osnovnaya problema ZhKKh [Infrastructure breakdown is the main problem of housing and communal services]. URL: <http://www.blag-dv.ru> (in Russ.)

9. Nevinnaya, I., 2007. Dorogo i avariino [Expensive and dangerous], Rossiiskaya gazeta, May 4. (in Russ.)

10. Naselenie EAO dolzhno za uslugi ZhKKh bolee 750 mln. rub. [Citizens of Jewish Autonomous Oblast owe more than 750 million rubles to housing and communal services]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)

11. Na obustroistvo byvshikh voennykh gorodkov potrebuetsya 2 mlrd. rub. [2 billion rubles is required for the improvement of former military settlements]. URL: <http://gkhprim.ru/news> (in Russ.)

12. O zaklyuchenii kontsesii v sfere ZhKKh v Khabarovskom krae [On conclusion of concessions in the housing sector of Khabarovsk Territory]. URL: <http://gkh27.ru> (in Russ.)

13. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. 2017: stat. sb. [Regions of Russia. The main characteristics of the regions of the Russian Federation. 2017: statistical bulletin]. Moskva: Rosstat, 2017. (in Russ.)

14. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2002: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2002: statistical bulletin]. Moskva: Rosstat, 2002. (in Russ.)

15. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2009: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2009: statistical bulletin]. Moskva: Rosstat, 2009. (in Russ.)

16. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015: statistical bulletin]. Moskva: Rosstat, 2015. (in Russ.)

17. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: statistical bulletin]. Moskva: Rosstat, 2017. (in Russ.)

18. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2017: stat. sb. [Russian statistical yearbook. 2017]. Moskva: Rosstat, 2017. (in Russ.)

УДК: 111.82

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-3/77-84

Д.А. Федчук*

ПОКОЙ ДЛЯ БОГА И ПОКОЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА В СВЯЗИ СО СРЕДНЕВЕКОВЫМ ПОНИМАНИЕМ ПРИРОДЫ ТВОРЦА

Понятие покоя, взятое в смысле «свободы от чего-то», рассматривается в данной статье в контексте средневековой схоластики. Существует прямое отношение между покоем и блаженством. Интуитивное созерцание божественной природы человеком достигается после жизни – по ту сторону человеческой экзистенции как конечного сущего. Блаженство и покой ассоциируются с Благом, но так как мышление по своей природе является деятельностью (актом), то оно различно для Бога и для человека. Интеллектуальная активность (*operatio*) Творца в сравнении с конечным сознанием представляет собой сверх-деятельность, лишенную форм дискурсивного мышления. Мистики, такие как Майстер Экхарт и Ангелус Силезиус, писали о блаженстве, вечности и достижении Ничто. Для достижения благодати душа должна выйти за пределы сущего и существования. В этой ситуации субъект, так сказать, лишается самости, освобождает себя от какого бы то ни было вида активности. С точки зрения феноменологии, сознание субъекта интенционально, оно конституирует объект, следовательно, конечный интеллект всегда пребывает в акте, в отличие от интеллекта божественного, чей акт не представляет собой деятельность в расхожем смысле слова. Так что Бог в своем абсолютном покое недостижим для конечного сущего. Смысл земного покоя, как более низкого аналога покоя подлинного, образован на основании недостаточно проясненной идеи Абсолюта. Покой и блаженство суть регулятивные идеи экзистенции, конституирующие *causa finalis* ее жизни.

Ключевые слова: покой, блаженство, схоластика, Фома Аквинский, Майстер Экхарт, сущность, Бог

Peace for God and peace for man in the context of medieval understanding of the Creator's nature. DMITRIY A. FEDCHUK (Far Eastern Federal University)

The article discusses the concept of peace as «freedom from something» in the context of medieval scholasticism. There is a direct relationship between peace and beatitude. However, the intuitive contemplation of the divine essence is achieved by a man after life, on the other side of human existence. Beatitude and peace are associated with the Good, but since thinking, by nature, is an activity (act), therefore it is different for God and human being. The intellectual activity (*operatio*) of the Creator in comparison with the finite mind of man is *super-activity*, devoid of the forms of discursive thinking. Mystics, such as

---

* ФЕДЧУК Дмитрий Аркадьевич, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: fedchuk.da@dvfu.ru

© Федчук Д.А., 2019

Meister Eckhart and Angelus Silesius, wrote about beatitude, eternity, and the achievement of Nothing. To achieve grace, a soul must go beyond the borders of being and existence. In this situation, the subject loses its self and frees itself from any kind of activity. From the point of phenomenology, consciousness is intentional, it constitutes its object and therefore the human intellect is always in the act, unlike the divine intellect whose act is not the action in the conventional sense of this word. That is why God in his absolute peace is unattainable for the finite being. The meaning of human peace, as an inferior analog of genuine peace, is formed on the basis of the insufficiently clarified idea of the Absolute. Peace and beatitude are the regulative ideas of *existentia*, constituting the *causa finalis* of its life.

Keywords: peace, beatitude, scholasticism, Thomas Aquinas, Meister Eckhart, essence, God

Понимание блаженства в Средние века и связь с покоем

Покой – слово из повседневного языка, и его семантика достаточно размыта. Мы не станем касаться профанных смыслов термина, которые все охватываются представлением об отсутствии вынужденной, не приносящей удовольствия деятельности. В сакральных текстах «покой» характеризует безмятежное состояние бога. Но в зависимости от религиозной традиции смыслы покоя различаются, равно как различаются и сущие, способные им обладать или же его достигнуть. Так, например, в неоплатонизме, у Плотина, богу присущ покой, а человеку в обыденном состоянии – его лишенность. В христианстве покой, *requiem*, есть предельная цель для верующего, достижение которой связано со спасением и созерцанием божественного света. Но и в патристике интерпретации покоя у авторов разнятся¹. Состояние блаженства (*beatitudo*), счастья, позволяющего интуитивно созерцать природу Бога, есть цель человеческой жизни². Однако она достигается после самой жизни, по ту сторону экзистенции человека как конечного сущего.

Божественное блаженство и покой непосредственно связаны с благом мышления. Творец благ не по причастности к высшему благу – как все сотворенное, а по собственной сущности. Об этом в Средние века писали многие: например, Боэций в кратком трактате, известном в схоластической традиции под именем *De*

Hebdomadibus, «О Гебдомадах»³, а позже, со ссылкой на него, и Фома Аквинский [10, с. 353–354]. По Фоме, в Боге тождественны бытие и мышление. Поэтому блаженство-счастье, присутствующее Творцу, отсылает нас к совершенному благу Его интеллектуальной природы (*bonum perfectum intellectualis naturae*). Каким бы ни был интеллект – бесконечным божественным или конечным человеческим – самое совершенное в нем – умопостигаемая деятельность, которой он схватывает все сущее. Тут можно вспомнить Аристотеля, писавшего в III книге «О душе», что душа есть некоторым образом все сущее. Имеется в виду, что душа вмещает формы вещей, но в возможности: фантазмы – для чувственно постигаемых и сущности (формы как таковые) – для постигаемых разумом. Античная формула «все сущее стремится к благу» в данном случае также работает: для всякого обладающего мышлением сущего высшим счастьем служит полнота реализации самой деятельности мышления, ибо она – его цель. Но сущность человека как составного целого и разум его – разное. Нельзя ведь сказать: «Сократ есть его разум», ибо разумность есть входящее в сущность человека видовое отличие, образующее часть его природы. Но можно сказать: «Сократ есть составное, образованное из души и тела». В Боге же, который тоже мыслит, не провести реальное различие между сущностью Бога и интеллектом. Дистинкция возможна не между разными реальными (то есть способными обладать бытием в природе вещей, *in rerum natura*, отдельно друг от друга) сущими «божественная сущность» и «божественный интеллект», а только в соответствии с порядком

¹ Фома Аквинский ведет речь о стремлении души к познанию сущности первой Причины, посредством которой достигается блаженство [11, с. 51–52].

² См.: Августин Аврелий. О Троице, I. 9: «Полнота награды есть блаженное видение» [1, с. 416].

³ В русском переводе см.: [3, с. 161–166].

нашего (конечного) рассудка, выделяющего в абсолютно простой природе Бога некие квази-составляющие, квази-компоненты, которые ее как бы (*виртуально*) образуют. Блаженство Бога нами понимается согласно Его сущности (*secundum suam essentiam*), но при этом рассматриваемой с точки зрения порядка мышления (*secundum rationem intellectus*). Поэтому божественное блаженство – это акт божественного интеллекта. Дойдя до божественного блаженства, обращенная к нему как к цели воля обретает покой. Здесь мы сталкиваемся со следующими идеями: блаженство и его достижение связаны с деятельностью (актом) интеллекта; покой как состояние Бога увязывается, на основании текста Аквината, с деятельностью ума [5, с. 419–424]. Бог сразу и в покое, и в состоянии совершения операции ума. Понятно, что это логическое (с точки зрения естественного рассудка) противоречие в схоластике снимается не логическим путем. Признавая абсолютную простоту божественной сущности и ее бесконечность, мы тем самым признаем нашу неспособность схватить последнюю в мышлении адекватно ее собственной природе. Поэтому все атрибутируемое Творцу приписывается Ему по аналогии с нашими представлениями о конечных совершенствах тварей. Отсюда следует, что божественное мышление хотя и представляет собой деятельность (*operatio*), но она – сверх-деятельность, при которой разум Бога не дискурсивно рассуждает от посылок к следствиям (как это в большинстве случаев делаем мы), а созерцает все интуитивно в едином акте, лишенном темпоральных определений, тогда как последние, безусловно, суть неотъемлемые характеристики нашего акта познания.

Центральное для европейской не только средневековой, но и всей христианской традиции понимание блага связано непосредственно с рассматриваемой темой. Благо как таковое – в акте, а не в потенции. Акт же есть *operatio*: «...Безусловное благо заключается в акте, но не в потенции, а последним актом является действие...» [10, с. 616; 17, с. 65–68]. Совершенство сущего также состоит в актуальности, а не в потенциальности. И благо высшего сущего, как и человека, заключено в деятельности. Однако акты мышления Бога и человека сущностно различаются. Здесь появляются основания для вопроса: если мыслящие существа совершенны благодаря акту конечного интеллекта, то могут ли они достигнуть состояния прекра-

щения когнитивной деятельности, итогом которой окажется покой?

Чтобы не впасть в эквивокацию при употреблении термина «покой», я предлагаю следующее определение: под покоем я понимаю состояние сущего, в котором отсутствуют какие бы то ни было изменения – физические (количественные, качественные) или же связанные с душой и сознанием. Покой физических объектов нас здесь не интересует, поскольку речь идет о покое, рассматриваемом в контексте обладающего мышлением (разумной душой) сущего. Иные возможные коннотации – связь с ленью, праздностью, но это – этическая область употребления «покоя». Мы же ограничим себя рамками онтологии, естественной теологии и теории познания.

Современная философия может принимать или не принимать приведенное выше описание сущности божественного интеллекта, однако вне зависимости от выбранной позиции следует признать, что даже гипотетический архетипический интеллект (даже если и не допускается существование его носителя) обладает представленной выше, на основании богословия Фомы Аквинского, природой: вечной, бесконечной, абсолютно простой; простой настолько, что в ней деятельность неотличима от покоя, чистого интуитивного созерцания. Первое Высшее Начало должно пребывать в покое от века, производные же от него вещи лишены такого преимущества.

Ум, в рассматриваемом нами состоянии, схватывает и удерживает благо как высшую цель стремления воли. Удержание в актуальном присутствии есть некое оперативное усилие мышления. Вспомним введенное в широкое философское употребление Brentano и Husserl фундаментальное свойство сознания – интенциональность. Если сознание интенционально изначально, то оно перманентно (в бодрствующем состоянии и поскольку оно существует) совершает те или иные акты. Эти акты, конечно, в большинстве случаев не требуют специальных когнитивных усилий со стороны их субъекта, поскольку связаны с тем, что Husserl относил к пассивному синтезу. На языке Канта они есть априорные (в данном случае – темпоральные) чистые формы синтеза, конституирующие сам чистый поток сознания. Безусловно, усилие, переживаемое сознанием актуально, как таковое связано не только с рефлексивной позицией интеллекта, но и с просто теоретической.

Ибо она – эта позиция – не может иметь место сама по себе, «за спиной сознания». Всякое познавательное отношение между мышлением и предметом, включающее не способ данности предмета, а попытку схватывания природы в конкретной определенности (в ее смысловом «что»), есть теоретическое отношение. Последнее является осознаваемой последовательностью актов, производящих изменения в душе. Тем не менее чистые переживания вряд ли стоит считать нейтральными когнитивными состояниями. Они всегда имеют результат, и этот результат – интенциональный предмет.

Термин *intentio* стал широко использоваться в средневековой психологии с XIII в. Одно из пониманий принадлежит Аквинату: интенция есть *ratio*, объективный смысл, понятие, порождаемое умом в акте знания [13, с. 241–244]. Она – предел мышления, в то время как умопостигаемый вид (*species*) – его начало. Вид – то, посредством чего интеллект мыслит; интенция – то, чем заканчивается акт мышления. Но чтобы интенция появилась, разум должен из потенции перейти в акт – то есть находиться в деятельности, а не в покое. Его состояние – энергия, начинающаяся с себя и возвращающаяся к себе деятельность. Предмет как бы протягивается (*intendit*) к уму, продолжая себя в нем. Вещь реальная и вещь мыслимая – не две разные вещи, а одна, но в разных модусах существования: реальном и интенциональном. Чтобы получить второй из них, требуется действие разума, который переходит из потенции в акт посредством *species*. Конечный интеллект нуждается во множественных актах, умопостигаемых образах, и мыслит поэтому разные интенции; божественному же уму не нужно другого умопостигаемого вида, помимо своей сущности, и порождает Он лишь одну интенцию – Слово Божье, через которое познает все вещи в едином простом акте интуиции.

Краткий исторический экскурс

Средневековый мир, которого мы здесь касаемся непосредственно, не обладал четко развитыми представлениями о труде, противопоставляемом связанному с покоем и отдыхом досугу. По крайней мере века до XIII. Поэтому и не существовало теологии труда, несмотря на то, что сословные различия определялись принадлежностью к определенному виду профессиональной деятельности: воин, пахарь, ремесленник, купец и т. д. Социальный статус

человека (*ordo*) зависит в том числе от близости к грубой физической работе или удаленности от нее. Крестьянин – наиболее презируемое в средневековой среде существо: он никогда не свободен от грубого принуждения к тяжелому отупляющему труду, он лишен досуга – главного, чем обладает свободный человек. И хотя в текстах проповедников и теологов тех времен мы обнаруживаем восхваление изнурительно-го крестьянского труда, а самого крестьянина – как главного претендента на спасение в раю, реальное отношение к нему в обществе было презрительным. Получив через литературную греко-римскую традицию представление о сельском труде как об одном из достойных занятий, средневековье также усвоит и мысль «о превосходстве досуга»: достойный человек не должен трудиться, свой досуг он проводит с достоинством (*cum dignitate*) [6, гл. VII, VIII; 7, с. 533–537]. Обратим внимание на интересный факт этимологии: Жак Ле Гофф объясняет происхождение французского *travail* («работа») от позднелатинского *tribalium*, которое обозначало использующийся в пытках тренажник [7, с. 535]. То есть работа ассоциировалась с пыткой, мучкой. Мы имеем право экстраполировать это наблюдение на более широкие представления об отдыхе и покое.

Отношение средневекового христианства к жизни как к страданию – известный культурно-исторический факт. Строго говоря, в этой, то есть земной жизни человек не может быть счастливым. Он подчиняет свое существование фундаментальной цели – обретения спасения после конца земного пути, получения оправдания перед лицом Господа за совершенные преступления. Всего этого можно добиться только через непрестанное покаяние и праведную жизнь, весьма далекую от покоя, в том числе и физического. Ведь она есть самоотречение. Но это касается праведников. Если же речь идет о простых смертных, то им, помимо того, что нужно пребывать в постоянной молитве и покаянии, требуется искупать свои грехи и трудом, определенным видом работы (*labor*), которую они обязаны выполнять в соответствии со своим статусом в обществе. В Средние века этот статус в большинстве случаев сохранялся за человеком как положение, данное Богом. Не в наших силах менять его, возроптав на судьбу. Подобные попытки обычно осуждались церковью и обществом. Так называемые *exempla* (примеры) – составляемые клириками назидательные рассказы о добродетельных и злодейских поступках святых и грешников, которые служили образцом для подражания.

тельные нравственные притчи для верующих – сплошь и рядом повествуют о поплатившихся за собственное высокомерие и гордыню представителях низких сословий, вознамерившихся подняться выше по социальной лестнице⁴.

Иерархия земная представляется отображением иерархии небесной – в том виде, в каком последняя была описана в трактате Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». Праздность часто понимали как синоним лени. Грамотный человек, сформировавший в себе хабитусы для занятий свободными искусствами – математикой, философией, теологией, не тратит досуг впустую. Он способен осуществлять интеллектуальную работу, которая тяжелее физической и сближает нас с Творцом, ибо мы сотворены по образу и подобию Бога. В человеке образом Божиим является разум. Тот, кто может (имеет способности, образование и принадлежит соответствующему *ordo*), не должен пренебрегать этим даром, а обязан использовать интеллект в земной жизни для познания высших истин в полной мере [12, с. 20–25]. Безграмотный же человек свой досуг не в состоянии тратить на познание. Время отсутствия достойного занятия нужно сократить до минимума, ибо лень есть грех. Тогда физический труд для большинства – необходимое средство от безделья. Он заслуживает уважения, но по своей природе и объекту, на который направлен, менее достойный, чем труд интеллектуальный. Последний имеет дело в сущими вечными, а первый – с преходящими.

С позиции теологов и историков (в то время, как правило, они были либо представителями церкви, либо из университетской среды), как мы уже видели, горделивое непризнание своего социального происхождения и попытка стать выше того, что тебе даровано Творцом, анало-

гично восстанию человека против Создателя, и за это последует неминуемое наказание. Но, в то же время, сами восстающие не понимают всей бессмысленности собственных начинаний. Они надеются на более легкую, не столь унижительную для них жизнь, не осознавая при этом, что жизнь рыцаря или клирика не безмятежнее, чем жизнь крестьянина. На земле нет покоя и подлинного отдохновения от труда; покой, как результат достигнутого блаженства, – целевая причина (*causa finalis*) жизни, не достижимая в ее имманентной длительности. Покой трансцендентен, он «по ту сторону сущности», если пользоваться известной характеристикой Платона в отношении блага: «Считай, что и познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» [9, с. 291]. Адаптировав платоновскую философию соответственно собственным нуждам, пересадив ее в контекст христианского богословия, отцы Церкви и схоласты Средних веков отождествляют Бога с Высшим Благом. Бог как Благо унаследовал от античной философской традиции основные характеристики последнего: простоту, неизменность, тождественность себе, вечность, блаженность. Все перечисленное – состояния сущего, которое пребывает в абсолютном покое. Оно всегда «на досуге», и даже когда оно «делает» (а делать для Бога значит мыслить и творить), то оно не делает ничего (в нашем, профанном понимании).

Майстер Экхарт и христианская мистика о Боге, вечности и блаженстве

Молитва, по мнению Аквината, – возвышенная форма труда. Она приближает нас к возможному блаженству и покою через погружение в созерцание, религиозную сосредоточенность. Майстер Экхарт много писал о единении с Богом. Единение души с Господом представляет собой когнитивный акт, акт экзистенции. Благодать понимается Экхартом «как сверхъестественный облик души, через который Он дал ей сверхъестественную сущность» [14, с. 137]. Значит, наша душа в стремлении к блаженству переходит за границы бытия и сущего. Состояние благодати есть пребывание в ничто – отсутствие самости, каких-либо движений (актов). Она освобождается от любого действия

⁴ А.Я. Гуревич упоминает поэму XIII в. «Майер Хельмбрехт», написанную автором, известным под псевдонимом Вернера Садовника. В ней повествуется о младшем Хельмбрехте, сыне крестьянина, возмнившем себя незаконнорожденным сыном рыцаря. Исполнившись гордыни, он решил изменить свою судьбу: не обращая внимания на советы отца вернуться к честному труду, Хельмбрехт присоединяется к шайке разбойников и ведет разгульную жизнь. Однако для него все заканчивается, как того и следовало ожидать, трагически. В конце концов он попадает в руки крестьян, которые за совершенные Хельмбрехтом преступления жестоко его наказывают. Изуродованный он возвращается домой, но отец прогоняет его, и вскоре непослушный сын кончает свою жизнь на виселице [4, с. 166].

– внешнего или внутреннего [14, с. 138]. Богу, как считает Экхарт, не соответствует бытие; Он есть нечто высшее по отношению к сущему (*est aliquid altius ente*). Более того, сам Бог – Ничто, как превышающий любой сотворенный разум, а человек становится ничто, когда переживает блаженство: дух поднимается над любой сущностью и ее подобием: чтобы стать равной Богу, душе необходимо обратиться в Ничто. Такое возвращение к Творцу происходит посредством отрешенности через интеллектуальное познание. Отрешенность ведет нас, в чистоте, к простоте, а от нее – в неизменность. Простота и неизменность суть основания подобия между Богом и человеком [15, с. 77]. Состояние отрешенности для Бога – состояние непреходящее, ибо в нем Он пребывает от века и вне зависимости от того, идет ли речь о времени до творения, во время творения или после него. Все названное «мало касается Его неподвижной отрешенности». Место покоя – в отрешенном сердце, взыскующем Бога [15, с. 80]⁵.

Обратим внимание, что Майстер Экхарт, вопреки мнению большинства авторитетных магистров XIII – начала XIV вв., рассматривая различие между божественным бытием и мышлением, онтологическое первенство отдавал мышлению: Бог знает не потому, что он есть, но Он есть, потому что Он знает.

Вспомним Ангелуса Силезиуса (Ангела Силезского), поэта-мистика XVII в.:

Бог – вечное Ничто, Нигде и Никогда:
Явиться не успел – уж сгинул без следа
[2, 1.25].

В этих стихах, несомненно, прослеживается влияние Майстера Экхарта, Николая Кузанского на теологию Ангелуса. Вот и праведность он соотносит с покоем: 53 афоризм I части его книги носит название «Праведность – в покое» (*Die Tugend sitzt in Ruh*). Возвращение к истоку предстает как возвращение к Богу, а сам Творец отождествляется с покоем:

Бог – вечность и покой, не знает Он забот,
Отречься от всего настал и твой черед [2,
1.76].

Мы видим, как поэт перерабатывает в собственном мистико-поэтическом опыте идею о

внебытийности Бога, возникшую у греков и сохранившуюся до Средних веков:

Не будет мир, не есть и не был никогда,
Но если мир преидет – пребудет и тогда
[2, 3.181].

Через отречение от мира, от всего конечно-го, допускается приобщение к покою в вечности. Онтологическую невозможность пребывать в *земной* жизни в вечности Ангел также объясняет:

Ты время сам творишь – твоими чувствами
всеми,
Останови завод – и остановишь время
[2, 1.189].

Мы, если использовать хайдеггерианский язык, «временем» время, то есть конституируем его актом экзистенции, основанном на нашей чувственной природе (напомню, что «представление» тоже имеет чувственный характер). Про-изведение времени в акте существования прекратить нельзя; оно останавливается «по ту сторону существования», после жизни. Значит, стремление к блаженству представляет собой трансцендирование имманентного нам бытия, которое реализуется вне опыта мира. Такой «переход за» не может «стать предметом возможного опыта» (то есть основанного, как сказал бы Кант, на созерцании). Формы его протекания не эмпиричны, следовательно, убедиться окончательно в истинности этих положений можно лишь после достижения покоя в блаженстве.

Вечность и покой – удел Бога, не человека. Наше существование – «суета сует»:

Что вечность есть? Она не это и не то,
Ни днесь, ни здесь, нигде и просто не-
весть что [2, 2.153].

Коль вечность для тебя длинна, а время – нет,
Ты не в блаженстве сый, а в суете сует [2,
2.258].

Однако человек может стремиться к вечности, когда движем тщеславием, чтобы получить власть над ней. Истинное же стремление направлено к обретению вечного покоя:

Ты ищешь вечности, чтоб властвовать над
ней,
А я – покой обрести: что лучше и нужней
[2, 3.170]?

⁵ Краткий обзор философии и телологии Майстера Экхарта дан в широко известной работе Этьена Жильсона [5, с. 524–529].

Безусловно, за поэзией Ангелуса Силезиуса тянется длинная, больше чем в полторы тысячи лет, история христианского богословия и личного религиозного опыта всех, кто жил во Христе. Рассматривать это здесь нет возможности. Но общие идеи доктрины спасения и представлений об обожении посредством мистического слияния с Богом Ангелус нам представляет.

Возвращение к схоластике

Фома Аквинский в «Сумме теологии» признает, что в этой жизни человек способен созерцать Бога только с помощью интеллекта: «Отвечаю: следует сказать, что божественная сущность не может созерцаться человеком через иную познавательную способность, чем интеллект. ... Потому надлежит, когда разум человека возвышается до видения высочайшей сущности Бога, чтобы интенция разума полностью обращалась бы туда, и именно так, чтобы ничего не мыслила из чувственных образов (фантасм), но целиком стремилась бы к Богу. Поэтому никак нельзя, чтобы человек в земной жизни созерцал Бога через сущность без отвлечения от чувств» [17].

Таким образом, истинный покой – состояние, присущее только Богу. Человек же изначально покоя лишен. Его бытие в мире есть *vita activa*. Однако покой существует как регулятивная идея экзистенции (в кантианском смысле): субъект стремится к покою как к *causa finalis* своей активной деятельности или собственной жизни, но эмпирически он недостижим. Желание покоя, некой «абсолютной праздности» тускло мерцает в качестве конца на пути к Благу, когда мы погрузимся в познаваемое нами смутно и неотчетливо состояние блаженства (*beatitudo*). Такое блаженство-счастье, понятое как полнота созерцания, вряд ли обретается вне религиозной идеи об Абсолюте. Даже преходящие модусы покоя для человека, которые суть некие неполноценные аналоги покоя истинного, наполняются смыслом, пусть часто актуально и не осознаваемом нами, через не проясненную до конца идею Абсолютного. Как сегодня философия может (или должна) мыслить Абсолютное – отдельный теоретический вопрос⁶. Но пребывать в покое значит в своем бытии не быть подверженным изменениям. Это касается, конечно, и отсутствия изменений в нашей душе. Однако именно его не достичь сознающему субъекту.

⁶ Подступы к нему имеются в современном спекулятивном реализме, в частности в книге Квентина Мейясу «После конечности» [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. Краснодар: Глагол, 2004.
2. Ангелус Силезиус. Херувимский странник. СПб.: Наука, 1999.
3. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
4. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
5. Жильсон Э. Избранное. Т. 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
7. Ле Гофф Ж. Труд // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 533–537.
8. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
9. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
10. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Первая часть. Вопросы 1–64. М., 2006.
11. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Первая часть второй части. Вопросы 1–67. М., 2008.
12. Федчук Д.А. Средневековая метафизика. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011.
13. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
14. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М.: Политиздат, 1991.
15. Экхарт М. Трактаты. Проповеди. М.: Наука, 2010.
16. Stump, E., 2003. Aquinas. London: Routledge.
17. Thomas Aquinas. Summa Theologiae. Opera omnia. URL: <http://www.corpusthomicum.org/sth3171.html#45972/>

REFERENCES

1. Augustine of Hippo, 2004. O Troitse: v pyatnadsati knigakh protiv arian [On the Trinity]. Krasnodar: Glagol. (in Russ.)
2. Angelus Silesius, 1999. Kheruvimskii strannik [The cherubic wanderer]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
3. Boethius, 1990. «Uteshenie filosofiei» i drugie traktaty [«The consolation of philosophy» and other works]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

4. Gurevich, A.Ya., 2005. Individ i sotsium na srednevekovom Zapade [Individual and society in the Medieval West]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
5. Gilson, E., 1999. Izbrannoe. T. 1. Tomizm. Vvedenie v filosofiyu sv. Fomy Akvinskogo [Selected works. Vol. 1. Thomism. Introduction to the philosophy of St. Thomas Aquinas]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
6. Le Goff, J., 1992. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Medieval civilization]. Moskva: Izdatel'skaya gruppa Progress, Progress-Akademiya. (in Russ.)
7. Le Goff, J., 2003. Trud [Labour]. In: Gurevich, A.Ya. ed., 2003. Slovar' srednevekovoi kul'tury. Moskva: ROSSPEN, pp. 533–537. (in Russ.)
8. Meillassoux, Q., 2015. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi. (in Russ.)
9. Plato, 1994. Sobranie sochinenii v 4 t. T. 3 [Collected works in 4 volumes. Vol. 3]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
10. Saint Thomas Aquinas, 2006. Summa teologii. Pervaya chast'. Voprosy 1–64 [Summa theologiae. Part 1. Questions 1–64]. Moskva. (in Russ.)
11. Saint Thomas Aquinas, 2008. Summa teologii. Pervaya chast' vtoroi chasti. Voprosy 1–67 [Summa theologiae. First section of part two. Questions 1–67]. Moskva. (in Russ.)
12. Fedchuk, D.A., 2011. Srednevekovaya metafizika [Medieval metaphysics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUEF. (in Russ.)
13. Thomas Aquinas, 2004. Summa protiv yazychnikov. Kn. 1 [Summa contra Gentiles. Book 1]. Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (in Russ.)
14. Eckhart, M., 1991. Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya [Spiritual sermons and discourses]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
15. Eckhart, M., 2010. Traktaty. Propovedi [Treatises. Sermons]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
16. Stump, E., 2003. Aquinas. London: Routledge.
17. Thomas Aquinas. Summa Theologiae. Opera omnia. URL: <http://www.corpusthomaticum.org/sth3171.html#45972/>

С.Ю. Пчелкина*

М.Е. ШНЕЙДЕР И ЛЮВЭНЬФЭЙ: ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ПОНИМАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена восприятию произведений русской литературы (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова) в Китае. На основе исследований М.Е. Шнейдера и Лю Вэньфэй выявлены особенности китайского понимания русской литературы, такие как восприятие морального смысла произведений русских писателей и социальной направленности литературы; восприятие разговорной формы литературного языка; принятие остро-эмоционального, экзистенциального переживания как нового для китайской традиции способа восприятия литературы; неоднозначное отношение к теме обращения к внутреннему миру человека.

Ключевые слова: русская литература, китайская русистика, китайская герменевтика, М.Е. Шнейдер, Лю Вэньфэй

Mark Schneider and Liu Wenfei: Chinese reception of Russian classical literature. SVETLANA Yu. PCHELKINA (Far Eastern Federal University)

The article discusses the reception of Russian classical literature (A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov) in China. Drawing on the research of Soviet philologist Mark Schneider and modern Chinese translator of Russian literature Liu Wenfei, the author identifies such distinctive features of the Chinese understanding of the Russian literature as the sympathy to the moral intents of the Russian writers' works, positive attitude towards the use of colloquial language in Russian literature, the discovery of the heightened emotional feelings as a new way of perceiving literature and ambiguous attitude to the topic of inner world of people.

Keywords: Russian literature, Russian studies in China, Chinese hermeneutics, Mark Schneider, Liu Wenfei

Знакомство с русской классической литературой в Китае началось с конца XIX в. До середины XX в. этот процесс делится советским ученым-литературоведом М.Е. Шнейдером на четыре этапа: начало XX в. – до 1920-х гг.; 1920-е гг.; 1930-е – 1940-е гг.; 1950-е – начало 1960-х гг. [7, с. 20]. Условно он начинается с перевода на китайский язык басен И.А. Крыло-

ва. Особенностью этого процесса является поступательное возрастание интереса к русской литературе.

Современный китайский русист Лю Вэньфэй выделяет на первом этапе проникновения русской литературы в пространство китайской культуры следующие особенности: «перевод не всегда непосредственно с русского языка,

* ПЧЕЛКИНА Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pchelkina.syu@dvvfu.ru

© Пчелкина С.Ю., 2019

а чаще всего с японского и английского; часть переводов была сделана на древний китайский язык» [3]. Однако очень скоро в Китае появилось большое количество переводчиков русской литературы, несмотря на ее сложный язык и многозначность, что требует погружения в широкий исторический и культурный контекст. Удивительно, но с того момента и по настоящее время Китай – «один из мировых лидеров по количеству и качеству переводов русской литературы». По словам Лю Вэньфэя, китайские переводчики «скрупулезно подходят к переводу русской литературы, стараются максимально адекватно передать содержание оригиналов» [6].

Другим интересным моментом описываемых процессов стало знакомство не только с популярными книгами, но и с произведениями литературной критики, отражающими различные направления экзегетической мысли, взгляды литературоведов, так или иначе толкующих формальные и смысловые особенности русской литературы. В Китае, где традиция литературного художественного слова существовала уже не одну тысячу лет, своей литературной критики не было. Феномен литературной критики или, вернее сказать, литературной аналитики был привнесен в Китай вместе с научной филологической литературой – русской (потом советской), западноевропейской, японской. Знакомство с литературой очень сильно отличающейся культуры через перевод и заимствование литературной критики не было заурядным копированием иностранных произведений. Перевод литературоведческих произведений, который осуществлялся параллельно с переводом самих произведений художественной литературы, китайские специалисты объясняют стремлением исходить из принципов объективности и всеохватности исследования: переводили, не чтобы повторять, а чтобы знать все возможные варианты понимания художественного произведения и использовать это понимание с позиции прагматизма, свойственного китайскому сознанию. Благодаря активному изучению особенностей литературного анализа очень скоро в Китае появились свои специалисты-литературоведы, видевшие свою миссию в том, чтобы помочь читателям составить полную картину русской литературы.

Выбор для перевода конкретных произведений русской литературы как отечественные, так и китайские исследователи объясняют тем, что русская литература отвечала, прежде всего, ре-

волюционному настрою китайского общества начала XX в. Знаковым явлением общественно-политической и литературной жизни Китая 1920-х гг. стало «Движение 4 мая» 1919 г. Содержанием деятельности движения были литературные переводы, значительную часть которых составляли переводы русской литературы. Лю Вэньфэй так описывает этот исторический феномен: «“Движение 4 мая” 1919 г. в Китае было культурным движением, цель которого – отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии. В основе этого заимствования – идеи французских просветителей, теория немецкого марксизма и русская литература» [3].

Интерес к переводам именно русской литературы был вызван ее содержанием и общей реалистической направленностью. Первые китайские читатели видели в русской литературе, перефразируя ленинское выражение, «зеркало русской революции», которая в сознании китайской культурной элиты представляла неким идеалом и примером для Китая.

Как и в России, революционный дух в Китае оказывал свое воздействие на сознание через печатное слово, а революционность в среде интеллигенции формировалась под влиянием образов художественного реализма. Стиль реализма очень быстро был понят и воспринят как нечто актуальное для китайской культуры [5, с. 414]. Лю Вэньфэй пишет: «Китайская “новая литература” зародилась во время “Движения 4 мая” (оно и называется “движением новой культуры” или “движением новой литературы”), и ее развитие тесно связано с развитием перевода русской литературы в Китае. Основоположники новой китайской литературы выступали в качестве переводчиков русской литературы» [3].

На основе исследований советского филолога Марка Евсеевича Шнейдера (1921–1981) и современного китайского русиста Лю Вэньфэя можно составить относительно целостное представление о китайском понимании русской классической литературы и выявить некоторые черты этого понимания. А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов относятся к разряду самых читаемых и чтимых в Китае русских писателей – как в XX в., так и сегодня. За сто лет изучения русской литературы в Китае сложились определенные особенности интерпретации их произведений, в которых, думается, отражаются особенности китайского восприятия русской литературы в целом.

А.С. Пушкин «пришел» в Китай с «Капитанской дочкой». М.Е. Шнейдер пишет, что сначала именно проза Пушкина имела наибольшее распространение и поэтому китайскому читателю очень понравился помимо «Капитанской дочки» цикл «Повести Белкина», который многократно переводился. Поэзия А.С. Пушкина стала переводиться, печататься и исследоваться позже, и на возникновение интереса к ней повлиял известный китайский писатель Лу Синь (1881–1936), являющийся основателем школы китайской русистики. Помимо занятия переводами Лу Синь писал статьи, в которых анализировалась поэзия А.С. Пушкина, и своими разъяснениями способствовал облегчению ее понимания соотечественниками [7, с. 51–53]. В этих разъяснениях уже улавливается специфика китайского прочтения русских произведений. Это читательское своеобразие выражается хотя бы в переводе самих названий произведений. Так, М.Е. Шнейдер пишет, что название романа Пушкина «Капитанская дочка» изначально переводилось как «Русская романтическая история» с подзаголовком «Сон бабочки среди цветов» [7, с. 51]. Такой перевод, на наш взгляд, отсылает к китайской литературной традиции, например, к эпическому китайскому роману «Сон в красном тереме», который часто называют энциклопедией жизни китайского традиционного общества. Возможно, переводчик таким образом указал, что данное произведение русского писателя можно воспринимать в этом же смысле. Определенная особенность восприятия поэзии А.С. Пушкина видится и в названии статьи Лу Синя «О силе сатанинской поэзии», посвященной осмыслению творчества русского поэта. Не правда ли, Лу Синь использовал в заголовке очень сильное выражение? Какой смысл он мог вложить в такое название статьи? Как пишет М.Е. Шнейдер, в данной статье Лу Синем были «впервые изложены взгляды будущего писателя на литературу и искусство», и общая направленность этих взглядов выражалась в том, чтобы восславить «поэзию свободы и протеста» [7, с. 52]. В какой-то мере можно принять такую интерпретацию, особенно если допустить, что Лу Синю известно, кто играет роль первого «бунтовщика-вольнодумца» в христианском учении. Тем не менее, заметим, что подобное выражение вряд ли можно встретить у русских литературоведов и искусствоведов, даже самых раскрепощенно мыслящих, что и служит для нас знаком смелой и своеобразной интерпретации поэзии Пушкина.

В прозаических произведениях А.С. Пушкина китайцы, воспитанные на изысканном, но замысловатом стиле своей традиционной литературы, открыли простоту, правдивость и поэтичность. Как ни странно, именно в прозе, если верить М.Е. Шнейдеру, открылась для Китая непревзойденная поэзия А.С. Пушкина. Можно сказать, что именно прозаические произведения А.С. Пушкина подготовили китайских читателей к восприятию его поэзии. В скором времени в Китае распространяется углубленное изучение стихотворного наследия русского поэта, появляются как переводчики отдельных поэтических произведений А.С. Пушкина, так и специалисты-исследователи его творчества, и даже стихи китайских поэтов, посвященные А.С. Пушкину [7, с. 58–62]. М.Е. Шнейдер пишет, ссылаясь на высказывания некоторых китайских исследователей, что через знакомство с поэзией А.С. Пушкина в Китае было воспринято значение фольклора. Художественное богатство устного народного творчества привнесло обновление в китайскую литературу, прежде всего, благодаря пониманию, что литература становится истинным выражением национального самосознания, когда отталкивается от своих фольклорных корней [7, с. 60].

С произведениями Ф.М. Достоевского китайские читатели познакомились только в начале XX в., но уже в 1921 г. в Китае как событие отмечалось столетие со дня его рождения. Произведения Ф.М. Достоевского узнали и полюбили позже, чем работы таких русских писателей, как И.А. Крылов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и М. Горький, но очень быстро Ф.М. Достоевский стал одним из самых читаемых и изучаемых русских писателей в Китае.

Как пишет М.Е. Шнейдер, с 1920-х по 1960-е гг. в Китае были переведены и опубликованы почти все произведения Федора Михайловича [7, с. 62–64]. В китайской русистике сложился большой объем литературоведческих работ (как небольших, так и фундаментальных), посвященных исследованию особенностей творчества Ф.М. Достоевского. М.Е. Шнейдер в книге «Русская классика в Китае» (1977) описывает, как менялось в Китае понимание произведений Ф.М. Достоевского, и указывает на большую роль в этом процессе зарубежного литературоведения – русского (и советского), западноевропейского и японского [7, с. 64].

Влияние произведений Ф.М. Достоевского на развитие китайской литературы в XX в. пред-

ставляет собой уже исторический процесс со своими внутренними этапами. Так, М.Е. Шнейдер выделил четыре периода освоения творческого наследия Ф.М. Достоевского в Китае: первые два десятилетия XX в., начало 1920-х гг., конец 1920-х – 1930-е гг., 1940–1950-е гг. [7, с. 64–65].

Среди китайских литературных критиков, писавших о Ф.М. Достоевском, можно выделить две группы. Представители первой, наиболее многочисленной, отталкивались в своих интерпретациях произведений Ф.М. Достоевского от иностранной литературной критики, так что с точки зрения национальной специфики очень сложно отличить их, разъясняющих смысл произведений Достоевского в терминах «гуманизма», «реализма» или «психологизма», от критиков европейских или даже российских.

Вторая, сравнительно небольшая группа китайских интерпретаторов Ф.М. Достоевского рассматривает его произведения не под влиянием западноевропейской или русской критической мысли, а в преломлении собственной национальной аксиосферы. К ним в первую очередь относится Лу Синь, увидевший в произведениях русского писателя идеи и темы, которые никогда прежде не обнаруживались в китайской литературе, например, тему страданий и духовных метаний. М.Е. Шнейдер именно у Лу Синя отмечает проявления сугубо китайского восприятия Ф.М. Достоевского: «...Впервые в суждениях Лу Синя прозвучала и критика русского писателя. Там, где Достоевский говорит как христианин, проповедующий покорность и смирение, китайский писатель трактует это как слабость и недостаток» [7, с. 79]. Китайские читатели видели противоречия в поступках и мыслях героев Достоевского, что вызывало и вызывает неоднозначное отношение к его творчеству. Противоречивость как экзистенциальная основа человеческой личности, явленная в произведениях Достоевского, стала чем-то неожиданным и абсолютно новым для китайского читательского восприятия. Можно предположить, что через произведения Достоевского китайский читатель впервые получил опыт экзистенциального переживания литературного текста.

Творчество А.П. Чехова в Китае стало известно в начале XX в. и сразу завоевало популярность. М.Е. Шнейдер приводит данные о больших объемах публикаций и «повышенном спросе» на произведения А.П. Чехова, подчер-

кивая, что «переводы рассказов и повестей Чехова и их издание не прекращались в Китае ни в годы борьбы китайского народа против японской агрессии, ни во время гражданской войны 1946–1949 гг.» [7, с. 103].

Там, где речь заходит о первых китайских переводчиках, М.Е. Шнейдер пишет о Чжао Цзин-шэне, который сыграл «огромную роль в ознакомлении китайских читателей с прозой Чехова» и чью деятельность даже соотечественники называли «творческим подвигом» [7, с. 102]. Занимался переводами произведений А.П. Чехова и Лу Синь.

Первые китайские переводчики прозы А.П. Чехова были и первыми его художественными критиками. Примечательно, на наш взгляд, статья «Чехов – великий демократ» (1954) знаменитого китайского писателя Мао Дуня, в которой А.П. Чехов назван одним из любимых писателей китайского народа [7, с. 117].

Известность и признание среди китайских читателей получили сначала рассказы А.П. Чехова, интерес к драматургии возник немного позже, но, в конечном итоге, именно как драматург он снискал популярность в Китае. Первой его пьесой, сыгранной в китайском театре, стала пьеса «Дядя Ваня». Обращает на себя внимание бережное и трепетное отношение к чеховской драматургии в Китае. Пьесы А.П. Чехова шли, по словам М.Е. Шнейдера, строго по авторскому тексту, переведенному на китайский язык; все действующие лица в пьесах оставались без изменений, а роли игрались в русских костюмах¹. В настоящее время это удивительное усилие понять специфику чеховских пьес в Китае доведено до высочайшего уровня, о чем свидетельствуют те представители русской культуры, которым довелось видеть эти постановки.

Самым значимым периодом в рецепции чеховской драматургии в Китае стало время после образования КНР. Именно тогда под влиянием драматургии А.П. Чехова в Китае сформировался свой чеховский театр с пьесами, написанными китайскими драматургами. Вместе с тем, как указывают некоторые исследователи, усвоение художественного стиля Чехова в качестве некой литературной нормы в Китае происходило неоднозначно. Конечно, Чехов понравился, прежде всего, своим реалистическим стилем, но, вероятно, без разъяснений достоинств это-

¹ В отличие от пьес других русских авторов (А.Н. Островского и М. Горького), которые ставились в адаптированном виде [4, с. 124].

го стиля русский писатель не получил бы такой горячий отклик в Китае. Мощное экзегетическое влияние на проникновение в китайскую литературу идейных и художественных особенностей творчества А.П. Чехова оказал Лу Синь [7, с. 129–133].

Стремительный рост интереса к творчеству русского писателя в Китае объясняется в первую очередь идеологическими запросами времени, однако китайскому читателю был интересен и сам язык чеховских произведений. Язык русской классической литературы построен на грамматике разговорной речи, поэтому сложные, философские мысли, содержащиеся в прозаических и поэтических произведениях, ясны и просты для восприятия. До перехода китайской литературы на байхуа, переводы печатались на вэньянь, который зачастую называют «мертвым» литературным языком. Первые переводы А.П. Чехова тоже печатались на вэньянь, но даже при этом в Китае сложилось впечатление о А.П. Чехове как о «мастере новеллы» [7, с. 99], то есть короткого рассказа на житейские темы, которые по вековой китайской традиции писались на байхуа. В современном Китае под влиянием драматургии А.П. Чехова появился «театр разговорной драмы» [1, с. 385–403].

Переход с вэньянь на байхуа – это изменение не только принципов китайской литературы, но и китайских культурных императивов. Формат высокой литературы на вэньянь – это пространственный роман, объемность которого как бы подчеркивала важность изложенного, в то время как литература на байхуа – это чаще всего короткий рассказ (новелла), повествующая о чем-то житейском, то есть ничтожном, низменном. Своим размером новелла как бы символически указывала на то, что о низком нужно писать кратко. Кроме того, краткость рассказов на житейские темы символизировала преходящий характер описываемых в них вещей. Напротив, пространственность романа была неким прообразом вечности, и поэтому сюжет романа должен был наводить читателя на метафизические размышления [5, с. 394–395].

В свое время китайские интеллектуалы обратили внимание не только на европейские философские учения с их идеями «демократии», «человеческих потребностей», «заботы о бедных» и т. п., но и на европейскую литературу, которая художественным образом выражала все эти идеи, используя язык простонародной речи. Превращение байхуа в язык художествен-

ной литературы воспринималось как выражение интересов угнетенных сословий: через язык байхуа китайский бедняк как бы приобретал историческую субъектность – сначала в китайской литературе, а потом (как показывает китайская история XX в.) и в самом обществе и государстве. В контексте сказанного можно констатировать, что литературный переворот в Китае в начале XX в. породил переворот в культурном самосознании, и в этом смысле китайские литераторы стали и первыми китайскими революционерами.

Изложение простым разговорным языком сложных и высоких идей – вот что в русской литературе стало настоящим открытием для китайского читателя. Именно это обусловило внимание и любовь читательской аудитории к произведениям русских писателей и поэтов и направило развитие китайской литературы в русло подобной языковой стилистики.

Как же в целом можно обозначить специфические особенности восприятия русской литературы в Китае? Прежде всего, не подлежит сомнению чувствительность китайского читателя к моральной стороне произведений русских писателей. В Китае традиционно немаловажным фактором порождения интереса к литературе является наличие в ней морального смысла, что должно в целом оказывать преобразующее воздействие на сознание китайских читателей. Эти герменевтические установки остаются неизменными и определяющими даже в условиях серьезных трансформаций, которые претерпела китайская культура в XX в. Современный исследователь Марк Гамза в книге «Прочтение русской литературы в Китае: Нравственный пример и практическое руководство» подтверждает данную особенность китайской читательской аудитории: «Две из самых своеобразных культур в мире демонстрируют множество схожих черт в понимании литературы, которые были присущи им в течение двадцатого века. В обеих культурах литература имела исключительное общественное значение... В обеих голос писателя обладал моральным весом, и предполагалось, что он имеет право поучать и назидать тех, с кем он говорил. Эти две культуры – китайская и русская» [9, р. 1].

Именно «моральность» русской классической литературы, возможно, стала проводником в сознание китайского читателя тех литературных форм, которые были не только новы для восприятия, но даже чужды китайской

ментальности как таковой. Так, сильнейшую читательскую поддержку нашла социальная направленность русской литературы. Социальные проблемы, зачастую образующие главное смысловое ядро произведений русской литературы, рассматриваются русскими писателями через призму конфликта между человеком и обществом, богатыми и бедными, надеждами на справедливость и разочарованием. Социальный мир в русской литературе зачастую предстает как мир дисгармонии, что порождает у читателей стремление к переменам. Для конфуцианского сознания, картина мира которого построена вокруг идеала социальной гармонии, это было радикально ново не только в литературном, но и в мировоззренческом отношении. Примечательно, что в Китае тема социального конфликта, неравенства людей и угнетения одних другими сразу вызвала читательский отклик, как будто это отвечало уже имевшимся глубинным запросам, а в произведениях русских писателей китайский читатель нашел адекватную форму их выражения.

Вместе с тем некоторые особенности русской литературы до сих пор вызывают неоднозначное отношение китайских читателей. Речь идет об отношении к такой важной для русской классической литературы теме, как тема личности, описания экзистенциальной жизни человека – его мыслей, переживаний и устремлений. Когда китайский читатель вдруг открыл для себя способ экзистенциального восприятия литературного произведения – восприятия нового и непривычного с точки зрения китайской культуры переживания – оказалось, что китайскому сознанию сложно принять экзистенциальный накал русской литературы. Вероятно, это обусловлено спецификой восточных представлений о человеке, которые настолько своеобразны с точки зрения европейской культуры, что в современной западной синологии даже поставлен вопрос: существует ли в азиатских философских и религиозных системах понятие или концепт личности [8]. Интерес к русской литературе возник, когда, по выражению современного китайского ученого Ли Иннаня, стали осознаваться «сковывающие рамки», в которых невозможно реализовать «право на индивидуальность» [2].

В работах советского филолога М.Е. Шнейдера и современного китайского русиста Лю Вэньфэй русская классическая литература в китайском прочтении предстает одновременно и

как нечто ясное и легко воспринимаемое, и как что-то загадочное, пугающее и требующее от читателя непривычных переживаний и мыслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 6. Искусство / под ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2010.
2. Ли Иннань. Русская литература и ценностные ориентации китайской интеллигенции // Русская литература XIX–XXI вв.: метаморфозы смысла: юбилейный сборник научных трудов, посвященный Н.И. Якушину и В.В. Агеносову. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2017. С. 230–237.
3. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>
4. Лю Вэньфэй. Статья переводчиком сегодня никто не мечтает // Литературная газета. 2012. № 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/N38--6385---2012-09-26/>
5. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001.
6. Русская культура за рубежом: в Пекине открылся Центр славистики, нацеленный на изучение современной русской литературы // Президентская библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prlib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=11292>
7. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977.
8. Amese, R.T., Dissanayake, W. and Kasulis, T.P. eds., 1994. Self as person in Asian theory and practice. Albany: SUNY Press.
9. Gamsa, M., 2010. The reading of Russian literature in China: a moral example and manual of practice. New York: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

1. Titarenko, M.L. et al. eds., 2010. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopeiya: v 5 t. T. 6. Iskusstvo [The spiritual culture of China: encyclopedia. In 5 volumes. Vol. 6. Art]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
2. Li Yingnan, 2017. Russkaya literatura i tsennostnye orientatsii kitaiskoi intelligentsii [Russian literature and the values of the Chinese intelligentsia]. In: Russkaya literatura XIX–XXI vv.: metamorfozy smysla: yubileinyi

sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi N.I. Yakushinu i V.V. Agenosovu. Moskva: IMPE im. A.S. Griboedova, 2017, pp. 230–237. (in Russ.)

3. Liu Wenfei, 2004. Perevod i izuchenie russkoi literatury v Kitae [Translation and study of Russian literature in China]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html> (in Russ.)

4. Liu Wenfei, 2012. Stat' perevodchikom segodnya nikto ne mechtaet [No one dreams to become an interpreter today]. URL: <https://lgz.ru/article/N38--6385---2012-09-26-/> (in Russ.)

5. Malyavin, V.V., 2001. Kitaiskaya tsivilizatsiya [The Chinese civilization]. Moskva: AST. (in Russ.)

6. Russkaya kul'tura za rubezhom: v Pekine otkrylsya Tsentr slavistiki, natselennyi na

izuchenie sovremennoi russkoi literatury [Russian culture abroad: a Slavic Center was opened in Beijing, aimed at studying contemporary Russian literature]. URL: <http://www.prlib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=11292> (in Russ.)

7. Shneider, M.E., 1977. Russkaya klassika v Kitae. Perevody. Otsenki. Tvorcheskoe osvoenie [Russian classics in China. Translations. Evaluation. Interpretation]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Amese, R.T., Dissanayake, W. and Kasulis, T.P. eds., 1994. Self as person in Asian theory and practice. Albany: SUNY Press.

9. Gamsa, M., 2010. The reading of Russian literature in China: a moral example and manual of practice. New York: Palgrave Macmillan.

О.И. Кусенко*

ИТАЛЬЯНСКИЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ «ХРИСТИАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» ВЛАДИМИРА ЗАБУГИНА**

Статья посвящена рецепции творчества русского филолога-мыслителя В.Н. Забугина в Италии. Предложенная в его работе 1924 г. концепция «христианского Возрождения» была новаторской для своего времени, посягая на разрушение устоявшихся понятий и представлений об эпохе в силу радикального отрицания русским мыслителем самостоятельных языческих и подражающих античности элементов в культуре эпохи Возрождения, которая оставалась, по его мнению, преимущественно католической. Автор раскрывает суть концепции «христианского Возрождения» и показывает, как отношение к ней менялось на протяжении XX в. Особое внимание уделено критическим отзывам представителей итальянской интеллектуальной культуры: Дж. Джентиле, Б. Кроче, В. Чиана, Р. Саббадини. На основе анализа текстов рецензий автор показывает, что интерпретации творчества Забугина были руководимы как сугубо научными, так и идеологическими соображениями. Представители гуманитарной науки фашистской Италии предприняли необходимые меры для понижения научного статуса концепции «христианского Возрождения», повышенный интерес к которой снова наблюдается в Италии начала XXI в.

Ключевые слова: итальянский Ренессанс, гуманизм, В.Н. Забугин, «христианское Возрождение», Дж. Джентиле, В. Чиан, Р. Саббадини

Italian reviewers of Vladimir Zabugin's concept of «Christian Renaissance».
OLGA I. KUSENKO (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the reception of the works of Vladimir Zabugin, a Russian philologist, thinker and historian of the Italian Renaissance, in Italy. His concept of «Christian Renaissance» developed in «The history of Christian Renaissance in Italy» (1924) was innovative for that time and infringed on «convenient» dogmas about the Renaissance culture, which Zabugin, unlike many other researchers, saw as predominantly Catholic. Special attention in this paper is paid to the critical reviews of his works by such prominent Italian intellectuals as G. Gentile, B. Croce, V. Cian, R. Sabbadini and others. Basing on the analysis of these texts, the author shows that the interpretations of Zabugin's works were often guided not by purely academic considerations, but by ideological motives. Official scholars of fascist Italy have tried to diminish the scientific status of the concept of «Christian Renaissance», an increased interest in which is observed in today's Italy.

Keywords: Italian Renaissance, humanism, V.N. Zabugin, «Christian Renaissance», G. Gentile, V. Cian, R. Sabbadini

* КУСЕНКО Ольга Игоревна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН.

E-mail: isafi137@gmail.com

© Кусенко О.И., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00764а.

В первые два десятилетия XX в. в Италии жил и работал выдающийся русский филолог-мыслитель Владимир Николаевич Забугин (1880–1923). Окончив Санкт-Петербургский университет в 1903 г., он был глубоко и серьезно увлечен культурой Италии согласно общей филоитальянской интеллектуальной атмосфере начала XX в. и в немалой степени благодаря традициям собственной *alma mater*. Научные знания и навыки, полученные в Петербурге, Забугин увез с собой в Италию, создав цикл оригинальных работ, сконцентрированных вокруг понятия Ренессанса, ренессансной культуры и ее представителей. Эти работы малоизвестны в России, так как в основном написаны и изданы на итальянском языке¹ и до сих пор не стали предметом изучения отечественных историков и философов. В Италии, напротив, публикации монографических работ Забугина становились поводом для оживленных откликов представителей итальянской академической культуры на страницах ключевых итальянских научных журналов. За творчеством русского автора с разной степенью симпатии/антипатии следили ведущие итальянские интеллектуалы: Джованни Джентиле, Бенедетто Кроче, Ремиджо Саббадини, Витторио Чиан.

Казалось бы, все благоволило русскому филологу-мыслителю и блестящему эрудиту Владимиру Забугину, строившему свою научную карьеру в Италии и избравшему центральной темой своих оригинальных научных исследований итальянский Ренессанс. Ведь тема итальянского Возрождения всегда вызывала повышенное внимание итальянского академического сообщества, которое внимательно следило за историческими, искусствоведческими, филологическими и философскими трудами зарубежных коллег в области ренессансных исследований. Однако популярная и «удобная» тема не гарантировала исследователю призна-

ния и внимания, подчас, наоборот, угрожая его научной репутации в случае попыток борьбы с укоренившимся канонем и стремлением к новаторству. Данный канон Возрождения претерпевал определенные изменения в процессе смены политических режимов и продолжающего поиска идентичности Италии, однако любой его «штурм», особенно со стороны иностранных ученых, вызывал негативные реакции представителей итальянской официальной науки.

Владимир Забугин и концепция «христианского Возрождения»

В 1903 г. Владимир Забугин блестяще окончил Санкт-Петербургский университет и был направлен в качестве стипендиата в Италию для улучшения своих знаний в области гуманитарной литературы. За два десятилетия научной деятельности Забугин глубоко проник в смыслы ренессансной культуры во многом благодаря собственному совершенно уникальному общекультурному тезаурусу: филолог-классик, в совершенстве владеющий латынью и древнегреческим, литературовед, искусствовед и музыковед и, что немаловажно, католик византийского обряда со стойкой приверженностью канонам исторической Церкви, внимательный исследователь и знаток святоотеческого наследия. Соединенные воедино, эти знания способствовали удивительной чувствительности русского ученого по отношению к изучаемой им эпохе.

Научная судьба Забугина в Италии сложилась крайне благополучно. Выбрав темой своих исследований жизнь и творчество гуманиста Юлия Помпония Лета, за результаты монографического исследования по данной теме², высоко оцененные итальянскими учеными, Забугин в 1912 г. занял должность преподавателя гуманитарной литературы в Римском университете. Помимо монографии о Помпонии Лете, заметок о пореволюционной ситуации в России³ и около ста научных журнальных статей русский филолог-мыслитель опубликовал в Италии следующие труды: двухтомное исследование «Вергилий в итальянском Ренессансе от Данте до Торквато Тассо» (Болонья, 1921–1923 в 2-х т.), «Дантовский классический и сред-

¹ На русском языке мы располагаем сочинением Забугина «Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование (СПб, 1914), которое является сокращенной авторской версией 2-х томного труда, опубликованного на итальянском. Из итальянских работ автора в РГБ им. Ленина находится сочинение о послеоктябрьских событиях в России «Безумный гигант: впечатления от русской революции» (*Il gigante folle: istantanee della Rivoluzione Russa*. Firenze, 1919) и в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино труд «История христианского Возрождения в Италии» (*Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*. Milano, 1924).

² Это объемное 800-страничное исследование вышло в 2-х томах в разных издательствах в 1909 и 1912 гг. (см.: [13]).

³ Речь идет о работе «Безумный гигант: впечатления от русской революции» (Флоренция, 1919).

невековый загробный мир в эпоху Возрождения. Часть первая. Италия: XIV–XV вв.» (Рим, 1922), «История христианского Возрождения в Италии» (Милан, 1924).

Одной из ключевых работ Забугина, опубликованной посмертно, спустя год после скоропостижной кончины автора в итальянских Альпах в 1923 г., стала книга «История христианского Возрождения в Италии». Ближайшим кругом друзей автора она была отправлена в печать в большой спешке, без примечаний и библиографии (что сказало на судьбе работы). Свое предисловие к изданию итальянский филолог и литературный критик Энрико Каррара (Enrico Carrara) подытоживает следующими словами: «В кратком, но насыщенном творческом пути Забугина эта работа знаменует собой финальный аккорд и говорит новое слово в старой истории нашей цивилизации. Он не напрасно прожил свою короткую жизнь» [3, р. VIII].

Этим «новым словом в старой истории итальянской цивилизации», безусловно, стало восприятие Возрождения Забугиным не как эпохи разрыва со средневековым мировоззрением, «погружением в язычество» или периодом «прекращения религиозной жизни итальянского народа» [14, р. 374]. Наоборот, для русского мыслителя несомненен тот факт, что за внешним интересом к классической цивилизации в XIV–XV вв. стоит христианская творческая воля. Действительно, христианская культура с самого начала своего существования была питаема наследием эллинского и римского мира. Античная цивилизация не прекращала своего постоянного присутствия в христианской жизни. Римская церковь говорила по-гречески до III в., а затем – по-латыни. Забугин пишет: «На самом деле, с самых первых веков Церковь использовала наследие классического прошлого для своих нужд и, располагая языческие статуи в своих храмах, заботилась о том, чтобы приложить христианскую голову к языческому торсу» [14, р. 10]. И итальянский Ренессанс XIV–XV вв. для Забугина не что иное, как продолжение той же логики. Он обнаруживает подобную логику, подобное отношение к наследию классической культуры в мистических видениях святых, в текстах Петрарки и Данте, в трудах Помпония Лета и Пико делла Мирандола, в творениях Фра Беато Анджелико и Микеланджело, в проектах ренессансных архитекторов, в музыке эпохи Возрождения.

В своей работе он обращается к видениям святых, молитвословам, лаудариям и аскети-

ческим трактатам, к эпистолярному наследию духовных и светских лиц, к литературным, поэтическим, музыкальным произведениям, философским трактатам, архитектурным объектам, изящным искусствам. «Человеческая культура не может быть изучаема иначе как органическое целое самых различных проявлений, несхожих по форме, но идентичных по содержанию» – такова методологическая установка Забугина, исследующего в своей работе самые разнообразные проявления ренессансной культуры [14, р. 6]. Не умаляя новаторский дух итальянского Ренессанса, Забугин смог продемонстрировать в своей работе четкую преемственность христианской цивилизации, которая благодаря преобразованиям в ренессансный период смогла обогатиться, не забывая в своем новаторстве припадать к древним живительным источникам христианского культа.

Рецепция идей Забугина в текстах итальянских авторов

В целом, как уже было отмечено, Забугин был очень благожелательно принят итальянской академической средой, которая ценила его многогранные познания и глубочайшее проникновение в смыслы их родной культуры. Дж. Джентиле, рецензируя книгу впечатлений о русской революции Забугина, писал: «Вл. Забугин – русский, который пришел, чтобы возобновить среди нас пример Веселовского, стал не только несомненным и глубоким знатоком истории нашей литературы – он является одним из наиболее высокообразованных специалистов по нашему гуманизму – но и экспертом в нашем языке, владея им с таким мастерством и неприкосновенностью, которые нечасто встретишь среди самих итальянцев» [5, р. 27]. Поддерживал Забугина и известный филолог, академик и знаток культуры эпохи Возрождения Ремиджо Саббадини (Remigio Sabbadini), который был центральной и очень авторитетной фигурой в кругах латинистов и исследователей итальянского гуманизма. Забугин, в свою очередь, относился с большим вниманием и почтением к итальянскому ученому, называя его своим учителем (именно Саббадини русский ученый посвящает первый том о судьбе Вергилия в Возрождении). Саббадини дал высокую оценку обоим томам русского автора о Помпонии Лете⁴ и первому тому о значении Вергилия в ренес-

⁴ На книгу о Помпонии Лете см. следующие рецензии Саббадини: [10, р. 211–212; 11, р. 182–186].

санской культуре, который он охарактеризовал как «произведение несомненно выдающееся и эпохальное» [8, р. 136], отметив также одну из сильнейших сторон Забугина-исследователя (которую, впрочем, отмечали практически все его коллеги), а именно тот факт, что русский ученый «обладает обширным и глубоким знанием огромной массы печатных и рукописных источников, с анализом которой он справляется опытно и уверенно» [8, р. 136]. Позитивно оценивая Забугина как филолога и тонкого знатока источников, Саббатини, судя по всему, не разделяет его склонности к спекулятивным обобщениям, стремлению к ниспровержению устоявшихся концепций (в предисловии к первому тому «Вергилия» Забугин критикует сложившиеся каноны в историко-литературной области⁵), обозначая авторское предисловие к работе как несколько «шаловливое» [9, р. 166].

Если монография о Помпонию Лете, исследования о Данте и Вергилии были приняты в целом благоприятно (хотя уже в работе о Вергилии ясно читается склонность Забугина к несколько парадоксальным, разрушающим установившиеся каноны выводам), то работа «История Христианского Возрождения в Италии», ставшая суммой научного пути автора, вызвала обширный спектр реакций, зачастую негативных.

Историк-медиевист Алессандро Селем (Alessandro Selem) публикует обстоятельную рецензию на смелое исследование Забугина, положительно оценивая как глубину и широту кругозора автора, так и саму концепцию, лежащую в его основе. Однако, судя по всему, Селема больше всего интересует узкоспециальная проблема (за знание которой он высоко оценивает труд Забугина) – ренессансная культура и история итальянской Далмации, и он, совершенно упуская подчеркнутый самим автором факт его расхождения с концепцией известного австрийского историка Людвиг Пастора и ряда других католических авторов, не находит в труде Забугина ничего первопроходческого. Напротив, он утверждает, что концепция автора «не является совершенно новой ... , представляет собой лишь расширение тезисов, выдвинутых католическими историками и писателями (в скобках Селем приводит работу Л. Пастора – *прим. авт.*), которые, сталкиваясь с преобладающим мнением,

о том, что погружение в языческую древность мысли, литературы и искусства эпохи Возрождения знаменует собой решительный разрыв с трансцендентным религиозным идеалом Средневековья, всегда пытались продемонстрировать одновременное существование двух течений, двух совершенно разных ментальностей в эпохе Ренессанса: преобладающей христианской, которая стремилась согласовать античный культ с традиционной религиозной дисциплиной ... , и другой – языческой и распутной, находящейся в открытом разрыве с основами католицизма. Теперь в книге Забугина христианское течение, уже отмеченное этими учеными, неизмеримо расширяется в наших глазах, и хотя оно находится в более или менее счастливом союзе с обновленным классицизмом, по сути, оно охватывает и поглощает большую часть – возможно, слишком большую – литературного и художественного движения времени» [12, р. 240]. Ограничившись данной весьма общей и бесцветной характеристикой работы, Селем переходит к многостраничному анализу вопросов, связанных с ренессансным движением в Далмации, в общем-то проходя мимо радикального отрицания русским автором самостоятельных языческих и подражающих античности элементов в культуре эпохи Возрождения, которая оставалась, по его мнению, преимущественно католической: мир ренессанса был языческим только на поверхности, ядро было христианским.

Дело в том, что, начиная с первых страниц введения, Забугин решительно критикует концепцию «двойного Ренессанса» Пастора, которая входила в «итальянский стандарт» представлений об эпохе. «Людвиг Пастор, – пишет Забугин, – размышляя о “христианском Возрождении”, противопоставлял его “языческому”. Он глубоко ошибался, потому что за три столетия, в течение которых разворачиваются знаменательные события эпохи Возрождения, ни в Италии, ни за Альпами не возродилось ни одно языческое божество и ни один языческий деятель. Философские мечты Гемиста Плифона только подтверждают правило. Хотя шаловливое, “голиардическое”, плотское и распутное “язычество” и процветало во времена Возрождения, но оно никуда не исчезало и в Средние века, как никогда не исчезали пережитки странных предрассудков и легенд античной эпохи, упорно сопротивляющиеся христианской проповеди» [14, р. 2–3].

⁵ Частичный перевод предисловия к первому тому работы о Вергилии можно найти в переведенной с итальянского статье Антонио В. Надзаро (см.: [1]).

Смелого «наступления» на устоявшееся и «удобное» представление о «двойном Ренессансе» Забугину не простили. «История христианского Возрождения» прозвучала как настоящий вызов, начиная с самого названия. Для Бенедетто Кроче самое сочетание слов «христианское Возрождение» явилось оксюмороном. Открыто не называя имя автора, но явно имея его в виду, итальянский философ пишет следующее: «Наблюдаются сейчас, и даже в самой Италии, потрясающие теории по поводу Средних веков, которые якобы оказались более цивилизованными, чем Возрождение, либо по поводу Возрождения, якобы христианского, либо по поводу Гуманизма, который якобы явился почти что обновленной патристикой, либо по поводу Контрреформации, которая якобы ознаменовала начало новой жизни, либо по поводу Макиавелли, якобы ставшего моралистом, либо Джузеппе Мадзини, перешедшего в стан реакционеров, и прочие глупости, не лишённые иногда церковного или политического лукавства» [2, р. 12].

Историк Джузеппе Молтени (Giuseppe Molteni) в своей рецензии на книгу о «христианском Возрождении» защищает взгляд на Ренессанс Пастора, критикует «монистическую» концепцию Забугина, считавшего язычество «кожурой», но никак не «сердцевиной» культурных устремлений эпохи. Чтобы доказать подобное утверждение, русский автор, согласно Молтени, «должен был бы доказать несуществование этой языческой линии», но, продолжает рецензент, история ренессансной эпохи свидетельствует о том, что эта линия «по всему своему духу антихристианская ... широко и неудержимо проявляет себя и в каждом виде искусств, в литературе, в мысли и, фактически, в распушенности нравов, и в бесстыдном макиавеллизме общественной жизни» [7, р. 139]. Молтени не согласен со слишком «оптимистичными» трактовками ключевых деятелей Ренессанса: Бокаччо, Савонаролы, пап Льва X и Александра IV, Лоренцо Валлы. Про трактовку Забугиным творчества и душевного строя последнего Молтени пишет, что «хитрый гуманист, чтобы избежать нападков и неприятностей, заканчивает свой философский диалог, передавая пальму первенства персонажу, отстаивающему христианскую доктрину, а до этой вынужденной концовки он влагает блестящую речь в уста Беккаделли, ... персонажа, который разделяет философию Эпикура. ... Но Забугин остается в заблуждении от видимого...

Это называется оставаться на поверхности, не углубляясь» [7, р. 140]. «Правда, – продолжает рецензент – наш автор под давлением объективной реальности, вынужден заметить: “Хорошо известны также его (Лоренцо Валлы – прим. авт.) голиардическая горячность, с которой (в указанном тексте) Беккаделли защищает предельный “ложный” эпикуреизм немножко зеркаля умонастроенность самого Валлы, подчас мальчишески бунтарского и нагло плотского”. Но тут же он торопится добавить: “Умонастроенность, которая была всегда свойственна старой доброй итальянской и византийской буржуазии умирающего Средневековья. Он (Лоренцо Валла – прим. авт.) охотно поддается искушению, но у него такой здоровый страх перед загробной участью: он жаждет сладости Рая, но проецирует на него значительную часть привычек и стремлений земной жизни”» [7, р. 140]. В этой цитате Забугина, приведенной Молтени, открывается тонкость герменевтического подхода русского автора. Забугин везде подчеркивает «двойничество», «полифонию» Ренессанса, сочетание разных голосов, разных точек зрения в каждом его представителе. Но итальянский рецензент, оставаясь целиком на канонических для своего времени позициях и придерживаясь традиционных стереотипных взглядов по отношению к деятелям эпохи Возрождения, делает вывод о том, что концепция Забугина – «благородная, но тщетная иллюзия» и что его «большие усилия увенчались плохим результатом» [7, р. 139].

Но окончательная официальная отповедь ждала книгу двумя годами позднее. В 1926 г. Витторио Чиан – известный итальянский литературный критик, академик, сочувствующий фашистскому режиму и подписавший в 1925 г. «Манифест фашистских интеллектуалов» – публикует, по собственному выражению, «запоздалую», но очевидно программную рецензию на книгу Забугина с целью понизить научную ценность концепции «христианского Возрождения». Во-первых, Чиан дивится слишком лестному отклику Саббадини на книгу Забугина о Вергилии и утверждает, основываясь лишь на паре незначительных примеров из «шаловливого» вступления, что «этот том от начала до конца, даже начиная с самого названия, пронизан предвзятостью» [4, р. 350]. Затем, переходя к работе о «христианском Возрождении», Чиан упрекает автора в «религиозной предвзятости» и «критической импульсивности», в отсутствии

ссылок (упущение, которое, как мы знаем, было связано с безвременной кончиной автора и не могло вменяться ему в вину). Затем критик привлекает авторитет знаменитого искусствоведа Лионелло Вентури, у которого он получил негативный отзыв о методологии Забугина, использовавшего новаторский для своего времени иконологический метод искусствоведческого анализа (применявшийся также такими современниками Забугина, как русский философ Павел Флоренский и немецкий историк искусства Аби Варбург). Разумеется, Вентури, разделявший эстетическую концепцию и методологию исследований Б. Кроче, не мог одобрить «революционизма» русского автора. И, наконец, у Чиана отчетливо слышится неприязнь к иностранным исследователям Ренессанса: «... Смелая оригинальность отдельных суждений обнаруживает в авторе, хотя в некоторой степени итальянизированном и гуманизированном, психологию и взгляд славянина» [4, p. 352]. Подытоживает свои инвективы Чиан призывом к осторожному использованию потенциальным читателем материала и выводов, предлагаемых русским ученым.

* * *

В сущности, работы Забугина практически сразу после публикации и не без стараний представителей итальянской официальной науки ушли под спуд, чтобы быть вновь извлеченными во второй половине XX в., когда во многом под влиянием работ Аби Варбург и его школы произошло герменевтическое обновление методологии истории искусств. Вклад Забугина в этот переворот до сих пор не был оценен, несмотря на то, что такие знаменитые историки искусства и теоретики Возрождения, как Андре Шастель, Эдгар Винд, Эрнст Гомбрих, достаточно широко использовали его работы⁶.

В начале 2000-х гг. работы Забугина о Вергилии и «христианском Возрождении» были переизданы. В 2012 г. итальянский историк искусства Алессандро Джованарди (Alessandro Giovanardi) защитил в Сиенском университете диссертацию на тему «Владимир Н. Забугин – мыслитель между Востоком и Западом: интеллектуальный портрет», в которой он реконструировал биографию, идейное содержание работ русского филолога-мыслителя, представил полную библиографию работ автора и опубликовал

ценные архивные материалы. Так, постепенно в Италии возобновлялся интерес к творчеству Владимира Забугина и к его концепции «христианского Ренессанса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Надзаро А. A bono in bonum. В.Н. Забугин, от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // Россия-Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205–224.
2. Basile, B., 2011. Un capolavoro incompiuto. In: Zabughin, V.N., 2011. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Napoli, pp. 7–28.
3. Carrara, E., 1924. Introduzione. In: Zabughin, V., 1924. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano, pp. VII–VIII.
4. Cian, V., 1926. Del volume: Storia del Rinascimento Cristiano in Italia di Vladimiro Zabughin. Recensione. Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 87, pp. 350–357.
5. Gentile, G., 1989. Lo spettro bolscevico. In: Cavallera, H.A. ed., 1989. Dopo la vittoria. Firenze: La Lettere, pp. 27–30.
6. Giovanardi, A., 2012. Vladimiro Zabughin, Aby Warburg e il Rinascimento: breve nota su due iconologie parallele. Schifanoia: notizie dell'istituto di studi rinascimentali di Ferrara, no. 42/43, pp. 241–246.
7. Molteni, G., 1924. La «Storia del Rinascimento Cristiano in Italia» di Vladimiro Zabughin. Rivista di letture: Bollettino della federazione Italiana delle biblioteche cattoliche, no. 5, pp. 124–134.
8. Sabbadini, R., 1922. Recensione a V. Zabughin Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I. Athenaeum. Studi periodici di letteratura e storia, Vol. 10, no. 2, pp. 136–137.
9. Sabbadini, R., 1922. Recensione a V. Zabughin Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I. Il Trecento e il Quattrocento. Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 80, pp. 166–171.
10. Sabbadini, R., 1909. Recensione a Zabughin V., Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. I. Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 54, pp. 211–212.
11. Sabbadini, R., 1912. Recensione a Zabughin V., Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. II. Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 60, pp. 182–186.
12. Selem, A., 1926. Recensione a V. Zabughin, Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano:

⁶ Об идейной и методологической близости Забугина, Варбурга и его школы см.: [6].

Treves, 1924. Atti e memorie della Società Dalmata di Storia Patria, no. 1, pp. 239–248.

13. Zabughin, V., 1909–1912. Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. 1–2. Roma: La vita letteraria; Grottaferrata: Tip. Italo-orientale S. Nilo.

14. Zabughin, V., 1924. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano.

REFERENCES

1. Nadzaro, A., 2014. A bono in bonum. V.N. Zabugin, ot «Sud'by Vergiliya» do «Khristsianskogo Vozrozhdeniya v Italii» [A bono in bonum. V.N. Zabugin: from «The Fate of Virgil» to «The Christian Renaissance in Italy»]. In: Rossiya-Italiya: kulturnye i religioznye svyazi v XVIII–XX vv. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2014, pp. 205–224. (in Russ.)

2. Basile, B., 2011. Un capolavoro incompiuto [An unfinished masterpiece]. In: Zabughin, V.N., 2011. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Napoli, pp. 7–28. (in Italian)

3. Carrara, E., 1924. Introduzione [Introduction]. In: Zabughin, V., 1924. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano, pp. VII–VIII. (in Italian)

4. Cian, V., 1926. Del volume: Storia del Rinascimento Cristiano in Italia di Vladimiro Zabughin. Recensione [Review of «Storia del Rinascimento Cristiano in Italia» by Vladimir Zabugin], Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 87, pp. 350–357. (in Italian)

5. Gentile, G., 1989. Lo spettro bolscevico [The Bolshevik spectrum]. In: Cavallera, H.A. ed., 1989. Dopo la vittoria. Firenze: La Lettere, pp. 27–30. (in Italian)

6. Giovanardi, A., 2012. Vladimiro Zabughin, Aby Warburg e il Rinascimento: breve nota su due iconologie parallele [Vladimir Zabugin, Aby Warburg and the Renaissance: a brief note on two parallel iconologies], Schifanoia: notizie dell'istituto di studi rinascimentali di Ferrara, no. 42/43, pp. 241–246. (in Italian)

7. Molteni, G., 1924. La «Storia del Rinascimento Cristiano in Italia» di Vladimiro Zabughin [Review of «Storia del Rinascimento

Cristiano in Italia» by Vladimir Zabugin], Rivista di letture: Bollettino della federazione Italiana delle biblioteche cattoliche, no. 5, pp. 124–134. (in Italian)

8. Sabbadini, R., 1922. Recensione a V. Zabughin Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I [Review of «Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I» by Vladimir Zabugin], Athenaeum. Studi periodici di letteratura e storia, Vol. 10, no. 2, pp. 136–137. (in Italian)

9. Sabbadini, R., 1922. Recensione a V. Zabughin Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I. Il Trecento e il Quattrocento [Review of «Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol. I. Il Trecento e il Quattrocento» by Vladimir Zabugin], Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 80, pp. 166–171. (in Italian)

10. Sabbadini, R., 1909. Recensione a Zabughin V., Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. I [Review of «Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. I» by V. Zabugin], Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 54, pp. 211–212. (in Italian)

11. Sabbadini, R., 1912. Recensione a Zabughin V., Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. II [Review of «Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. II» by V. Zabugin], Giornale storico della letteratura italiana, Vol. 60, pp. 182–186. (in Italian)

12. Selem, A., 1926. Recensione a V. Zabughin, Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924 [Review of «Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924» by V. Zabugin], Atti e memorie della Società Dalmata di Storia Patria, no. 1, pp. 239–248. (in Italian)

13. Zabughin, V., 1909–1912. Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. 1–2 [Julius Pomponius Laetus: a critical essay. Vol. 1–2]. Roma: La vita letteraria; Grottaferrata: Tip. Italo-orientale S. Nilo. (in Italian)

14. Zabughin, V., 1924. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia [The history of Christian Renaissance in Italy]. Milano. (in Italian)

В.В. Сидорин*

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОСОФИИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА
В ГЕРМАНИИ: М. АЛЬТМАЙЕР**

В статье рассматривается новейший этап рецепции творчества Вл. Соловьева в Германии на примере одной из последних немецкоязычных работ об отечественном мыслителе Михаэля Бертрама Альтмайера, анализируется авторское исследование антропологических, христологических и эсхатологических аспектов религиозно-философской мысли Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого. Автор прослеживает аргументацию Альтмайера, приводящую его к одному из главных выводов работы о том, что Соловьев приходит к учению об обожении, встраивая концепцию теозиса в собственную философию, и в целом остается крепко связанным с церковной традицией, в то время как Толстой говорит не об обожении человеческого, но скорее об очеловечивании божественного. По мнению автора, исследование Альтмайера позволяет считать, что активная рецепция философии Вл. Соловьева католическими и протестантскими кругами Германии на протяжении XX в. продолжается и в текущем столетии, что является одним из факторов, позволяющих Германии удерживать лидирующие позиции в европейском соловьевоведении.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, Л.Н. Толстой, православная теология, христология, антропология, эсхатология, русская философия

The latest research on Vladimir Solovyov's philosophy in Germany: M. Altmaier. VLADIMIR V. SIDORIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article discusses the latest studies of Vladimir Solovyov's works in Germany, focusing on the book of Michael Bertram Altmaier «Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde». The author traces Altmaier's analysis of the anthropological, Christological and eschatological aspects of religious and philosophical thought of Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy. According to the author, Altmaier's study suggests that the active reception of Solovyov's philosophy by Catholic and Protestant circles of Germany that has been witnessed throughout the XX century continues today, allowing Germany to maintain a leading position in European studies of Russian philosopher's heritage.

Keywords: Vladimir Solovyov, Lev Tolstoy, Orthodox theology, Christology, anthropology, eschatology, Russian philosophy

---

* СИДОРИН Владимир Витальевич, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

© Сидорин В.В., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00764а.

Владимир Соловьев – пожалуй, самая известная в европейском культурном пространстве фигура из истории русской философии. И наибольший отклик философия Вл. Соловьева получила в Германии: именно там творчество русского мыслителя вызвало многолетний интерес как в философских, так и в богословских кругах. Именно с Германией связан и выдающийся научно-исследовательский проект в области соловьеведения, до сих пор не имеющий аналогов даже в России, – 9-томное критическое издание сочинений мыслителя под редакцией В. Леттенбауэра, В. Шилкарского, Л. Мюллера и др. (1954–1980 гг.) [13]. В рамках этого проекта не только был выполнен перевод и комментарий основных произведений Вл. Соловьева, но и появились исследовательские работы по тем или иным аспектам соловьевской философии: монография по соловьевской философии права Ганса Гельмута Гэнцеля, текстологическое исследование «Оправдания добра» Бруно Вембриса [11; 15]. Активные исследования в области философии Соловьева вели Л. Венцлер, Г. Дам и ряд других специалистов по истории русской культуры [10; 16]. После окончания проекта, ухода из жизни или выхода на академическую пенсию представителей этого поколения исследователей русской философии интенсивность немецкоязычных штудий философии Вл. Соловьева в начале XXI в. уменьшилась, позволяя, тем не менее, сохранять современной Германии одну из лидирующих позиций в области европейского соловьеведения. Рецепция и исследования продолжались П. Эленом, Д. Белкиным [3; 8; 9]. В настоящее время исследование философии Соловьева ведутся Р. Решикой, Х. Шталь, М. Альтмайером, что позволяет говорить о новейшем периоде рецепции его наследия в Германии [7; 12; 14]. Работа последнего «Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ëv und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde» («Обожение у Вл. Соловьева и Л. Толстого: диалог, который так и не состоялся»), на которой нам и хотелось бы остановиться более детально в данной статье, посвящена одной из самых интересных и обсуждаемых тем в контексте позднего творчества философа.

Отношения между философом и писателем удивляют своей сложностью и противоречивостью: с одной стороны, по-видимому, понимая и чувствуя масштаб и значимость личности друг друга, они не могли не присматриваться, прислушиваться один к другому, не пытаться

выстроить сколь-нибудь ровных взаимоотношений, с другой стороны, принципиальные расхождения во взглядах с каждым годом знакомства становились все более многочисленными. А.Ф. Лосев в своей работе «Владимир Соловьев и его время» предпочитал подчеркивать негативное отношение Соловьева к Толстому, «пренебрежение» и «нелюбовь» первого ко второму, лишь время от времени смягчаемое «объективным добродушием и благожелательностью» философа [1, с. 407–413]. Однако наиболее удачно, на наш взгляд, это противоречивое взаимодействие сил притяжения и отталкивания между Соловьевым и Толстым удалось выразить К.В. Мочульскому: «Отношения между Соловьевым и Львом Толстым всегда отличались мучительной сложностью. Эти два человека были полярно противоположны друг другу, и каждая встреча их превращалась в столкновение: они почти физически не могли дышать одним воздухом. Проповедь Толстого оскорбляла самые заветные убеждения Соловьева. Учение Соловьева, его мистика, утопии, пророчества раздражали трезвого реалиста Толстого. И все же что-то притягивало их друг к другу: они сходились, чтобы угрюмо помолчать вдвоем или начать ожесточенный спор» [2, с. 204]¹. При всем своем несогласии с Толстым в 1880-х гг. Вл. Соловьев предпочитал не выступать против него публично. В марте 1884 г. он признавался Н.Н. Страхову: «С тем, что Вы пишете о Достоевском и Л.Н. Толстом, я решительно не согласен. Некоторая непрямота или неискренность (так сказать, сугубость) была в Достоевском лишь шелухой, о которой Вы прекрасно говорите, но он был способен разбивать и отбрасывать эту шелуху, и тогда оказывалось много настоящего и хорошего. А у Л.Н. Толстого непрямота и неискренность более глубокие, – но я не желаю об этом распространяться» [6, I, с. 18]. Однако все большие идейные расхождения с писателем и, по-видимому, его все более усиливающееся влияние на общественность заставили философа уже в следующем десятилетии перейти к открытому противостоянию: толстовская теория опрощения стала мишенью для критики в статье Вл. Соловьев «Идолы и идеалы», а главное произведение философа в последнее десятилетие жизни – «Оправдание добра» – имело антитолстовский пафос не только в общих во-

¹ О Соловьеве и Толстом см. также, например, одноименную лекцию и заметки В.П. Свенцицкого: [4; 5, с. 579–583].

просах (критика отвлеченного субъективизма в нравственности, проблематика смысла войны), но и в многочисленных частностях².

Содержание работы М. Альтмайера «Обожение у Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого» на самом деле существенно шире, чем можно было бы подумать, исходя из основного названия: она посвящена скорее вопросу о том, почему и как оба мыслителя, разделяя массу общих установок и интуиций, тем не менее разошлись так далеко, что их взаимоотношения приняли ярко выраженный враждебный характер. Отсюда и подзаголовок работы – «Диалог, который так и не состоялся», удачно отражающий, на наш взгляд, всю противоречивость взаимоотношений Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого. Сама монография представляет собой дополненное диссертационное исследование автора, выполненное в 2012 г. на философском факультете Вестфальского университета имени Вильгельма II в Мюнстере под руководством профессора Центра религиозных исследований того же университета доктора Ассаада Элиаса Каттана³.

В своем исследовании Альтмайер педантично (в лучшем смысле этого слова) пытается реконструировать антропологические, христологические и эсхатологические аспекты творчества этих выдающихся современников и проследить, как они то сходятся, то – что случается гораздо чаще – расходятся друг с другом. В центр своего внимания автор помещает понятие «обожение», теозис. Отдельного внимания заслуживает авторская точка зрения на актуальность заявленной проблематики: Альт-

майер указывает, что концепция теозиса вновь активно развивается, в первую очередь, в области экуменического диалога, настаивая на том, что в наше время переживается настоящий ренессанс патристической надежды на обожение и связанных с этим поисков ответов на вопрос о месте, роли и задаче в мире каждого отдельного человека. Но это далеко не первое возрождение концепции теозиса: исторически первым ренессансом оказывается, с его точки зрения, русская культура второй половины XIX в., что и делает, в частности, творчество Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого в указанном аспекте актуальным и в начале XXI столетия [7, р. 16]. Интеллектуальный опыт обоих важен и самим фактом их возвращения к христианству и пафосом обновления его исторической формы существования: «В ходе своих мировоззренческих поисков оба занимались философскими вопросами и в конце концов нашли дорогу обратно к христианству. <...> Обоим двигало вперед желание сделать его [учение Христа] полезным для нужд времени и освободить православную церковь от ритуального и догматического окаменения» [7, р. 299–300].

Значительную часть своей работы Альтмайер посвящает рассмотрению антропологии Соловьева и Толстого, и из его анализа складывается впечатление, что в этой области Соловьев и Толстой, пожалуй, ближе, чем где-либо еще, хотя бы потому, что оба исходят из общих, традиционно христианских по своему происхождению интуиций, таких как вера в особое положение человека в творении, дуалистическое понимание природы человека, своеобразное оптимистическое, у Соловьева по крайней мере до определенного времени – теория развития. При этом Альтмайер обосновывает, что для Соловьева антропология играет важнейшую роль, встраиваясь в цельную космологическую концепцию, сохраняющую свое очарование и сегодня: «Антропология Вл. Соловьева и его космологическая концепция завораживают и по сей день. Исторические упрощения, выстраивание несуществующих исторических взаимосвязей и общее сомнение в отношении его обращения с религиозной и мировой истории едва ли умаляют это очарование» [7, р. 117]. Толстой же, если можно так выразиться, минимально теоретичен в вопросах антропологии, его интересуют конкретные, практико-ориентированные моменты. И можно было бы говорить об отсутствии между ними серьезного конфликтного потенциала в

² При этом до середины десятилетия Вл. Соловьев еще не оставляет надежды на идейное примирение с Л.Н. Толстым. См., например, письмо М.М. Стасюлевичу от 8 мая 1894 г. и письмо Л.Н. Толстому от 5 июля того же года [6, IV, с. 65; 6, III, с. 37].

³ Доктор Ассаад Элиас Каттан (Assaad Elias Kattan) – профессор Центра религиозных исследований Мюнстерского университета, специалист в области православной теологии. После окончания школы в Бейруте изучал теологию в университетах Ливана, Греции, Германии. В 2001 г. получил степень PhD в Марбургском университете. Автор исследований о Максиме Исповеднике, епископе Антиохийской церкви Георгии Ходре, православии, межконфессиональном диалоге, член различных экуменических групп (Saint Irenaeus Joint Orthodox-Catholic Working Group, Joint Commission for Theological Dialogue between the Catholic Church and the Orthodox Church in Germany, German Ecumenical Study Commission и др.).

антропологических вопросах, если бы не одно обстоятельство – сомнения Толстого насчет воскресения из мертвых. Альтмайер считает, что это становится главной проблемой у Толстого в его антропологии, в силу чего возникает острая проблематизация смерти. Эту трудность Толстой пытается решить, с его точки зрения, двумя способами: во-первых, ему помогает признание дуалистической природы человека. Если человек делает нужный выбор и поворачивается к духовной стороне своего бытия, это помогает справиться со страхом смерти. Во-вторых, нужное решение Толстой находит в повороте от индивидуализма к коллективизму: смерть преодолевается в любви к ближнему.

Вообще стоит отметить, что реконструкция и концептуализация взглядов Толстого представляет наиболее любопытную часть работы Альтмайера: он совершенно справедливо подчеркивает непроясненность множества антропологических, эсхатологических, философских аспектов, лежащих в основе мировоззрения Толстого, просто в силу того, что писатель перед собой такой цели – создания целостной и непротиворечивой системы – и не ставил. Это касается и самого концепта «обожение»: Толстой даже не употреблял подобного термина, а понятие «теозис» у него можно встретить чуть ли не единожды – в полемике с митрополитом Макарием (Булгаковым). Экспликация всех этих ключевых моментов, их своеобразная инвентаризация – одна из ключевых задач, которую Альтмайер пытается разрешить в своем исследовании.

Анализ же христологической и эсхатологической концепций Соловьева и Толстого позволяет ему прийти к главному выводу своей работы. Именно в этих областях мысли Соловьева и Толстого как бы расходятся окончательно, выстраиваясь как своеобразные параллельные программы, которые могут быть сведены к общему знаменателю только в плане самых общих интенций мысли. В частности, если Соловьев выстраивает христологию, в которой в конечном итоге центр тяжести лежит на трансцендентальном, связующем значении Христа для спасения человечества, то Толстой рисует образ социально-критического, если не сказать анархически настроенного Христа. Если для Соловьева Царство Божие – это скорее космологическая цель, то для Толстого – это, в первую очередь, внутреннее состояние. Из этого следует принципиально различное отношение

к церкви, при том, что критический пафос в отношении исторического христианства так или иначе разделяли оба, и к социальному идеалу: соловьевской свободной теократии, как воплощению в социальной реальности принципа всеединства, противостоят анархистские, как их именует Альтмайер, довольно подробно на них останавливаясь, импульсы толстовской мысли [7, р. 296]. В итоге, если оба и исходят изначально из одной и той же точки (или точек) – например, признания дуалистичности человеческой природы и задачи перерастания материально-телесной природы человека в нечто большее, внимание к коллективной эсхатологии – результаты, несмотря на данный параллелизм намерений, оказываются совершенно различными. Соловьев приходит к учению об обожении, встраивая концепцию теозиса в собственную фундаментальную концепцию, и в целом, несмотря на множество факторов, остается крепко связанным с церковной традицией. Толстой же говорит не об обожении (*Vergöttlichung*) человеческого, но скорее об очеловечивании божественного (*Menschensohnschaft*): «...В то время как Соловьев особый упор делает на необходимости духовной жизни, Толстой предлагает радикальное этическое следование примеру Христа (*radikale ethische Jesusnachfolge*)» [7, р. 247].

Подытоживая свое исследование, Альтмайер указывает, что, несмотря на множество общих позиций и интенций, теологические дискурсы Соловьева и Толстого принципиально не могут быть сведены друг к другу, поскольку имеют различную природу – монистически-мистическую в случае Соловьева и рационально-морализаторскую в случае Толстого. Теоретические противоречия усугублялись, приводя к неразрешимому конфликту, и тем, что оба мыслителя абсолютизировали свои позиции и не терпели никакого иного подхода, кроме своего собственного [7, р. 300].

Исследование Альтмайера интересно помимо прочего и связями автора с Германской епископской конференцией – объединением католических епископов Германии, созданным для координации церковной работы, то есть близостью к современным католическим кругам Германии. А это позволяет считать, что некогда подробно прослеженное внимание немецкоязычных – как католических, так и протестантских теологов – к философии Владимира Соловьева все еще имеет место, продолжая богатую

традицию немецкоязычной рецепции творчества отечественного философа⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009.
2. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.
3. Назарова О. Новейшая рецепция творчества Вл. Соловьева в Германии: Петер Элен // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 3. С. 69–82.
4. Свенцицкий В.П. Лев Толстой и Вл. Соловьев. СПб., 1907.
5. Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 3. Религия свободного человека. М.: Новоспасский монастырь, 2014.
6. Соловьев В.С. Письма. Т. I–IV. СПб., 1908–1923.
7. Altmaier, M., 2014. Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde. Würzburg.
8. Belkin, D., 2000. Die Rezeption V.S. Solov'evs in Deutschland. Tübingen.
9. Belkin, D., 2008. Gäste, die bleiben: Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen. Hamburg.
10. Dahm, H., 1971. Vladimir Solov'ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie im Versuch einer vergleichenden Interpretation. München.
11. Gäntzel, H., 1968. Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf der Grundlage der Sittlichkeit. Frankfurt am Mein.
12. Reschika, R., 2014. Leidenschaft und Transzendenz: Wladimir Sergejewitsch Solowjows Philosophie der Geschlechtsliebe. In: Reschika, R., 2014. Rebellen des Geistes. Neustadt an der Orla, pp. 145–198.
13. Solowjew, W., 1952–1980. Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew / herausg. Von W. Szyllkarski, W. Lettenbauer, L. Müller, V. Setschkareff, J. Strauch, E. Wedel. Bd. 1–8, Ergänzungsband. Freiburg; München.
14. Stahl, H., 2019. Sophia im Denken Vladimir Solov'evs – eine ästhetische Rekonstruktion. Münster.
15. Wembris, B., 1973. Der Russische Text der 'Rechtfertigung des Guten' von Vladimir Solov'ev. Tübingen.
16. Wenzler, L., 1978. Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev. Freiburg–München.

⁴ О рецепции философии Вл. Соловьева немецкими католическими и протестантскими кругами см. исследование Д. Белкина: [8, p. 139–181].

REFERENCES

1. Losev, A.F., 2009. Vladimir Solov'ev i ego vremya [Vladimir Solovyov and his time]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)
2. Mochul'skii, K.V., 1995. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
3. Nazarova, O., 2016. Noveishaya retseptsiya tvorchestva Vl. Solov'eva v Germanii: Peter Elen [The latest reception of Vladimir Solovyov's works in Germany: Peter Ehlen], Solov'evskie issledovaniya, no. 3, pp. 69–82. (in Russ.)
4. Svetsitskii, V.P., 1907. Lev Tolstoi i Vl. Solov'ev [Leo Tolstoy and Vladimir Solovyov]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Svetsitskii, V.P., 2014. Sbranie sochinenii. T. 3. Religiya svobodnogo cheloveka [Collected works. Vol. 3. The religion of a free man]. Moskva: Novospasskii monastyr'. (in Russ.)
6. Solov'ev, V.S., 1908–1923. Pis'ma. T. I–IV. [The letters. Vol. I–IV]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Altmaier, M., 2014. Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde [Deification according to Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy: a dialogue that never happend]. Würzburg. (in German)
8. Belkin, D., 2000. Die Rezeption V.S. Solov'evs in Deutschland [The reception of Vladimir Solovyov in Germany]. Tübingen. (in German)
9. Belkin, D., 2008. Gäste, die bleiben: Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen [Guests who stay: Vladimir Solovyov, the Jews and the Germans]. Hamburg. (in German)
10. Dahm, H., 1971. Vladimir Solov'ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie im Versuch einer vergleichenden Interpretation [Vladimir Solovyev and Max Scheler. A contribution to the history of phenomenology in an attempt of a comparative interpretation]. München. (in German)
11. Gäntzel, H., 1968. Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf der Grundlage der Sittlichkeit [Vladimir Solovyov's legal philosophy based on morality]. Frankfurt am Mein. (in German)
12. Reschika, R., 2014. Leidenschaft und Transzendenz: Wladimir Sergejewitsch Solowjows Philosophie der Geschlechtsliebe [Passion and transcendence: Vladimir Sergeyeovich Solovyov's philosophy of love]. In: Reschika, R., 2014. Rebellen des Geistes. Neustadt an der Orla, pp. 145–198. (in German)

13. Solowjew, W., 1952–1980. Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew. Bd. 1–8, Ergänzungsband [Complete German edition of the works of Vladimir Solovyov. Vol. 1–8, supplementary volume]. Freiburg; München. (in German)

14. Stahl, H., 2019. Sophia im Denken Vladimir Solov'evs – eine ästhetische Rekonstruktion [Sophia in the thought of Vladimir Solovyov – an aesthetic reconstruction]. Münster. (in German)

15. Wembris, B., 1973. Der Russische Text der 'Rechtfertigung des Guten' von Vladimir Solov'ev [The Russian text of the «The justification of the good» by Vladimir Solovyov]. Tübingen. (in German)

16. Wenzler, L., 1978. Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev [Freedom and evil according to Vladimir Solovyov]. Freiburg–München. (in German)

Е.В. Петрова*

НАБРОСКИ К КОГНИТИВНОМУ ПОРТРЕТУ ЧЕЛОВЕКА
ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Потребность получения информации из внешнего мира является одной из биологических потребностей человека. Наш мозг изменяется под влиянием перерабатываемой информации. Искусственно созданная информационная (цифровая) среда становится основной средой обитания современного человека, проникая во все сферы его жизни. Цифровые технологии оказывают очень сильное, зачастую амбивалентное, влияние на наш мозг, сознание, мышление, когнитивные способности. Воздействие цифровых технологий может привести к изменению «когнитивного портрета» человечества, стимулируя развитие эмоционального интеллекта. В статье анализ данной проблематики связан с проблемой межполушарной асимметрии мозга.

Ключевые слова: информационная среда, цифровая эпоха, информационно-коммуникационные технологии, эмоциональный интеллект, мозг, межполушарная асимметрия

Sketches for the cognitive portrait of the people in the digital age. EKATERINA V. PETROVA (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The need to obtain information from the outside world is one of the human biological needs. Our brain changes under the influence of information processed. An artificially created digital environment becomes the main habitat of modern people, penetrating into all spheres of their life. Digital technologies have a very strong, often ambivalent, effect on our brain, consciousness, thinking, and cognitive abilities. The impact of digital technology can lead to a change in the «cognitive portrait» of humanity, stimulating the development of emotional intelligence. The author discusses this problem in the context of the issue of interhemispheric asymmetry of brain.

Keywords: information environment, digital age, information and communication technology, emotional intelligence, brain, interhemispheric asymmetry

Все, что окружает человека, – природа, другие люди, искусственно созданная среда (улицы городов, пространство квартир, тексты книг, Интернет – контент), – все это стимулирует наши органы чувств, передавая им того или иного рода информацию. Цвет листы, аромат цветка, форма здания, комбинация букв или цифр – все

это несет в себе информацию. Потребность в информации – жизненно важная потребность человека как биологического существа. Мы не можем нормально функционировать, если у нас перекрыты каналы получения информации. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты опытов по сенсорной депривации [18].

* ПЕТРОВА Екатерина Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН.

E-mail: philosophyx@rambler.ru

© Петрова Е.В., 2019

Далее полученная информация попадает в своего рода «аналитический центр» – наш головной мозг. Мозг, этот чрезвычайно сложный материальный объект, анализирует и обрабатывает информацию, поступающую из окружающего мира через органы чувств. Представляется весьма интересным вопрос: меняется ли каким-либо образом сам мозг в процессе этой обработки? Оказывают ли различные типы информации влияние на деятельность мозга и в чем это влияние заключается? Из этого вытекают вопросы уже не нейрофизиологического, а философского плана: как вслед за этими изменениями меняется человек как личность, как меняется его сознание и мировоззрение, какие изменения претерпевает культура?

Человечество в своем развитии прошло несколько этапов, которые принято называть информационными революциями (появление речи, письменности, книгопечатания, радио, кино и телевидения, и, наконец, современная цифровая революция). Совершенно верным представляется мнение К.К. Колина: «Информационные революции всегда являлись теми критическими точками всемирной истории, после которых начинались качественно иные этапы развития цивилизации» [7, с. 48].

Схожую точку зрения насчет влияния информационных революций на культуру высказывает и Мишель Серр: «Изобретение письма и, позднее, книгопечатания преобразило культуры и общества сильнее, чем совершенствование орудий труда» [13, с. 29].

Поскольку в настоящее время человечество существует в условиях перманентного «информационного взрыва» и очередной, но, пожалуй, наиболее глобальной «информационной» или «цифровой» революции, вступая или уже вступив в «цифровую эпоху», наибольший интерес вызывает вопрос воздействия на наш мозг постоянно окружающей нас цифровой среды, ставшей, по сути, средой нашего обитания.

Естественно, сравнительно небольшой объем статьи не позволяет в полной мере ответить на поставленные выше вопросы, для этого необходимо гораздо более масштабное исследование, даже серия исследований. Так что будем считать задачей данной статьи постановку вопросов и попытку найти хотя бы контуры ответов на некоторые из них.

Известный немецкий психиатр Манфред Шпитцер уверен в том, что человеческий мозг в процессе использования, безусловно, изменяет-

ся, и изменяется именно физическим образом: «Восприятие, мышление, переживание, ощущение и любые поступки – все оставляет так называемые “следы памяти”» [16, с. 14].

По аналогии с развитием и укреплением наших мышц при постоянных физических тренировках развивается и наш мозг при упражнениях интеллектуальных. При условии активных умственных тренировок мозг растет (возрастает количество нейронных связей, даже могут увеличиваться отдельные его области, например, гиппокамп). Очень интересен и показателен в этой связи пример, описанный М. Шпитцером. За ориентирование на местности отвечает определенная область головного мозга – гиппокамп. Данные нейрофизиологических тестов говорят о том, что гиппокамп лондонских таксистов имеет более крупные размеры в сравнении с представителями другим профессий. Это связано с тем, что к профессиональной квалификации таксистов в Лондоне предъявляются высочайшие требования, обучение занимает несколько лет и на экзамене нужно показать способность блестяще ориентироваться в огромном мегаполисе, по сути, держа в голове его подробную карту [16].

Таким образом, интеллектуальный потенциал нашего мозга возрастает пропорционально затраченным интеллектуальным усилиям. Тренировка для мозга – чтение длинных сложных текстов, ориентирование на новой местности, глубокое погружение в изучаемую тему, развитие навыков критического мышления. Особенно актуальна такая тренировка мозга для подрастающего поколения, так как именно в детский и юношеский периоды жизни человека происходит формирование личности, обучение и овладение профессией. Как подчеркивает А.В. Марков, «...человеческий мозг (особенно детский), специально приспособлен для усвоения, выполнения и последующей передачи другим людям инструкций, “записанных” при помощи тех средств коммуникации, которые присущи человеку» [10, с. 360].

Изменения, вносимые в нашу жизнь тесным взаимодействием с цифровой средой, настолько масштабны, что затрагивают даже такие фундаментальные философские понятия, как пространство и время. Неудивительно, что наш мозг вынужден адаптироваться, изменяясь при этом!

«Их (детей цифровой эпохи. – прим. авт.) пространство – топологическое, где все сосед-

ствуется со всем, тогда как мы жили в метрическом пространстве, измеряемом расстояниями», – пишет Мишель Серр [13, с. 14].

Вадим Руднев, автор «Словаря культуры XX в.», считает, что пространство в гиперреальности (разновидности компьютерной реальности) становится прагматическим (основное значение приобретают не реальные расстояния, а связи «здесь» и «там»), а время серийным, по нему можно подниматься в будущее и опускаться в прошлое. В такой реальности времени как бы вообще не существует [12].

Практически ту же самую мысль выражает и М. Кастельс. По его мнению, культура виртуальной реальности изменяет представление о времени в нашем обществе с помощью понятий одновременности и вневременности. Такую черту, как одновременность, можно определить следующим образом. Мгновенная передача информации по всей планете, прямые репортажи с места происшествий позволяют нам узнавать о событиях практически сразу же после того, как они произошли. Кроме того, компьютерно-опосредованное общение делает возможным коммуникацию в реальном времени, объединяя людей по интересам в рамках многосторонней интерактивной сетевой конференции («чата»). Задержка во времени с ответом уже несущественна, так как новые коммуникационные технологии дарят нам чувство мгновенности, которая преодолевает временные барьеры так же, как и телефон, но только с гораздо большими возможностями, когда собеседники могут сделать паузу на некоторое время для того, чтобы получить новую информацию, расширить коммуникационное пространство, не чувствуя напряжения, возникающего при длительных паузах в телефонном разговоре.

Другая черта культуры виртуальной реальности – вневременность. Вот как определяет ее М. Кастельс: «Вневременность мультимедийного гипертекста есть определяющая черта нашей культуры, формирующая ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте. История сначала организуется в соответствии с доступностью визуального материала, а затем подчиняется компьютеризованной возможности выбирать в окнах мгновения, которые нужно склеить и разделить, в соответствии со специфическими потребностями. Школьное обучение, развлечения с помощью СМИ, специальные репортажи новостей или реклама организуют темпоральность так, как это им удобно,

поэтому достижения культуры, извлеченные из всего человеческого опыта, лишены временной последовательности» [6, с. 429].

В свете вышеизложенного было бы странно, если бы наше взаимодействие с разного рода цифровыми технологиями не оказывало влияния на наш мозг. Наличие такого влияния фиксируют психиатры Г. Смолл и Г. Ворган: «Цифровые технологии, развитие которых напоминает взрыв, не только меняют наш образ жизни и дарят нам новые способы общения, но и решительно перекраивают наш мозг» [15, с. 4]. А поскольку масштабы этого взаимодействия очень велики (компьютеры, планшеты, смартфоны, Интернет нашли свое применение во всех сферах нашей жизни), огромно и оказываемое ими влияние.

Мишель Серр выражает ту же мысль, но еще более конкретно: «Судя по данным когнитивных наук, хождение по всемирной паутине, чтение или набивание сообщений, поиск в Википедии или Фейсбуке активизируют другие нейроны и зоны коры головного мозга, чем книга, грифельная доска или тетрадь» [13, с. 14].

Чем более поверхностно человек взаимодействует с той или иной информацией, тем меньше нейронных связей активизируется в его мозгу и тем хуже он эту информацию запоминает. М. Шпитцер пишет о том, что из-за воздействия информационно-коммуникационных технологий наше восприятие становится все более поверхностным, неглубоким: «Раньше тексты читали, сегодня их бегло просматривают, то есть скачут по верхам. Раньше в тему вникали, сегодня вместо этого путешествуют по Интернету (то есть скользят по поверхности информации; появилось даже слово “серфить”» [16, с. 65].

Мишель Серр в книге «Девочка с пальчик» пишет о том, что массмедиа уничтожают способность к вниманию, «сведя продолжительность показа изображений к семи секундам, а время ответа на вопросы – к пятнадцати» [13, с. 13].

В рамках освещения проблемы воздействия информации на человеческий мозг представляется интересным затронуть вопрос о связи между межполушарной асимметрией мозга и восприятием информации, так как особенности восприятия и анализа информации зависят в том числе и от того, какое полушарие мозга доминирует¹.

Согласно данным нейрофизиологических исследований, полушария человеческого мозга

¹ Подробнее об этом см.: [11].

выполняют различную функцию: левое полушарие специализируется на обработке звуков речи и отвечает за логическое мышление, правое отвечает за наглядное восприятие внешнего мира, означающую сторону знаков (рисунков, иероглифов, языка жестов), занято обработкой образной информации [3; 8; 20].

Эксперименты, проводившиеся в 1970-е гг. в Ленинграде группой нейрофизиолога Л.Я. Баллонова [3], показали, что левое полушарие связано с анализом речи, а правое – с ориентировкой в пространстве. У взрослого правши правое полушарие можно считать почти совершенно немым, оно понимает отдельные существительные и простые предложения типа «Здравствуй», «Иди сюда». Но при этом именно правое полушарие отвечает за толкование смысла слов. Правое полушарие воспринимает внешний мир во всей его полноте, цвете и звуке, а левое придает этим впечатлениям логические и грамматические формы. Правое полушарие дает образ для мышления, левое осуществляет мыслительный процесс по правилам логики. Значительная часть конкретной смысловой информации о внешнем мире содержится в правом полушарии в невербальной форме [3].

Левое полушарие мозга, управляющее звуковой речью, считается эволюционно более молодым, чем правое полушарие, связанное с передачей информации посредством зрительных и пространственных образов. Зрительные и пространственные образы, которыми занято правое полушарие, – это прежде всего образы окружающих нас вещей.

Из вышеизложенных фактов можно сделать вывод о том, что правое и левое полушарие преимущественно отвечают за различные виды информации: левое – за буквенно-звуковую, правое – за образную.

Анализируя современные представления о билатеральности полушарий, Е.А. Силина и Т.В. Евтух подчеркивают: «Разделение головного мозга на два симметричных, но функционально неравнозначных органа рассматривается современной наукой как важный фактор адаптации человека к окружающей действительности» [14, с. 7]. Однако неправильно было бы абсолютизировать это разделение, так как оба полушария нормально функционирующего мозга работают взаимосвязано, при этом каждое исполняет свою роль.

Можно предположить, опираясь на концепцию Вяч. Вс. Иванова [5], что у представителей

древних бесписьменных обществ было более развито образное мышление и, соответственно, правое полушарие (распространенная в такого рода обществах традиция устной передачи народного творчества свидетельствует о преобладании правополушарной памяти, организованной иным образом, чем память левого полушария). У человека дописьменного общества логическое мышление (прерогатива левого полушария) было менее развито, чем у современного человека.

Появление фонетического письма способствовало формированию логического мышления и развитию левого полушария. Начиная с XX в. можно наблюдать постоянный рост количества образной информации: кино, телевизор, видеофильмы, наконец, компьютер и Интернет. Компьютерные игры, которыми увлечены и взрослые, и дети, почти полностью предоставляют информацию в виде образов. Велика доля образной информации и в контенте соцсетей. Возрастание доли образной информации может привести к активизации правого полушария, что позволяет предположить: в будущем оба полушария мозга будут гармонично развиваться и взаимодополнять друг друга. Грядущая всемирная цивилизация, как пророчил М. Маклюэн, будет обществом «гармоничной коммуникации» и «образного мышления», являющихся неперемнным условием формирования высших культур [9].

Известно, что в развитии ребенка существуют особые периоды, своего рода «открытые окна», когда он наиболее восприимчив к воздействиям внешнего мира и должен выработать определенные навыки (речь, навыки социальной коммуникации с другими индивидами). Если в эти периоды он будет взаимодействовать не с родителями, другими взрослыми и детьми, а преимущественно с современными средствами массовой коммуникации и информации (телевизором, планшетом, смартфоном), то последствия могут быть катастрофическими. Очень показателен здесь пример, описанный выдающимся культурологом Вяч. Вс. Ивановым в работе «Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем». Примечательно, что эта работа опубликована в 1968 г., то есть задолго до современного «информационного взрыва», однакостораживающие тенденции прослеживались уже тогда. Речь идет о маленьком, еще не умевшем говорить ребенке, родители которого, уходя на работу, надолго оставляли его одного перед включенным телевизором.

В результате у ребенка наблюдались странные особенности, свидетельствующие об отклонении в развитии: «Он ничего не говорил, но начал писать, в частности умел писать названия телевизионных программ и тексты коммерческих реклам, ... когда мальчик заговорил – он произносил названия отдельных марок машин, но не целые предложения» [5, с. 51]. Вяч. Вс. Иванов связывает данное нарушение с тем, что огромный объем пространственно-зрительной информации, обрушивавшийся на ребенка с экрана телевизора изо дня в день, замедлил развитие левого полушария мозга и, как следствие, обучение речи.

Такие исследователи, как П. Смарт, Р. Херсминк и Р. Клоуз, рассматривают отношения между Интернетом и его пользователями в категориях теории познания (используя при этом термин «когнитивная экология Интернета») и утверждают, что Интернет является важной частью окружающей среды, которая помогает нам осуществлять когнитивную обработку. Это, по сути, важная часть более широкого понятия «когнитивная экосистема», внутри которой находится наш мозг [19].

При всей амбивалентности влияния на человека цифровой среды несомненно одно: применение компьютерных технологий существенно преобразует мыслительную, мотивационную и эмоциональную составляющие человеческой личности [17]. Скорее всего, многие когнитивные функции (способность хранить в памяти большие объемы информации, планирование, моделирование, «вычислительный» интеллект) будут все больше «отдаваться на откуп» технологиям.

Но у человека существуют такие способности, которые, по крайней мере пока, машины заменить не могут. Речь идет прежде всего о так называемом эмоциональном интеллекте (emotional intelligence, EI). Впервые понятие «эмоциональный интеллект» ввели П. Сэловей и Дж. Майер в 1990 г., определив его как группу ментальных способностей, обеспечивающих осознание и понимание собственных эмоций и эмоций окружающих людей [1]. Высоко развитый эмоциональный интеллект дает преимущества в профессиональной деятельности и межличностных отношениях, способствует самопознанию и, в конечном счете, большей осознанности и душевному здоровью. «Индивиды с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также к управлению

эмоциональной сферой, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении» [1, с. 81].

Одной из составляющих эмоционального интеллекта являются развитые социальные навыки, такие как способность выстраивать и поддерживать хорошие отношения с окружающими, в том числе и коллегами, умение вдохновлять и мотивировать не только себя самого, но и других людей, быстро и творчески решать задачи. Человек с высоким уровнем эмоционального интеллекта может быть весьма развит в личностном плане и востребован в профессиональном, даже несмотря на не слишком высокий IQ.

В структуре эмоционального интеллекта исследователи выделяют три компонента – эмоциональный, когнитивный и поведенческий. «Эмоциональный компонент выражается в эмпатии, позитивной и негативной экспрессии, внимании к эмоциям, сопереживании радости и несчастья, эмоциональной отзывчивости, эмоциональном участии, когнитивная составляющая эмоционального интеллекта включает адекватную самооценку, эмоциональное самосознание, осведомленность об эмоциональных качествах, принятие решений на основе эмоций, рефлексия. Поведенческий компонент эмоционального интеллекта – это способность управлять своими эмоциями, продуктивное взаимодействие, психологическая гибкость в выстраивании отношений» [2, с. 77].

Можно ли выявить корреляцию между высоким уровнем эмоционального интеллекта и преобладающей деятельностью того или иного полушария человеческого мозга? Согласно данным, которые приводит В.Л. Деглин, «активация правого полушария сопровождается усилением экспрессии и улучшением опознания экспрессии других людей» [4, с. 36].

Под эмоциональной экспрессией в данном случае понимается «внешнее выражение собственных эмоций и восприятие эмоциональной экспрессии окружающих» [4, с. 35], то есть по крайней мере один компонент эмоционального интеллекта – эмоциональный – можно связать с активной ролью правого полушария.

Конечно, влияние преобладания того или иного полушария на эмоции человека, да и на другие проявления его личности, не следует переоценивать. Об этом предупреждает сам Деглин, так как «проблема связи функциональной асимметрии и эмоций очень сложна» [4, с. 37], но, тем не менее, некую корреляцию наметить можно.

Проблематика, анализируемая в данной статье, безусловно, «человекообразна», то есть человек здесь рассматривается как целостный феномен – как социокультурный, так и биосоциальный. Пожалуй, ни одна отрасль науки и культуры не имеет столько возможностей для комплексного анализа феномена человека, как философия. При анализе человека как биосоциального существа философия должна работать в тесной связи с науками о живом – биологией, экологией, генетикой, нейрофизиологией.

М. Серр считает трансформации цифровой эпохи столь глубокими, что сравнивает их с переломными эпохами в истории человечества, такими как эпоха неолита, начало христианской эры, конец Средневековья или Возрождения. Несмотря на такие масштабные преобразования Серр видит в новых технологиях «человечение», а не «расчеловечивание» [13, с. 16]. Когда мы видим в цифровой эпохе только плохое (опасности) или только хорошее (возможности), это создает своеобразные шоры, делающие дальнейший глубокий комплексный анализ невозможным, несмотря на то что именно он нам жизненно необходим.

Бытие человека в цифровую эпоху, его взаимодействие с современными информационно-коммуникационными технологиями приводит к появлению новой модели личности, с новыми когнитивными, поведенческими и эмоциональными установками. Наш мозг, сознание, мышление, когнитивные способности меняются под влиянием получаемой и перерабатываемой нами информации. Эти изменения еще не до конца изучены, но определенно амбивалентны.

Чтобы избежать «расчеловечивания» и «порабощения машинами», нам необходимо развивать в себе такие способности, в которых машины, по крайней мере пока, не могут нас превзойти. Одной из таких способностей может стать эмоциональный интеллект, высокий уровень которого связан в том числе и с развитием правого полушария. Возможно, возрастающее количество образной информации в современной цифровой среде будет этому способствовать. Конечно, в проблеме межполушарной асимметрии мозга на сегодняшний день немало неоднозначных и не до конца изученных моментов, но, в любом случае, ее дальнейшее изучение внесет определенную ясность в анализ «когнитивного портрета» человека цифровой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.
2. Антропова Л.К., Куликов В.Ю., Осинцева А.А., Козлова Л.А. Межполушарные особенности эмоционального интеллекта студентов // Journal of Siberian Medical Sciences. 2015. № 3. С. 77.
3. Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л.: Наука, 1976.
4. Деглин В.Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам; Киев, 1996.
5. Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. Колин К.К. Социальная информатика. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2003.
8. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Либроком, 2009.
9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018.
10. Марков А.В. Эволюция человека. В 2-х кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ; Corpus, 2011.
11. Петрова Е.В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФ РАН, 2014.
12. Руднев В.П. Гипертекст // Словарь культуры XX в. М.: Аграф, 1999.
13. Серр М. Девочка с пальчик. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
14. Силина Е.А., Евтух Т.В. Межполушарная асимметрия и индивидуальные различия. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005.
15. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху интернета. М.: КоЛибри, 2011.
16. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2014.
17. Gnatik, E.N., 2018. Information technologies in educational sphere: challenges and risks. In: Advances in social science, education and humanities research. Vol. 232. 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2018). Paris: Atlantis Press, 2018, pp. 584–587.
18. Lilly, J., 1981. The deep self: profound relaxation and the tank isolation technique. New York: Warner Books.

19. Smart, P., Heersmink, R. and Clowes, R.W., 2017. The cognitive ecology of the Internet. In: Cowley, S. and Vallée-Tourangeau, F. eds., 2017. *Cognition beyond the brain: computation, interactivity and human artifice*. Dordrecht: Springer, pp. 251–282.

20. Sperry, R.W., 1974. Lateral specialization in the surgically separated hemispheres. In: Schmitt, O. and Woeden, F.G. eds., 1974. *The neurosciences: third study program*. Cambridge: MIT Press, pp. 5–20.

REFERENCES

1. Andreeva, I.N., 2006. Emotsional'nyi intellekt: issledovaniya fenomena [Emotional intelligence: a study of the phenomenon], *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 78–86. (in Russ.)

2. Antropova, L.K., Kulikov V.Yu., Osintseva, A.A. and Kozlova, L.A., 2015. Mezhpolusharnye osobennosti emotsional'nogo intellekta studentov [Interhemispheric features of students' emotional intelligence], *Journal of Siberian Medical Sciences*, no. 3, pp. 77. (in Russ.)

3. Balonov, L.Ya. and Deglin, V.L., 1976. Slukh i rech' dominantnogo i nedominantnogo polusharii [Hearing and speech of the dominant and non-dominant hemispheres]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

4. Deglin, V.L., 1996. Lektsii o funktsional'noi asimmetrii mozga cheloveka [Lectures on the functional asymmetry of the human brain]. Amsterdam; Kiev. (in Russ.)

5. Ivanov, V.V., 1978. Chet i nechet. Asimmetriya mozga i znakovykh sistem [Odd and even. Asymmetry of brain and sign systems]. Moskva: Sovetskoe radio. (in Russ.)

6. Castells, M., 2000. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]. Moskva: GU VShE. (in Russ.)

7. Kolin, K.K., 2003. Sotsial'naya informatika [Social informatics]. Moskva: Akademicheskii Proekt; Fond «Mir». (in Russ.)

8. Luriya, A.R., 2009. Osnovnye problemy neirolingvistiki [The main problems of neurolinguistics]. Moskva: Librokom. (in Russ.)

9. McLuhan, M., 2018. Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego [The

Gutenberg galaxy: the making of typographic man]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

10. Markov, A.V., 2011. Evolyutsiya cheloveka. V 2-kh kn. Kn. 2. Obez'yany, neirony i dusha [Human evolution. In two books. Book 2. Monkeys, neurons and soul]. Moskva: AST; Corpus. (in Russ.)

11. Petrova, E.V., 2014. Chelovek v informatsionnoi srede: sotsiokul'turnyi aspekt [Man in the information environment: a social and cultural aspect]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)

12. Rudnev, V.P., 1999. Gipertekst [Hypertext]. In: *Slovar' kul'tury XX v.* Moskva: Agraf. (in Russ.)

13. Serres, M., 2016. Devochka s pal'chik [Thumbelina]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)

14. Silina, E.A. and Evtukh, T.V., 2005. Mezhpolusharnaya asimmetriya i individual'nye razlichiya [Interhemispheric asymmetry and individual differences]. Perm: Perm. gos. ped. un-t. (in Russ.)

15. Small, G. and Vorgan, G., 2011. Mozg onlain. Chelovek v epokhu interneta [Brain online. People in the Internet age]. Moskva: KoLibri. (in Russ.)

16. Spitzer, M., 2014. Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg [Anti-brain: digital technology and brain]. Moskva: AST. (in Russ.)

17. Gnatik, E.N., 2018. Information technologies in educational sphere: challenges and risks. In: *Advances in social science, education and humanities research*. Vol. 232. 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2018). Paris: Atlantis Press, 2018, pp. 584–587.

18. Lilly, J., 1981. The deep self: profound relaxation and the tank isolation technique. New York: Warner Books.

19. Smart, P., Heersmink, R. and Clowes, R.W., 2017. The cognitive ecology of the Internet. In: Cowley, S. and Vallée-Tourangeau, F. eds., 2017. *Cognition beyond the brain: computation, interactivity and human artifice*. Dordrecht: Springer, pp. 251–282.

20. Sperry, R.W., 1974. Lateral specialization in the surgically separated hemispheres. In: Schmitt, O. and Woeden, F.G. eds., 1974. *The neurosciences: third study program*. Cambridge: MIT Press, pp. 5–20.

В.В. Лещинская*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается история становления и развития экологической эстетики как научной дисциплины, затрагиваются основные проблемы, связанные с этим процессом. Понятие экологической эстетики как нового направления философской рефлексии предполагает анализ его отличия от классической темы природы в искусстве и от эстетики окружающей среды. Автор фокусирует внимание на проблеме эстетизации природной среды как основополагающем структурном элементе формирования и развития эколого-эстетической культуры личности.

Ключевые слова: экологическая эстетика, экологическая культура, пост-неклассическая рациональность, экологическое образование

The formation of environmental culture in the globalized world: an aesthetic aspect. VERONIKA V. LESHCHINSKAYA (Information-Analytical Center for Specially Protected Natural Areas Support)

The article discusses the history of the formation and development of environmental aesthetics as a scientific discipline and addresses the main problems associated with this process. The concept of environmental aesthetics as a new direction of philosophical reflection involves an analysis of its differences from the classical theme of nature in art and from the aesthetics of the environment. The author focuses on the problem of aesthetization of the natural environment as a fundamental structural element in the formation of the environmental and aesthetic culture of an individual.

Keywords: environmental aesthetics, environmental culture, post-non-classical rationality, environmental education

Обострившиеся взаимоотношения человека и природы демонстрируют свой предельный уровень, выход за который грозит человечеству не только его собственной гибелью, но и гибелью всей планеты. Катастрофические последствия техногенной цивилизации заставляют ученых различных областей и всю мировую общественность начать поиски истинных причин

экологического кризиса, а также путей решения этих системных проблем. Экологический и тесно с ним связанный антропологический кризисы требуют разработки абсолютно новой концепции экологической культуры. Само понятие «антропологический кризис» было сформулировано еще в 1920-х – 1930-х гг. в связи с негативными тенденциями в европейской культуре,

* ЛЕЩИНСКАЯ Вероника Владимировна, начальник отдела информационного обеспечения и методологии экологического просвещения и взаимодействия с общественными организациями Информационно-аналитического центра поддержки заповедного дела.

E-mail: ecometodist@mail.ru

© Лещинская В.В., 2019

о чем писали К. Ясперс, К. Манхейм, Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер и др. В наши дни проблема человека становится особо острой, учитывая глобальные мировоззренческие и социальные изменения, а также духовно-нравственную нестабильность в обществе. Именно поэтому на первый план философских размышлений сегодня выходит антропологическая составляющая в контексте формирования экологической культуры как единственно возможной формы перехода к устойчивому развитию цивилизации и важного условия гармонизации отношений природы и человека.

Экологическая культура «предполагает беспрецедентную по сложности и масштабам переориентацию всех видов человеческой деятельности, в первую очередь тех, которые исторически сложились как разрушительные для природной среды. Изменение ориентации деятельности связано с коренной перестройкой мировоззрения, прежде всего той шкалы ценностей, которая укоренилась в сознании людей под воздействием противостояния человека природе. Иными словами, предстоит основательная ломка ценностей как материальной, так и духовной культуры и формирование новой – экологической культуры» [2, с. 80]. Многими учеными подчеркивается особая роль аксиологического подхода в решении проблемы формирования экологической культуры. В этом направлении философской мысли работали Е.Ю. Ногтева, Э.В. Гирусов, А.Н. Захлебный, И.Д. Зверев, И.Т. Сураегина, Т.П. Южакова. Аксиологический подход позволяет не только взглянуть по-новому на ценность природы, но и понять мотивацию формирования природосообразного отношения человека и природы. В настоящей статье будет заострено внимание на эстетической составляющей формирования целостного, экологического мировоззрения, которое невозможно без эстетически-нравственного подхода.

«Способность видеть эстетическое, прекрасное в природе, чувствительность к нему – вот некая предпосылка затем появляющегося этического отношения», – так считал известный психолог-теоретик и философ С.Л. Рубинштейн, изучающий проблемы развития психики, мышления, сознания и становления личности человека [9, с. 122]. В.И. Вернадский полагал, что ключевую роль в формировании ноосферы играют «сознание, культура и особенно искусство, соотносимые с художествен-

ным построением мира на основе внутренней гармонии его процессов» [7, с. 35]. Ноосфера (от греч. *noos* – разум) Вернадского, разумно управляемая человеком на основе гармонизации отношений цивилизации и природы, представляет собой новый этап развития биосферы. Для нас особенно примечательно, что философ определил ключевую роль искусства в формировании нового ноосферного мировоззрения. Стоит упомянуть в этой связи направление русского космизма, которое вместе с учением В.И. Вернадского развивало мысль о незаменимой роли искусства и культурно-природного сближения в гармоничном познании природы. В трудах этих философов мы видим тенденцию к усилению темы природы, особого ее раскрытия средствами искусства через формы художественного переосмысления объектов природного мира. Таким образом, восприятие природы как самоценного эстетического объекта в парадигме экологической культуры является одним из путей гармонизации взаимоотношений человек-природа.

Во многих международных документах (в «Повестке дня на XXI век», в «Стратегии по образованию в целях устойчивого развития» и др.) также подчеркивается значимость развития духовных ценностей человека и установления гармоничных отношений с окружающим миром. Именно поэтому эколого-эстетическое направление в философии является перспективным, о чем говорят многие исследователи экологической эстетики – как зарубежные (Х. Янг, Ж. Мак Дермотт, Ю. Сепанма и др.), так и российские (Л.П. Печко, Н.Б. Маньковская, А.К. Шульженко и др.). Становление «человека экологического» [13], «чувственного существа», стоит как задача тысячелетия в противовес «человеку экономическому» Адама Смита. Фундаментальной характеристикой «человека экологического», человека новой формации, является реализуемый им эстетический опыт любования природой. Восприятие природы с точки зрения эколого-эстетического направления философской мысли имеет существенные отличия от традиционного рассмотрения темы природы в искусствоведческих дисциплинах и в философии искусства. Выделение в самостоятельную область научного знания и стремительное развитие экологической эстетики как многоаспектной междисциплинарной области научного знания тесно связано с общей проблематикой формирования экологической культу-

ры, поиском новых методологических подходов в экологическом образовании и просвещении.

Эстетика – это область знания о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт ее освоения, в процессе (и в результате) которого человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неопишуемой радости, блаженства, катарсиса, экстаза, духовного наслаждения свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним [6, с. 456]. В данном определении подчеркивается специфика эстетического освоения действительности через особое переживание своего личностного, эмоционально окрашенного отношения, причастности к Универсуму, к миру в целом. Необходимость четкой дефиниции экологической эстетики как научной дисциплины очевидна, так как восприятие природы как эстетического объекта является предметом пристального изучения многих наук: философии искусства, искусствоведения, эстетики, психологии, культурологии. Экологическая эстетика же имеет свое предметное поле, в которое включают и эстетическое освоение природы, и развитие эколого-эстетического (см.: [7, с. 30]). Между тем, проблематика формирования экологической эстетики, по мнению Л.П. Печко, недостаточно изучена и требует более пристального внимания в контексте актуальности становления экологического воспитания. Именно поэтому социально важным и своевременным является научное обоснование и развитие экологической эстетики как самостоятельной области научного знания. Вместе с тем междисциплинарность современной науки экологии и взаимообусловленность экологических проблем заставляет рассматривать экологическую эстетику также с позиции системного, коэволюционного подхода. По мнению исследователя Л.П. Печко, много лет занимающейся вопросами эстетики, культуры и эколого-эстетической педагогики, формирование экологической эстетики происходит на стыке проблематики социальной экологии и культуры.

Эстетическое в действительности проявляется в первую очередь через взаимодействие, через особое отношение. Для формирования экологической эстетики этот принцип приобретает особую важность. А.К. Шульженко

подчеркивает необходимость рассмотрения «нового качества культурной коммуникации общества и природы, когда Человек и Природа рассматриваются как равнозначимые ценности, на передний план выдвигаются идеи гармонии, гуманизации, коэволюции, диалога, сотрудничества и компромисса в отношениях с природным миром, что возможно лишь на основе совершенствования чувственно-эстетических ориентаций личности» [12, с. 6]. Экологическая эстетика, начавшая свое активное развитие вместе с осознанием надвигающейся экологической катастрофы к концу XX в., перестает быть дисциплиной, относящейся только к одному направлению научной мысли. Задача современных исследователей состоит в разработке концептуально нового философского подхода к эстетике природы с учетом изменений в научной картине мира. Можно выделить гносеологическую, аксиологическую, деятельностьную и чисто эстетическую функцию особого восприятия природы в условиях переходного периода.

Существенную роль в обозначении предметно-проблемного поля экологической эстетики сыграли научные споры «природников» и «общественников». Имеются также другие обозначения этих научных направлений – «когнитивизм» и «нонкогнитивизм», проявившихся особо ярко в западной эстетике. Представителями «когнитивного» направления в философском мире являются М. Бадд, Г. Парсонс, М. Итэн, А. Карлсон, Ю. Сайто, Ю. Сепанма, К. Уолтон, Дж. Фишер, а сторонниками «нонкогнитивного» – А. Берлеант, Э. Брейди, С. Годловитч, Н. Кэрролл, Р. Хелберн и др. (см.: [1]). Для приверженцев «когнитивизма» главное в эстетике – знания о природе, которые являются ключевыми в оценке любого природного объекта, в то время как сторонники «нонкогнитивизма» считают основополагающим самоценность природы, то есть нечто отличное от когнитивного компонента. Два этих направления не вступают в противоречие друг с другом, а лишь исходят из различных отправных точек научной рефлексии. Основной пункт, который подчеркивают исследователи экологической эстетики, – это признание самоценности природы вне зависимости от установок познающего субъекта.

Однако, в контексте смены мировоззренческих ориентиров и преодоления экологического кризиса, эстетизация природного мира – это в первую очередь борьба с потребительским ми-

ровоззрением современного общества. Принятие самоценности, эстетической привлекательности любого природного объекта меняет наше восприятие природы как окружающей среды, служащей практическим, утилитарным целям человека. Любой природный объект начинает восприниматься как эстетически привлекательный. Одинаковые по силе эстетические чувства может вызывать как красивый цветок, так и паук, крыса, змея и т. д. Восприятие природы в экологической эстетике уравнивает природные объекты в их эстетической ценности. В научный обиход начинает входить новое понятие «экологический идеал», который, по мнению А.К. Шульженко, выражает «эмоционально-чувственное представление о совершенстве окружающего мира» [12, с. 6].

Происходит пересмотр категорий «прекрасное» и «безобразное» в экологической эстетике. Последствия загрязнения всей биоты Земли, мощного антропогенного воздействия очевидны настолько, что, применяя категории эстетики, их можно отнести к сфере безобразного, тогда как все естественное, природное – к сфере прекрасного, красивого. Таким образом, классическая эстетическая дихотомия прекрасное–безобразное соотносится с категориями природного–антропогенного. Мы видим, что в современной эстетике (к примеру, постмодерна) стали видоизменяться критерии классических эстетических ценностей прекрасного, красивого, с одной стороны, а с другой стороны – безобразного, некрасивого. Многие исследователи экологической эстетики считают, что пришло время рассматривать все искусственное как отрицательно окрашенное, а все относящее к естественному – положительно. Исследователь Л.А. Закс считает, что «под экологической эстетикой тут понимается не наука об эстетических ценностях природной и культурогенной среды, их социокультурных основаниях и функциях, а ее реальный объект: эстетическое состояние этих основных сред “обитания” человека» [1, с. 42]. Другой исследователь, Н.В. Койнова считает, что «современная экологическая эстетика в целом направлена на поиск общечеловеческих ценностей в природопользовании, общественной жизни, технике и искусстве» [3, с. 54]. В таком случае «предметом экологической эстетики оказывается именно эстетическое освоение природы и гармонизация отношений субъекта деятельности к природному объекту на основе восприятия, переживания и оценивания его

эстетических характеристик как объективных и универсальных» [7, с. 38].

Вместе с тем экологическая эстетика ставит перед исследователями и другую задачу, а именно задачу смены гносеологического статуса природного объекта в системе «человек–природа», которая требует также конкретизации и философского развития. Эколого-эстетическое отношение к миру предполагает уравнивание в познавательной ситуации природного объекта, человека и другого человека. Если рассматривать человека как часть природы, в таком случае он является равноценным природным объектом и в равной степени относится к предмету изучения эстетической экологии. Об отсутствии дистанции между наблюдателем и естественным объектом в экологической эстетике пишут многие, в частности – финский исследователь Ю. Сепанма, который полагает, что именно поэтому «эстетическая позиция трудна и не самоочевидна» [10, с. 234]. «Эстетическое восприятие среды ведется реципиентом изнутри самой среды», – таково мнение представителей «нонкогнитивного» лагеря западной экологической эстетики [8]. Стирание границ между субъектом и объектом познания, создание таким образом новой познавательной парадигмы выводит принципы экологической эстетики в поле постнеклассической методологии и задает определенное направление для формирования экологической культуры.

В период масштабных исторических трансформаций последних лет, в первую очередь в социальной, культурной сфере, в пространстве индивидуально-личностных изменений, в совокупности с глобальными вызовами современности происходит пересмотр и качественное изменение отношения к ценностным смыслам, которые дает нам природа. Сама по себе экологическая эстетика в контексте современных исследований представляет собой более широкую область знания, чем эстетика природы или эстетика окружающей среды. На наш взгляд, экологическая эстетика включает в себя восприятие всего окружающего человека мира: природного, в том числе культурно созданного, технократического. В современном познавательном контексте встает вопрос о том, что считать окружающей средой. Если исходить из того, что в центре рассматриваемой системы находится человека, то, безусловно, окружающая среда – это все, что окружает человека. В этот круг входят и природные объекты, и объекты,

искусственно созданные цивилизацией. В таком контексте эстетика окружающей среды, на наш взгляд, включает в себя различные объекты изучения. Философ А. Берлеант, к примеру, считает, что экологическая эстетика – это «целенаправленное применение эстетических ценностей и принципов к вопросам повседневной жизни, деятельности и объектам, которые служат определенному практическому назначению, от одежды и автомобилей к лодкам, зданиям и поведению» (Цит. по: [1, с. 48]). Данное определение наглядно демонстрирует существующую терминологическую путаницу в определении понятия экологической эстетики.

Экологическая эстетика, на наш взгляд, – это в первую очередь эстетика гармонизации отношений человека и природы, процесс особой коммуникации между ними (см.: [4; 8]). Мы наблюдаем постепенное введение в теоретический и методологический оборот следующих терминов: «ценностное отношение к природе», «эмоционально-ценностное отношение», «личностное отношение к природе», «субъектное отношение к природе», что подчеркивает важность развития именно этого направления в экологической культуре и экологической эстетике. Природа – это целостный эстетический объект, ценность которого неразрывно связана с другими ценностями – моральными, религиозными и т. д. И это – еще один штрих, отличающий экологическую эстетику и от исследования темы природы в искусстве, и от философии природы в искусстве. Самоценность природного объекта, его равноценность с любым культурным объектом является отличительной черной нового эколого-эстетического рассмотрения системы человек-природа. Современные философские изыскания в этой области предполагают связь эколого-эстетических переживаний с сочувствием всему живому, с идеями ответственности перед жизнью как таковой. Эти идеи развивал еще в первой половине XX в. Альберт Швейцер.

Экологическая эстетика сопряжена с чувством ответственности перед любым природным объектом, на этом строится критерий эко-сознательной, зрелой личности. Понимаемая в таком ключе, экологическая эстетика находит все больше точек соприкосновения с экологической этикой: и та, и другая «исходят из принципа полноты, согласно которому культура призвана не только разрушать, но и созидать то, что не под силу природе; умножая эстетическое богатство природы и культуры как целостности»

[10, с. 342]. В этом смысле культура не противостоит природе, но помогает человеку осознать ее самоценность. Здесь мы видим определенные основания для отказа от привычной дихотомии цивилизации и природы. В сферу экологической эстетики начинают включаться новые культурные традиции на основе морального, религиозного и социального опыта.

Эстетическое восприятие природы является одним из ключевых факторов, формирующих гармоничную личность, критерием ее зрелости и всестороннего развития. Умение видеть красоту и эстетическую самодостаточность природного объекта – условие формирования эколого-сознательной, развитой личности. Перед исследователями в настоящее время остро встает проблема эстетизации природной среды как основополагающего структурного элемента формирования и развития эколого-эстетической культуры личности, проблема эстетизации экологического образования и воспитания. В отечественной научной литературе исследований в этом направлении не много, в первую очередь здесь необходимо упомянуть работы Л.П. Печко, А.К. Шульженко, И.Ф. Смольянинова, Д.Х. Хацкевич. «Практическая эстетика подразумевает создание и апробирование новых методик по эколого-эстетическому развитию личности в контексте формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания. Эколого-эстетическое воспитание – одна из областей эстетического воспитания, возникающая на стыке педагогики, психологии, искусствознания, общественных и естественных наук», – таков ход мыслей отечественных теоретиков эстетики природы [11, с. 343].

В настоящее время ведутся поиски актуальных методик развития личности на основе любования природой, развития чувственного восприятия природных объектов, формирования субъективно-эмоционального отношения. В экологической эстетике происходит гармоничное сближение культуры и природы на основе вне-рационального, эмоционально-интуитивного постижения реальности. Осознание целостности мира требует от субъекта познания новых познавательных практик. Складывается основа для нового, *современного рационализма* [5]. В настоящее время выделяется тенденция рассмотрения экологической эстетики как составной части общего процесса формирования экологической культуры, тесно связанного с антропологическими проблемами. С конца 1990-х гг. получила развитие такая

самостоятельная научная дисциплина, как экологическая психология, исследующая психологические и психолого-педагогические основы взаимоотношений природы и человека. Эстетические переживания природы также относятся к сфере научных интересов экологической психологии.

Именно поэтому воспитание особого «чувства природы», своей природной сопричастности – первостепенная задача современной педагогики. В последнее время, к примеру, развивается прием эмпатии как методическая техника преодоления собственной субъективности, переживания Мира, усиления чувственного познания, снятия дуального противопоставления «Я» – «не Я» в отношении к природным объектам. Применяя рассматриваемый термин «эмпатия» к изучению проблемы формирования экологической культуры, исследователь выходит за пределы психологической науки и сталкивается с проблемой сознательного «вчувствования» и одновременно со-переживания и со-участия с природным объектом. Это то самое понятие «чувствование», которое формируется как со-чувствие (Г. Коген). Его «самочувствие есть любовь, но не самолюбовь, а любовь самости человека, которая становится природой человека... только и исключительно через искусство» (Цит. по.: [1, с. 4]).

Таким образом, задача науки эстетики в период конвергенции в научном мире, как отмечает В.В. Прозерский, «превратиться из философии искусства в философию среды человеческой жизни» [8], которая в свою очередь включает и природную среду как неотъемлемую часть. «Классическая эстетика созерцания должна уступить место эстетике вовлеченности» [8]. На основе чего должна осуществляться эта вовлеченность? На наш взгляд, вовлеченность предполагает как физическую включенность в процесс, так и эмоционально-психологическую связь с природным объектом. Данный подход был представлен в истории философии в разных вариантах: это и идея вчувствования (Т. Липпс), и идея бытия-в-мире (М. Хайдеггер), это и целый ряд сначала экзистенциалистских, а затем постструктуралистских идей. «В рамках каждого из этих подходов, – как полагает А.Е. Радеев, – возможно проследить становление нового понимания эстетики в целом и экологической эстетики в частности» [1, с. 53].

Любование природой – это процесс чувственного познания мира, неотделимого от рационального познания мира и включенного

в общую систему познавательных ориентиров личности. Практическая эстетика ставит актуальный вопрос нового эколого-эстетического воспитания, где по-новому проблематизируются субъектно-объектные отношения, поскольку именно в экологической эстетике происходит слияние субъекта и объекта, субъект оказывается внутри исследуемого объекта, в системе природных взаимосвязей. Процесс вчувствования в природный объект дает возможность человеку лучше понять как самого себя (в качестве части природы), так и природу (как систему взаимосвязей между природными элементами). В этом ключе можно говорить о том, что экологическая эстетика как новое восприятие природы и человека становится феноменом развертывания и демонстрации постнеклассических принципов рациональности, положенных в основание формирования экологической культуры. Рассмотрение новых теоретических подходов к экологическому воспитанию должно учитывать эколого-эстетическую направленность, вопросы развития эколого-эстетической культуры личности, которые поднимались в трудах Д.С. Лихачева, С.Н. Глазачева, С.С. Кашлева и др. Кроме того, чувственно-эмоциональное познание окружающей среды имеет универсальные основы, способствующие эффективному сближению ценностных установок Запада и Востока, стиранию границ познавательных ориентиров людей разных культур, формированию мультикультурного пространства и поиску совместных решений глобальных проблем человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальная эстетика – I. Тезисы докладов межвузовского научного форума 10–11 октября 2013 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2013.
2. Гирусов Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.
3. Койнова Н.В. Роль экологической эстетики в развитии эколого-эстетических норм современного общества // Приволжский научный вестник. 2012. № 1. С. 53–57.
4. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
5. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

6. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 2010.

7. Печко Л.П. Выразительность эстетики природы и культура личности. Ульяновск: УлГТУ, 2008.

8. Прозерский В.В. Научный обзор литературы по экологической эстетике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aesthetics.philosophy.spbu.ru/ecolobzor/>

9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

10. Хацкевич Д.Х. Природа как эстетическая ценность. М.: Высш. шк., 1987.

11. Эстетика природы / под ред. К.М. Долгова. М.: ИФ РАН, 1994.

12. Шульженко А.К. Эколого-эстетическое воспитание молодежи в европейской и отечественной педагогике: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2006.

13. Meinberg, E., 1998. Environmental destruction: a philosophical-anthropological perspective. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Anth/AnthMein.htm>

REFERENCES

1. Aktual'naya estetika – I. Tezisy dokladov mezhvuzovskogo nauchnogo foruma 10–11 oktyabrya 2013 g. [Relevant aesthetics – I. Abstracts of the Inter-University Scientific Forum. October 10–11, 2013]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2013. (in Russ.)

2. Girusov, E.V., 2009. Ekologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma [Ecological culture as the highest form of humanism], *Filosofiya i obshchestvo*, no. 4, pp. 74–92. (in Russ.)

3. Koinova, N.V., 2012. Rol' ekologicheskoi estetiki v razvitii ekologo-esteticheskikh norm sovremennogo obshchestva [The role of environmental aesthetics in the development of environmental and aesthetic values of modern

society], *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, no. 1, pp. 53–57. (in Russ.)

4. Man'kovskaya, N.B., 2000. Estetika postmodernizma [Aesthetics of postmodernism]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

5. Moiseev, N.N., 1995. Sovremennyi antropogenez i tsivilizatsionnye razlomy. Ekologopolitologicheskii analiz [Modern anthropogenesis and civilizational rifts. Analysis from the point of ecology and political science], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 3–30. (in Russ.)

6. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t. T. 4 [New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Vol. 4]. Moskva: Mysl', 2010. (in Russ.)

7. Pechko, L.P., 2008. Vyrizitel'nost' estetiki prirody i kul'tura lichnosti [The expressiveness of the aesthetics of nature and personality culture]. Ul'yanovsk: UIGTU. (in Russ.)

8. Prozerskii, V.V. Nauchnyi obzor literatury po ekologicheskoi estetike [Review of research in environmental aesthetics]. URL: <http://aesthetics.philosophy.spbu.ru/ecolobzor/> (in Russ.)

9. Rubinshtein, S.L., 2003. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. Man and the world]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

10. Khatskevich, D.Kh., 1987. Priroda kak esteticheskaya tsennost' [Nature as an aesthetic value]. Moskva: Vyssh. shk. (in Russ.)

11. Dolgov, K.M. ed., 1994. Estetika prirody [Aesthetics of nature]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)

12. Shul'zhenko, A.K., 2006. Ekologo-esteticheskoe vospitanie molodezhi v evropeiskoi i otechestvennoi pedagogike [Environmental aesthetic education of youth in European and Russian pedagogy], avtoreferat dissertatsii doktora pedagogicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

13. Meinberg, E., 1998. Environmental destruction: a philosophical-anthropological perspective. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Anth/AnthMein.htm>

